

Археология ПРИАРАЛЬЯ

выпуск II

Археология Приаралья

II

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
КАРАКАЛПАКСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. Н. ДАВКАРАЕВА

АРХЕОЛОГИЯ ПРИАРАЛЬЯ

ВЫП. II

4

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
1984

В сборнике публикуются статьи большого хронологического диапазона — от каменного века до периода развитого средневековья. В большинстве статей впервые вводятся в научный оборот материалы, полученные в ходе полевых археологических изысканий на территории Приаралья, а также результаты камеральной обработки археологических находок. На основании этих материалов освещаются некоторые аспекты развития раннесредневековых культур Приаралья, средневековых культурных связей, а также отдельные проблемы истории фауны Средней Азии.

Для специалистов в области археологии, этнографии и истории, краеведов и всех интересующихся вопросами истории и культуры народов Средней Азии.

Ответственные редакторы
академик АН УзССР *С. К. Камалов*, кандидат исторических наук
В. Н. Ягодин

Рецензенты
доктор исторических наук *Г. А. Федоров-Давыдов*, кандидат исторических наук
Д. У. Уббимиязов

АРХЕОЛОГИЯ ПРИАРАЛЬЯ

Вып. II

Утверждено к печати
Ученым советом Института истории,
языка и литературы им. Н. Давкароева
Каракалпакского филиала АН УзССР,
Президиумом Каракалпакского филиала АН УзССР

Редактор *И. С. Махшума*
Художник *В. М. Расулов*
Технический редактор *Х. У. Бабамухамедова*
Корректор *Н. В. Казова*

ИБ № 2743

Сдано в набор 18.10.84. Подписано к печати 12.12.84. P01376. Формат 70×108^{1/8}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,8. Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 1000. Заказ 232. Цена 1 р. 75 к.

Издательство «Фан» УзССР, 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

А $\frac{0507000000-3029}{M\ 355\ (04)-84}$ 18—84 © Издательство «Фан» Узбекской ССР, Ташкент, 1984 г.

Н. ЮСУПОВ

**ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
НИЗОВЬЕВ АМУДАРЬИ (Гяур-кала Султануиздагская,
Джампык-кала, Куба-тау, Чильпык)**

Наиболее ранние сведения об археологических памятниках низовьев Амударьи относятся к середине XVIII в. В этот период русские путешественники Дмитрий Гладышев и Иван Муравин составили краткие описания некоторых памятников и нанесли их местоположение на карту. Среди них упоминается Чильпык: «И за рекой бывший городок Челпак Хивинского владения, который сделан был из глины валом не на ровном месте» [1, с. 66]. Отчет Д. Гладышева и И. Муравина использовал П. Рычков [2, с. 14], а его полный текст с картой издал Я. Ханьков [3, с. 276].

Материалы карты, составленной этими путешественниками в 1755 г., были использованы в атласе Оренбургской губернии, изданном И. Красильниковым, и прочно вошли в научный оборот [4, с. 525—527]. По мнению известного советского востоковеда-археолога А. Н. Бернштама, русские топографы И. Муравин и Д. Гладышев заложили основы археологического описания древних памятников Средней Азии и Хорезмского оазиса [5, с. 5].

Некоторые сведения о древних памятниках низовьев Амударьи имеются в литературных источниках второй половины XIX в. Так, о развалинах Гяур-калы Султануиздагской писал участник Русской посольской миссии в Хиву Е. Килевейн: «В 30 верстах от развалин древнего города Гяур лежит город Яны-Ургенч» [6, с. 100].

Венгерский востоковед А. Вамбери в 1863 г. посетил Хивинское ханство и составил краткие описания некоторых развалин памятников на своем пути по Амударье: «Немного далее по течению реки встречаются тоже обширные развалины с остатками каменных строений, называемые Гаур-кализ (крепость гяуров)...

Пройдя мимо выдающейся их вершины Ямпук, увенчанной развалинами замка, мы выступили в ущелье (по здешнему Киснак), образуемое с одной стороны юмалаком, а с другой цепью горы Шейх-Джели, идущей от востока к западу...

На горе, у самого берега виднеются развалины Чильпык, о котором предание гласит, что это был некогда укрепленный замок, служивший местопребыванием некоей принцессы, влюбившейся в невольника своего отца и бежавшей сюда от родительского мщения. Чтобы доставить сюда воду, они прокопали гору до реки; подземный этот ход существует и поныне» [7, с. 121—126].

Проплывая по Амударье вниз по течению, А. Вамбери должен был дать сначала описание Джампык-калы, затем Гяур-калы и только потом перейти к изложению материала о Чильпыке. По-видимому, непоследовательное описание А. Вамбери археологических памятников можно объяснить тем, что он составлял путевые заметки вдали от Хорезма, когда некоторые детали его путешествия стерлись из памяти.

Новые сведения об археологических памятниках низовьев Амударьи относятся ко времени присоединения части территории Хивин-

ского ханства к России и создания Амударьинского отдела в составе Туркестанского генерал-губернаторства [8, с. 160].

В Туркестанском отряде в походе на Хиву участвовал востоковед А. Л. Кун, направленный со специальной научной миссией [9, с. 24]. Во время похода он посетил некоторые развалины и составил их описание, в частности Чильпыка и Абумуслим-калы: «От аула на полдороге, почти у самой реки, возвышалась отдельная сопка, Чалпык. На верхушке ее в виде кольца торчали стены заброшенной крепостцы и оказалась маленькая норка, через которую можно было пролезть в середину крепостной ограды. Посредине ее не было никаких построек, а вместо их громоздились друг на друге огромные плиты сланца. Стена местами была в рост человека, толщиной в сажень и занимала 250 шагов...»

Горы Шейхджели скалистые, изрытые ущельями и логами, обращенными отверстиями своими к озеру (Ходжакуль,— Н. Ю.). В одном из этих ущелий находится мазарка святого Шейхджели, и тут же стоят развалины крепости Абумуслим-кала» [10, с. 203—254; 11].

В 1873 г. полковник Генерального штаба А. В. Каульбарс, участвовавший в составе Урундарьинской экспедиции, изучал низовья Амударьи. В его работах также описаны Чильпык и Гяур-кала Султануиздагская: «Этот отрог тянется (довольно) на значительном протяжении параллельно реке, и южный его конец прорван в окрестностях развалины Гяур-калы довольно глубокой долиною...

Ниже гор Кипчака одна из этих сопки увенчана развалиною старого укрепления, известного под именем Чильпак» [12, с. 31—32].

В работах известного ботаника М. Н. Богданова, изучавшего в то же время флору и фауну края, наряду с описанием природы встречаются упоминания об исторических памятниках: «Против Кипчака стоит курган с остатками крепости Шелпак» [13, с. 54].

В 1874 г. в составе этнографо-статистического отдела Амударьинской экспедиции находился известный русский писатель и художник Н. Н. Каразин [14, с. 22]. Он выполнил рисунки отдельных археологических и архитектурных памятников и описал некоторые из них, например, Чильпыка: «Громадным голубоватым конусом рисовалась перед нами гора Чильпык. По мере приближения ее очертания становились резче,— она желтела на освещенных сторонах и на ее вершине обозначались контуры полуразрушенных, размытых дождем, обветрившихся стен старой крепости, происхождение которой древнее даже народных легенд здешнего края» [15, с. 221].

В наше время творчеству художника Н. Н. Каразина посвятили работы А. Алламурастов [16], М. К. Нурмухамедов [17, с. 34—42], В. Шумков [18, с. 207—224].

Сведения о Джанпык-кале собрал геолог Н. П. Барбот де Марни во время исследований гор Султануиздага: «На хребте более южного отрога находятся замечательные развалины крепости Ямпук-кала» [19, с. 114—115].

К концу XIX в. относятся краткие упоминания о Джанпык-кале, Гяур-кале и Чильпыке русской журналистки А. Е. Россиковой, попытавшейся даже определить функциональное назначение некоторых из виденных ею памятников: «Справа виднелись руины какой-то довольно обширной постройки. Это бывшая крепость Ямпук или Янтык, очень живописно приютившаяся у самого подножья хребта, среди густой чащи тугайной растительности. Судя по развалинам, некогда крепость представляла грандиозное сооружение со сторожевыми башнями и существовала, несомненно, для охраны и защиты Киснакской теснины» [20, с. 640]. Дальше она описывает Гяур-калу Султануиздагскую и приводит легенду о любви Гяура к жене Шишпайгамбара [20, с. 641—643]. «Кипчак — один из самых древних Хивинских городов, вместе с Куня Ургенчем существовавший еще во времена древнего Хаварезма. По свидетельству древних писателей, существование ее восходит до

V в. Древние писатели упоминают о Кипчаке как о священном городе, куда стекался магометанский мир для молитв и поклонений¹ [20, с. 641—644].

Далее А. Е. Росстикова приводит сведения о городище Чильпык. «Вдруг среди вообще невысоких холмов на горизонте обрисовывался громадный, круглый, как шапка, бугор с плоской вершиной... Чильпык!— проговорил дарга. Бугор действительно носит это название и благодаря своему положению у самого поворота реки на запад верст за десять вверх и вниз прекрасно виднелся с Дарьи.

Плоская вершина бугра обнесена толстой глиняной, крепостной стеной, а на южном склоне торчит какая-то бесформенная глыба, вероятно, развалины башни. Туземцы рассказывают, что строителем этой крепости был богатырь по имени Чалпык. Когда он складывал крепостные стены, то ронял глину, из этих кусков образовалась высокая башня, развалины которой сохранились и поныне на склоне бугра. Плоская вершина его, скрытая внутри крепостных стен, скалистая. Все скалы исчерчены арабесками, письменами, какими-то иероглифами и непонятными чертежами» [20, с. 643—644].

Все эти надписи и чертежи, к сожалению, до наших дней не сохранились или, возможно, А. Е. Росстикова имела в виду надписи на камнях Каратюбе, находящегося к северо-востоку от Чильпыка.

В 1908—1909 гг. судебный чиновник Амударьинского отдела А. И. Герасимовский, возвращаясь из Чимбая в Петро-Александровск по административным делам, по пути посетил Чильпык: «Возвращаясь из Чимбая, я взобрался на Челпакколу. Гора очень высокая и крутая, из стен глядели на меня бойницы, как глаза покойника» [21, с. 974]. По-видимому, А. И. Герасимовский принял промоины на стене за бойницы, так как на Чильпыке бойницы отсутствуют.

В советское время сведения об археологических памятниках низовьев Амударьи появились со второй половины 30-х годов.

В 1936 г. Я. Г. Гулямов и Т. Миргиязов по линии Узбекстанского комитета по охране памятников старины и искусства (далее Узкомстарис) исследовали возвышенность Кубатау, где обнаружили могильник и установили его принадлежность к домусульманскому периоду [21, с. 6; 23, с. 95].

В 1937 г. на могильнике Кубатау работал этнограф М. С. Андреев. Все собранные материалы он передал в Узбекстанский музей искусств [24, с. 16; 25, с. 98].

В 1940 г. во время разведок Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР (далее ХАЭЭ) на крепости Джанпык-кала был собран подъемный материал, снят план, сделан перспективный рисунок развалин крепости и сфотографированы крепостные стены. Городище датировано XII—XIV вв. В основании стен С. П. Толстов обнаружил следы античной кладки. Археологические раскопки на городище не производились [26, с. 623; 27, с. 168—169].

В том же году на городище Гяур-кала был собран подъемный керамический материал, проведены архитектурные обмеры северной стены, снят план и сфотографированы наиболее сохранившиеся части крепости. Памятник датирован кушанским временем [27, с. 115, рис. 53, с. 119, рис. 61 (табл. 1—3); 28, с. 192].

Кроме того, в 1940 г. были найдены на скальных знаках и изображения на скалистых возвышенностях Чильпык, Каратюбе и Бештюбе, отнесенные к III тыс. до н. э.—XVIII в. н. э. [26, с. 622—623; 31, с. 35].

Городище Чильпык С. П. Толстов датировал по подъемному керамическому материалу раннеафригидским временем и по функциональному назначению предварительно определил как дахму [27, с. 71, табл. 18 (1—2), 19 (1—2)].

¹ Сведения о Кипчаке как о древнем городе современными археологическими данными не подтверждаются.

В октябре 1951 г. ХАЭЭ провела разведочные работы на городище Гяур-кала Султануиздагская, в результате которых в северной части городища было обнаружено несколько помещений и дренажная система [29, с. 347].

В 1952 г. на городище Гяур-кала Ю. А. Рапопорт и С. А. Труновская провели стационарные раскопки. Они установили, что это крепость кушанского времени, входившая в цепь укреплений, созданных государством для обороны северного рубежа империи» [28, с. 192; 29, с. 366]. На памятнике была выявлена внутренняя планировка (раскопана частично) и обследованы крепостные стены. В северо-западном углу крепости открыт зал с каменными базами колонн и нишами в стенах. Расчистка стен дала новые ценные материалы по истории хорезмийской фортификации и строительной технике античного времени. Среди находок особо выделяются мужская скульптурная голова из сырой глины и крупная терракотовая статуэтка слона. Возведение крепости было отнесено ко II в. н. э., однако отмечено, что все элементы укреплений городища имеются уже в кангюйских крепостях Хорезма [28, с. 65, 192; 29, с. 348—366; 30, с. 34—38; 31, с. 34—35].

В монографии о средневековой ирригации Хорезма Я. Г. Гулямов датирует Чильпык на основе подъемного керамического материала V—VI вв. н. э., а крепость Гяур-кала — II—III вв. н. э.

У подножья Джумуртау Я. Г. Гулямов обследовал развалины средневековой крепости X в. Джумры. Основываясь на сообщении письменных источников, он попытался локализовать на месте этого городища средневековое селение Нузвар или Нузкат [32, с. 131, 149].

В 1955 г. на некрополе Кубатау были проведены небольшие раскопки, собран подъемный материал и снят схематический план. По мнению Ю. А. Рапопорта, данный некрополь, вероятно, начал функционировать в I в. н. э., что подтверждается наличием фрагментов статуарных оссуариев. На некрополе также обнаружены фрагменты оссуариев афригидского времени [25, с. 98—100].

Этнограф Г. П. Снесарев собрал различные легенды об археологических памятниках Хорезмской области и Каракалпакии. Так, о строительстве крепости Чильпык он писал: «Дэв Ходжи-Мулюк, согласно легенде, записанной в окрестностях Кипчака, был строителем укрепления Чильпык на правом берегу Амударьи, которое С. П. Толстов считает остатками дахмы — «башни молчания» зороастрийского погребального ритуала. Своими колоссальными руками дэв переносил глину для укладки стен: один комочек ее выпал между его пальцами и сейчас лежит рядом со стеной в виде большого останца стены. На Чильпыке показывают и сейчас отверстие в земле, где в пещере «жил» Ходжи-Мулюк. В связи с Чильпыком есть и другая легенда, согласно которой его строителем был другой дэв Каратин-Алып» [33, с. 30].

В 1965 г. интересующие нас памятники обследовал экспедиционный отряд Каракалпакского филиала АН УзССР (далее КК ФАН УзССР). На городище Джанпык-кала был заложен шурф, собраны подъемные материалы, произведены обмеры во дворце. Изучение городища дало возможность получить новые сведения по фортификации, приемам строительства и архитектуре. Анализ керамических материалов, строительных приемов и нумизматических данных позволил датировать городище Джанпык IX—XI вв., а его вторичное частичное обживание XIII—XIV вв. [34, с. 12—14].

В 1968—1971 гг. Государственный музей искусств Каракалпакской АССР (далее ГМИ КК АССР) обследовал городище Джанпык-кала, Чильпык, сигнальные башни вблизи Гяур-кала Султануиздагской, около Бештюбе и другие памятники. В результате раскопок, проведенных на Чильпыке, было установлено, что возникновение памятника относится к I—IV вв. н. э., а вторичное обживание — к VII—VIII вв. и IX—

XI вв. н. э. Обследованные сигнальные башни были датированы X—XII вв. н. э. [31, с. 240; 34, с. 8—12; 35, с. 67—70; 36, с. 50—51].

Во время раскопочных работ на северо-западной стороне Чильпыка была обнаружена парадная лестница, а под ней зачищено отверстие, возможно, потайной вход, о котором упоминал А. Л. Кун [11, с. 203—254].

Таким образом, в дореволюционный период изучение археологических памятников нижнего течения Амударьи в основном сводилось к краткому визуальному описанию их случайными путешественниками и нанесению на географические и топографические карты.

В советский период исследованием перечисленных археологических памятников занимаются специализированные научно-исследовательские учреждения Узкомстарис, ХАЭЭ, КК ФАН УзССР, ГМИ КК АССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная Д. Гладышевым и И. Муравинным в 1740—1741 гг. СПб., 1861.
2. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Ч. 1. Оренбург, 1762.
3. Ханыков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с ее окрестностями — ЗРГО, кн. 5, СПб., 1851.
4. Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований 1725—1765 гг., М., 1966.
5. Бернштам А. Н. Советская археология Средней Азии.— КСИИМК, вып. 28, М.—Л., 1949.
6. Килевейн Е. Орывок из путешествия в Хиву.— ЗРГО, кн. 1, СПб., 1861.
7. Вамбери А. Очерки Средней Азии. М., 1868.
8. История Каракалпакской АССР. Соч.: в 2-х т. Ташкент, т. 1, 1974.
9. Каримова А. Деятельность ориенталиста А. Л. Куна в Туркестане в 1868—1881 гг.— Сб. студенческих работ САГУ им. В. И. Ленина. Вып. 15. История. Ташкент, 1956.
10. Кун А. Л. От Хивы до Куинграда. Культура оазиса низовьев Амударьи.— Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 4. Ташкент, 1876.
11. Кун А. Л. Культурный оазис Хивинского ханства.— ТВ. 1874, № 11.
12. Каульбарс А. В. Низовья Амударьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г.— ЗРГО, т. 9, СПб., 1881.
13. Богданов М. Н. Очерки природы Хивинского оазиса и пустыни Кызылкум. Ташкент, 1881.
14. Маслова О. В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Ч. 3. Ташкент, 1862.
15. Карзин Н. Н. В низовьях Аму.— Вестник Европы, СПб., 1875.
16. Алламуратов А. Каракалпакские этюды Н. Карзина.— Советская Каракалпакия, 1973, № 9.
17. Нурмухамедов М. К. Из истории русско-каракалпакских культурных связей. Ташкент, 1974.
18. Шумков В. Жизнь, труды и странствия Николая Карзина, писателя, художника, путешественника.— Звезда Востока, 1976, № 6.
19. Барбот де Марни Н. П. О геологических исследованиях в Амударьинском крае.— ИРГО, т. 9, вып. 1, СПб., 1875.
20. Росейкова А. Е. По Амударье от Петро-Александровска до Нукуса.— Русский Вестник, октябрь, т. 281, СПб., 1902.
21. Герасимовский А. И. Древности Хивы и Амударьинского отдела.— Исторический вестник (XVII, сентябрь, 1909 г.), СПб., 1909.
22. Gulam J. Otmuz izlari (Arxeologik texsirilar).— Gullstan, 1937, N 4.
23. Жаткин И. Следы веков.— Колхозник, 1939, № 4.
24. Писарчик А. К. Михаил Степанович Андреев.— ТИИАЭ АН ТаджССР, т. 120, Душанбе, 1960.
25. Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии).— ТХАЭЭ, т. 6, М., 1971.
26. Вактурская Н. Н., Воробьева М. Г. Хроника работ Хорезмской экспедиции АН СССР.— ТХАЭЭ, т. 1, М., 1952.
27. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
28. Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.— ТХАЭЭ, т. 2, М., 1958.
29. Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А. Городище Гаур-кала.— ТХАЭЭ, т. 2, 1958.
30. Толстов С. П. Археологические исследования Хорезмской экспедиции 1952 г.— ВАН СССР, 1953, № 8.
31. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.
32. Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.

33. Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
34. Манылов Ю. П. Археологические памятники Султануиздага эпохи античности и средневековья. АКД. Ташкент, 1972.
35. Манылов Ю. П. Сигнальные башни Султануиздага.— ВКФ, 1969, № 3.
36. Манылов Ю. П. Новые данные о погребальном обряде Хорезма первых веков нашей эры.— В сб.: Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент, 1981.

Е. Б. БИЖАНОВ

ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА ВПАДИНЫ ШАХПАХТЫ

В 1979 г. были проведены археологические исследования во впадине Шахпахты, расположенной в южной части Устюрта в 18—20 км к северу от впадины Ассаке-аудан. Впадина имеет 10 км в длину, около 5 км в ширину и вытянута в широтном направлении. Склоны ее, особенно северный, крутые, иногда образуют отвесные обрывы, дно врезано в поверхность плато Устюрт на глубину 70—75 м. В северо-восточной части расположено несколько невысоких бугров, видимо, недавно еще составлявших часть борта. На северном склоне имеются горькосоленные родники и глубокие сая, расчленяющие склоны.

Возможно, впадина Шахпахты представляла тип озерного водоема, выклинившегося из миоценовых отложений, слагающих ее борт. Существование такого рода ныне отсутствующих источников возможно только в условиях более влажного климата, существовавшего на Устюрте в эпоху отложения моллюска *Cardium edulle*, обнаруженно-го в разных частях впадины [1, с. 172; 13].

На склоне и на отдельно стоящих останцевых буграх по краю впадины Шахпахты обнаружено около 60 стоянок и местонахождений (рис. 1).

Шахпахты-1 расположена на северо-восточном склоне котловины, на восточном берегу большого сая. Немногочисленные находки обнаружены на площади примерно 20×30 м. Это отщепы крупных размеров (18 экз.), пластинчатые отщепы без ретуши (3 экз.), отщепы крупные с нерегулярной ретушью (6 экз.), крупные пластины с мелкой нерегулярной ретушью (4 экз.), обломок нуклеуса (1 экз.).

Шахпахты-2 находится в 0,5—0,7 км к югу от стоянки Шахпахты. Здесь борт и прилегающая часть впадины прорезаны глубоким саям по направлению восток—запад. Площадь примерно 15×30 м. Сырьевой материал отличается от других стоянок Устюрта и напоминает яшму или яшмовидную породу красноватого цвета. Находок много, в основном отщепы и отбросы (531 экз.). Найден большой кусок яшмы, из которой сделаны орудия: отщепы с обработкой по краям (22 экз.), скребки на отщепях подтреугольной и округлой формы (4 экз., рис. 2, 2) и, наконец, кремневое изделие, назначение которого пока не ясно (1 экз., рис. 2, 1).

Шахпахты-3 расположена в 0,5—1 км к западу от стоянки Шахпахты-1, на северном склоне котловины. Находки обнаружены примерно на площади 20×10 м. Кремьень темно-серый. Среди находок преобладают отщепы и отбросы (139 экз.), обломки нуклеусов (8 экз.). Найдены одна ребристая пластина и отщепы с краевой вторичной обработкой (6 экз.).

Шахпахты-4. В восточной части впадины с востока на запад находится большой сая, на южном берегу которого и выявлена стоянка. Находки распространены на площади примерно 30×40 м. Собранные находки классифицируются следующим образом: отщепы и отбросы (351 экз.), нуклеусы и сколы с них (5 экз.) (рис. 2, 3); изделия со вторичной обработкой: отщепы с ретушью (45 экз.) (среди них име-

ются крупные отщепы со ступенчатой ретушью по краям), скребки на отщепах (2 экз.), один из них на крупном отщепе, другой мелкий, с округлым рабочим лезвием (рис. 2, 5), крупные пластинчатые отщепы с ретушью (9 экз.), заготовка двусторонне обработанного наконечника стрелы листовидной формы (рис. 2, 4).

Шахпахты-5 расположена на противоположном берегу сая. Площадь распространения находок 50×50 м. Локальных скоплений не отмечено. Находки представлены отщепами и отбросами (114 экз.), обломками нуклеусов (4 экз.), крупными отщепами с ретушью (22 экз.), пластинчатыми отщепами (10 экз.), скребками на отщепах (1 экз.), ребристой пластиной (1 экз.), у которой ретушью обработаны боковые края с брюшка.

Шахпахты-6 находится в 50—60 м к юго-западу от стоянки Шахпахты-2. Здесь на востоке впадины имеется оплывший бугор, вытянутый с юга на север, на склоне которого расположена стоянка. Немно-

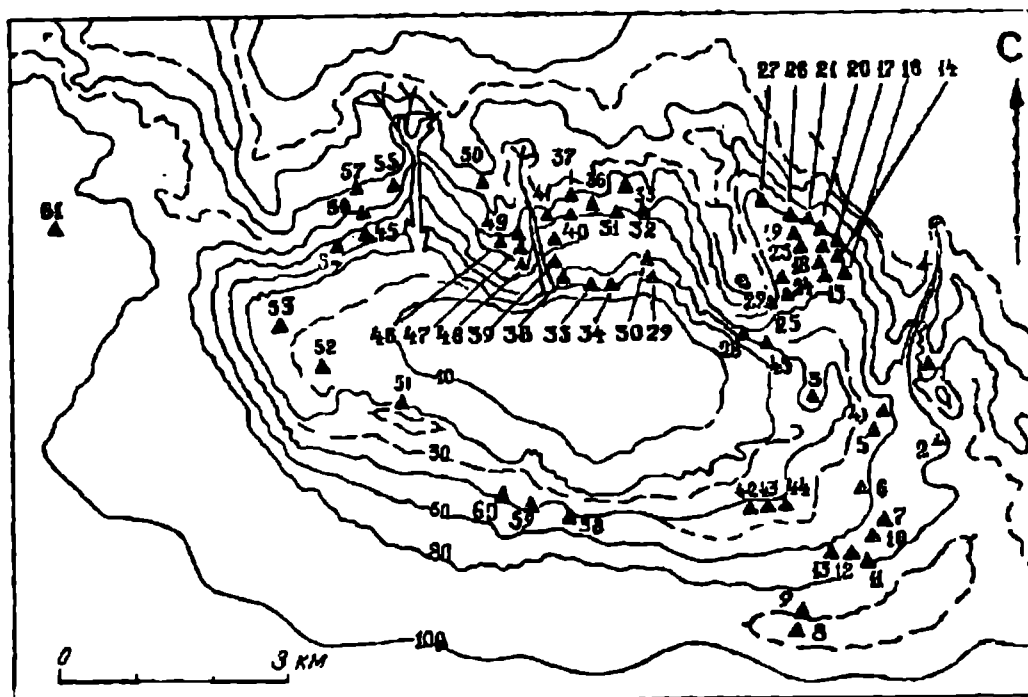

Рис. 1. Схема расположения памятников каменного века Шахпахты.

гочисленные находки разбросаны на площади 25×30 м. Это отщепы и отбросы (147 экз.), сколы нуклеуса (1 экз.), отщепы с ретушью (45 экз.), пластинчатые отщепы (5 экз.).

Шахпахты-7 обнаружена в 100—150 м к юго-западу от стоянки Шахпахты-6 на аналогичном бугре на склоне котловины. Находки распространены в основном на северном склоне бугра на площади 50×50 м. Это отщепы и отбросы (24 экз.), нуклеусы и сколы с них (5 экз., рис. 2, 7), отщепы с ретушью (20 экз.), пластина с треугольным концом (1 экз., рис. 2, 9), проколки и сверла (3 экз., два из них на отщепах и относятся к типу плечиковых, рис. 2, 8).

Шахпахты-8 расположена на юго-восточном склоне бугра. Находки залегают выше, чем в остальных стоянках впадины. Склон котловины в месте расположения стоянки в нескольких местах прорезан мелкими промоинами, между двумя из них и находится стоянка. Находки разбросаны на площади примерно 10×20 м и представлены отщепами и отбросами (139 экз.), аморфными нуклеусами (2 экз.), крупными отщепами с ретушью (3 экз.), скребками на отщепах (2 экз., рис. 2, 10).

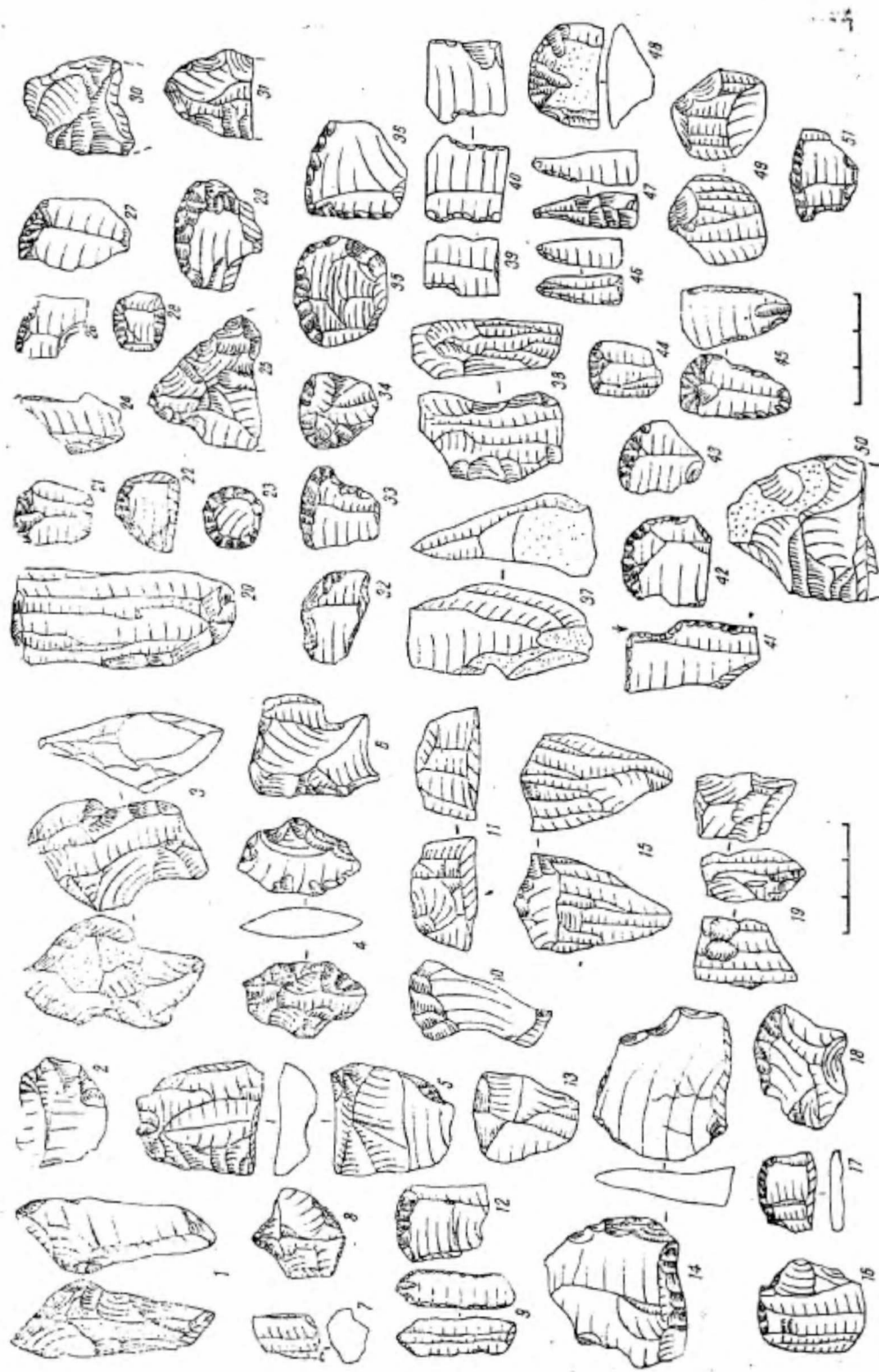

Рис. 2. Кремневые изделия с Шапхакты:

1, 2 — Шапхакты-2; 3-5 — Шапхакты-4; 6 — Шапхакты-5; 7-9 — Шапхакты-7; 10 — Шапхакты-8; 11 — Шапхакты-9; 12-14 — Шапхакты-10; 15 — Шапхакты-13; 16 — Шапхакты-14; 17, 18 — Шапхакты-17; 19-23 — Шапхакты-18; 24-29 — Шапхакты-19; 30-38 — Шапхакты-20; 39-48 — Шапхакты-21; 49-51 — Шапхакты-22.

Шахпахты-9 находится в 20—25 м к северу от стоянки Шахпахты-8 на северном склоне бугра. Находки распространены на площади 5×6 м и классифицируются следующим образом: отщепы и отбросы (1227 экз.), обломки нуклеусов (3 экз., рис. 2, 11), продольные сколы с нуклеусов (2 экз.), отщепы с нерегулярной ретушью (17 экз.), пластинчатые отщепы с ретушью (102 экз.).

Шахпахты-10 расположена в 50—70 м к юго-западу от стоянки Шахпахты-7, на восточном склоне большого оплывшего бугра, находящегося внутри котловины. Находки разреженные, локальных скоплений не замечено. Площадь их распространения 20×30 м. Они классифицируются следующим образом: отщепы и отбросы (52 экз.), нуклеусы (2 экз.), отщепы с ретушью (11 экз.), концевой скребок (1 экз., рис. 2, 12), скребки на отщепках (5 экз., рис. 2, 13, 14).

Шахпахты-11 обнаружена в 0,5 км к юго-востоку от стоянки Шахпахты-10 на аналогичном оплывшем бугре на склоне котловины. Площадь распространения находок 5×10 м. Они представлены отщепами и отбросами (82 экз.), нуклеусами и сколами с них (6 экз.), отщепами с ретушью (20 экз.), пластинчатыми отщепами с ретушью (12 экз.).

Шахпахты-12 расположена в 10—15 м к северо-западу от стоянки Шахпахты-11 на северном борте сая, прорезающего котловину по днищу. Площадь распространения находок примерно 5×10 м. Находки представлены отщепами и отбросами (151 экз.), отщепами с ретушью (13 экз.), обломками нуклеусов (3 экз.).

Шахпахты-13 находится в 5—10 м к западу от стоянки Шахпахты-12 на северном берегу сая. Находки распространены примерно на площади 10×15 м и представлены отщепами и отбросами (120 экз.), нуклеусами и обломками нуклеусов (3 экз., рис. 2, 15), отщепами с ретушью (5 экз.), пластинами с ретушью (4 экз.).

Шахпахты-14 выявлена на северном склоне котловины. Ее площадь 10×20 м. Собранный материал распределяется следующим образом: отщепы и отбросы (52 экз.), крупные отщепы с ретушью (11 экз.), нуклеусы и их обломки (3 экз., рис. 2, 16), пластинчатые отщепы с ретушью (10 экз.).

Шахпахты-15 расположена к югу от стоянки Шахпахты-14 на склоне котловины, прорезанной мелкими саями. Находки распространены на площади примерно 5×10 м и представлены отщепами и отбросами (101 экз.), отщепами с ретушью (23 экз.), пластинчатыми отщепами с ретушью (6 экз.).

Шахпахты-16 находится в 150 м к югу от стоянки Шахпахты-14, на берегу сая, идущего с севера ко дну котловины. Находки расположены на площади примерно 7×10 м. Они классифицируются следующим образом: отщепы и отбросы (867 экз.), отщепы с ретушью (19 экз.).

Шахпахты-17 обнаружена в 25—30 м к северу от стоянки Шахпахты-14 на южном склоне небольшого оплывшего бугра, рядом с бугром с севера на юг идет сая. Стоянка приурочена к этому саяю. Находки сравнительно редкие: отщепы и отбросы (73 экз.), отщепы с ретушью (3 экз.).

Шахпахты-18 находится в 15—20 м к юго-западу от стоянки Шахпахты-17, на берегу сая. Площадь распространения находок примерно 5×7 м. Они представлены отщепами и отбросами (338 экз.), обломками нуклеусов (7 экз., рис. 2, 19—20), ребристыми пластинами (1 экз.), пластинами без ретуши (3 экз.), отщепами без ретуши (7 экз.), отщепами с ретушью (14 экз.), пластинчатыми отщепами, скребками на круглых отщепках (6 экз.), с дугообразными рабочими лезвиями (рис. 2, 21—23).

Шахпахты-19 расположена в 5—7 м к северо-западу от стоянки Шахпахты-23 на берегу сая в северной части котловины. Находки следующие: отщепы и отбросы (232 экз.), нуклевидные обломки

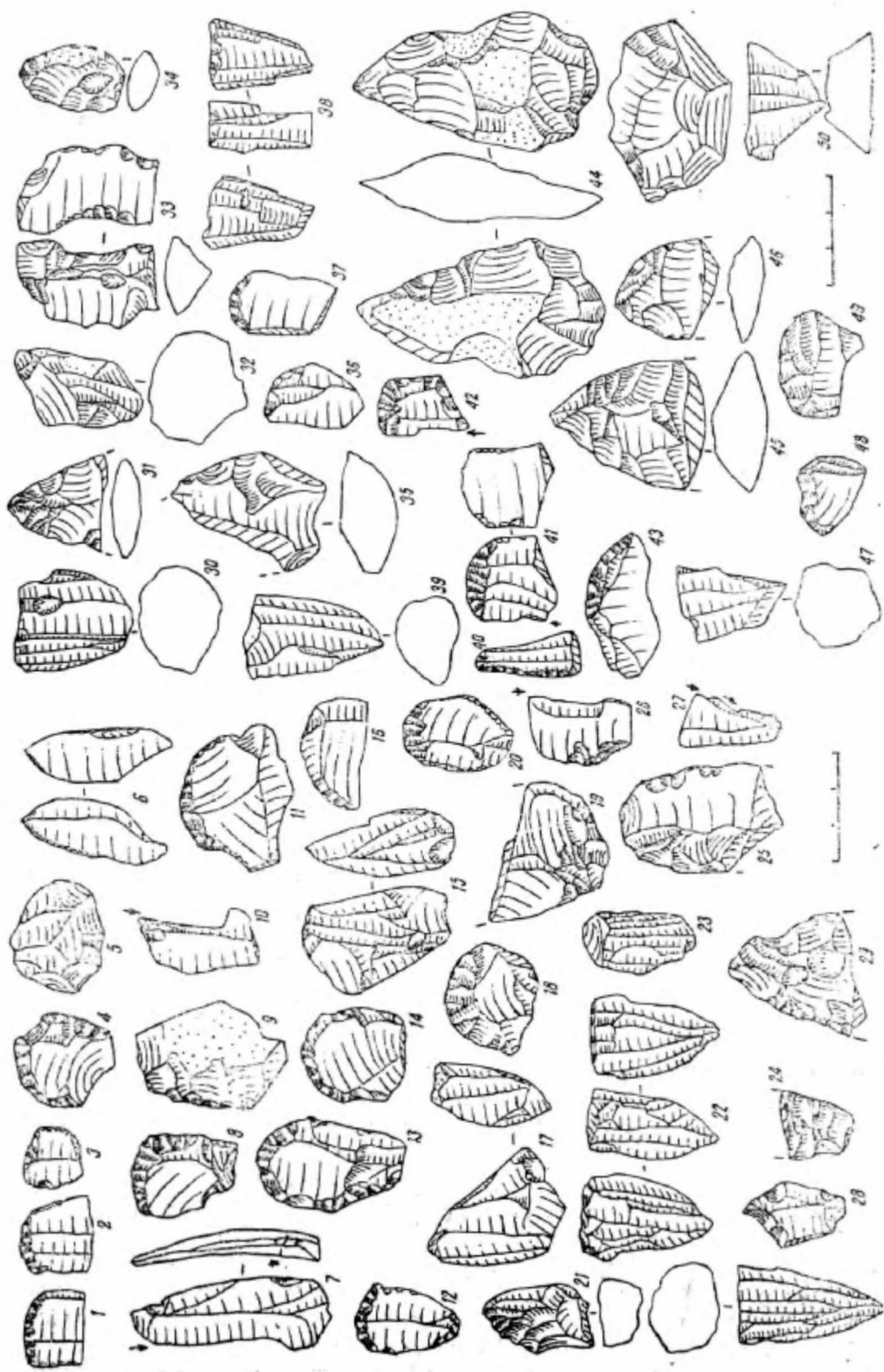

Рис. 3. Кремневые изделия с Шапхакты:

1-5 - Шапхакты-23; 6-9 - Шапхакты-24; 10, 11 - Шапхакты-25; 12-15 - Шапхакты-26; 16, 17 - Шапхакты-27; 18 - Шапхакты-29; 19-20 - Шапхакты-30; 21-23 - Шапхакты-32; 24-26 - Шапхакты-33; 27-31 - Шапхакты-35; 32-33 - Шапхакты-36; 34-37 - Шапхакты-37; 38-40 - Шапхакты-39; 41-46 - Шапхакты-40; 49-50 - Шапхакты-41.

(3 экз.), у которых по сторонам имеются следы снятия мелких отщепов; крупные ребристые пластинчатые отщепы (2 экз.), отщепы с обработкой (17 экз.) с краями, имеющими нерегулярную ретушь либо подправки; пластинчатые отщепы с резцовым сколом (1 экз., рис. 2, 24); разнообразные по форме скребки на отщепах (17 экз.), рабочие края которых дугообразные и скошенные (рис. 2, 26—29). В коллекции имеются также обломки и заготовки крупных двусторонне обработанных орудий (5 экз.), вероятно, копий (рис. 2, 25).

Шахпахты-20 находится в 10—15 м к востоку от стоянки Шахпахты-19 на берегу того же большого сая. Площадь распространения находок примерно 20×10 м. Они классифицируются следующим образом: отщепы и отбросы (246 экз.), в том числе правильно ограниченные пластинки (4 экз.), скребки на отщепах с дугообразными и скошенными рабочими краями (15 экз., рис. 2, 32—36), обломки и заготовки двусторонне обработанных изделий (12 экз., рис. 2, 30—31).

Шахпахты-21 расположена в 50 м к северу от стоянки Шахпахты-20 на южном склоне котловины. Находки распространены на площади 25×15 м. Это отщепы и отбросы (911 экз.), отщепы с обработкой (88 экз.), нуклеусы одно-двухплощадочные с негативами сколов пластин и отщепов (3 экз.), пластинчатые отщепы с обработкой (22 экз.), ребристые пластины (6 экз.), пластины с ретушью (20 экз.), пластины с ретушированными выемками (4 экз., рис. 2, 39—40), пластины с резцовым сколом (2 экз., рис. 2, 39), проколки или сверла (3 экз.), одно из них на правильно ограниченной пластине, второе на ребристой, третье на отщепе (рис. 2, 46—47). Скребки на отщепах с дугообразными скошенными рабочими лезвиями (23 экз., рис. 2, 42—45, 48).

Шахпахты-22 находится в 5—10 м к югу от стоянки Шахпахты-24, на восточном склоне большого бугра с отметкой 141,1, расположенного в северной части котловины. Площадь распространения находок примерно 5×7 м, их сравнительно мало: отщепы и отбросы (48 экз.), нуклеусы (2 экз., рис. 2, 49), отщепы с мелкой нерегулярной ретушью (4 экз.), скребки на отщепе (1 экз., рис. 2, 51), обломки крупных заготовок двусторонне обработанных орудий (3 экз., рис. 2, 50).

Шахпахты-23 расположена на западном берегу сая, идущего с севера на юг ко дну впадины, к юго-востоку от стоянки Шахпахты-19. Сбор производился примерно на площади 50×70 м, локальных скоплений не замечено. Находки представлены отщепами и отбросами производства (164 экз.), обломками нуклеусов (3 экз., рис. 3, 5), отщепами с ретушью (20 экз.), пластинчатыми отщепами с ретушью (10 экз.), ребристыми пластинами (3 экз.), скребками концевыми и с дугообразными и скошенными рабочими лезвиями (14 экз., рис. 3, 1—3), скребками на отщепах (рис. 3, 4, 5).

Шахпахты-24 обнаружена к западу от стоянки на северном склоне котловины на одной из террас. Находки распространены примерно на площади 7×10 м. Их сравнительно много: отщепы и отбросы (871 экз.), скол с нуклеуса (1 экз.), ребристые пластины (3 экз.), крупные пластинчатые отщепы без ретуши (106 экз.), правильно ограниченные пластины без ретуши (17 экз.), изделия со вторичной обработкой, в том числе крупные пластинчатые отщепы с обработкой (9 экз.), отщепы с мелкой ретушью (32 экз.), крупные пластинчатые отщепы с угловыми резцовыми сколами (5 экз., рис. 3, 7), скребки на отщепах с дугообразными и чуть скошенными рабочими лезвиями (8 экз., рис. 3, 8, 9), проколки или сверла подтреугольной формы на отщепах с противоположающей ретушью (1 экз., рис. 3, 6).

Шахпахты-25 находится в 100—120 м к юго-западу от стоянки Шахпахты-24 на восточном склоне большого бугра с отметкой 141,1 м. Находки распространены на площади примерно 15×25 м и представлены отщепами и отбросами (246 экз.), пластины без ретуши (5 экз.), отщепами с обработкой (26 экз.), пластинами с ретушью (2 экз.),

пластинами с угловыми резцовыми сколами (1 экз., рис. 3, 10), скребком на отщепе (1 экз., рис. 3, 11).

Шахпахты-26 расположена в 10—15 м к северу от стоянки Шахпахты-25 на восточном склоне большого бугра. На склоне имеются несколько террас с небольшими долинками. В одной из долин на площади примерно 10×10 м и собраны находки. Они представлены отщепами и отбросами (198 экз.), сколами с нуклеусов (3 экз., рис. 3, 15), ребристыми пластинами (3 экз.), пластинчатыми отщепами без обработки (11 экз.), пластинами без ретуши (2 экз.), пластинами с ретушью (2 экз.), концевыми скребками с дугообразным и округлым рабочим лезвием и скребками на отщепах (5 экз., рис. 3, 12—14).

Шахпахты-27 выявлена в 100—120 м к северо-западу от стоянки Шахпахты-26 на террасе большого бугра. Площадь распространения находок примерно 15×30 м. Они представлены следующим образом: отщепы и отбросы (770 экз.), сколы с нуклеусов (2 экз., рис. 3, 17), ребристые пластины с ретушью (3 экз.), отщепы с обработкой (46 экз.), скребки на отщепах с дугообразными лезвиями (6 экз., рис. 3, 16).

Шахпахты-28 расположена на нижней террасе большого бугра с отметкой 141,1 м на берегу самой котловины Шахпахты. Находки немногочисленны, распространены на площади примерно 10×15 м. Они представлены отщепами и отбросами (49 экз.), пластинами без ретуши (1 экз.), крупными отщепами подтреугольной формы с ретушью (2 экз.).

Шахпахты-29 обнаружена к западу от большого бугра с отметкой 141,1 м. Здесь на краю котловины имеется еще один бугор. Между буграми есть глубокий сай с родниками, на западном берегу которого находится стоянка. Площадь распространения находок примерно 3×4 м. Они представлены отщепами и отбросами (199 экз.), крупными отщепами с ретушью (3 экз.), скребками на отщепах с дугообразными рабочими лезвиями (7 экз., рис. 3, 18).

Шахпахты-30 находится в 25—30 м к северу от стоянки Шахпахты-29. Находки распространены на площади примерно 10×30 м и представлены следующим образом: отщепы и отбросы (120 экз.), отщепы с обработкой (5 экз.), скребки на отщепах с дугообразным рабочим лезвием (2 экз., рис. 3, 20), обломками двусторонне обработанных орудий (3 экз., рис. 3, 19).

Шахпахты-31 выявлена в 300—400 м к северу от Шахпахты-30 на склоне впадины. Здесь имеются долины, прорезанные глубокими саями. Находки немногочисленны, распространены на площади примерно 5×7 м. Это отщепы и отбросы (40 экз.), пластинчатые отщепы без обработки (2 экз.), обломок двусторонне обработанного орудия (1 экз.).

Шахпахты-32 расположена в 15—20 м к востоку от стоянки Шахпахты-31 и в 100—110 м к северу от родника, наверху гребня, находящегося на северном склоне котловины. Площадь распространения находок примерно 15×30 м. Они представлены следующим образом: отщепы и отбросы (88 экз.), нуклеусы и их обломки (1 экз.), среди которых имеются конические со следами снятия пластин, один из них с круговым ограничением, а другие односторонние (рис. 3, 22, 23); отщепы с обработкой (20 экз.), пластинчатые отщепы с ретушью (3 экз.), скребки на отщепах (2 экз.), один из них со скошенным рабочим высоким лезвием (рис. 3, 21), заготовка для концевого скребка (1 экз.).

Шахпахты-33 находится в 40—50 м к северу от стоянки Шахпахты-31 на склоне такого же гребня, что и стоянка Шахпахты-32. Находки распространены на площади примерно 50×70 м и представлены отщепами и отбросами (196 экз.), нуклеусами и ядрищами с нуклеусов (4 экз.), два из них конические, а два других аморфные со следами снятия с них микропластин (рис. 3, 23), пластинчатыми отщепами с обработкой (6 экз.), отщепами с мелкой краевой ретушью (7 экз.),

пластинчатым отщепом с резцовым сколом (1 экз., рис. 3, 26), обломками двусторонне обработанных орудий (2 экз., рис. 3, 25).

Шахпахты-34 обнаружена в 900 м к югу от стоянки Шахпахты-31 на нижней террасе северного склона котловины. Находки распространены на площади примерно 30×150 м и представлены отщепами и отбросами (90 экз.), нуклеусами (2 экз., один — конической формы, односторонний, а другой — усеченный), пластинами с ретушью (2 экз.), пластинчатыми отщепами с обработкой (5 экз.), крупными отщепами с обработкой (10 экз.).

Шахпахты-35 расположена в 100 м к западу от стоянки Шахпахты-34 на северном склоне котловины, где тоже имелся сая. Находки здесь выразительные и распространены на площади примерно 7×15 м. Они представлены отщепами и отбросами (537 экз.), нуклеусами конусовидными, односторонними (2 экз.) и аморфными (2 экз.), с негативами пластинок и отщепов (рис. 3, 32), крупными отщепами с обработкой (37 экз.), крупными пластинчатыми отщепами с обработкой (31 экз.), скребками на крупных отщепах с дугообразными рабочими концами (15 экз.), заготовками для наконечников копий или дротиков (36 экз., рис. 3, 31), обломком двусторонне обработанного наконечника стрелы с округлым основанием (1 экз., рис. 3, 24), проколками или сверлами на пластинчатых отщепах подтреугольной формы (4 экз., рис. 3, 28), пластиной с резцовым сколом (1 экз., рис. 3, 27).

Шахпахты-36 выявлена в 1 км к северу от стоянки Шахпахты-35 на верхней террасе северного склона котловины. Внизу котловины на западном берегу сая находится стоянка. Находок сравнительно мало, они распространены на площади 30×50 м и представлены отщепами и отбросами (89 экз.), нуклеусами односторонними коническими (10 экз., рис. 3, 32) и аморфными (3 экз.), отщепами с обработкой (36 экз.), обломками заготовок для двусторонне обработанных наконечников копья или дротиков (5 экз., рис. 3, 31).

Шахпахты-37 находится в 400—500 м к северо-западу от стоянки Шахпахты-36 на северном склоне котловины. Площадь распространения находок 50×50 м. Они представлены следующим образом: отщепы и отбросы (256 экз.), нуклеусы конические и аморфные (3 экз.), ребристые пластины с обработкой (58 экз.), обломки заготовок для двусторонне обработанных наконечников копья или дротиков (12 экз., рис. 3, 34—35), скребки на крупных отщепах с дугообразными рабочими лезвиями (8 экз., рис. 3, 36).

Шахпахты-38 расположена на восточном берегу глубокого сая. Находки располагаются разреженно на площади 50×100 м и классифицируются так: отщепы и отбросы (103 экз.), аморфные нуклеусы и сколы с них (8 экз.), отщепы с обработкой (23 экз.), скребок на отщепе (1 экз.), пластинчатые отщепы без обработки (1 экз.).

Шахпахты-39 находится в 200—300 м к северу от стоянки Шахпахты-38 на восточном берегу глубокого сая, пересекающего северный склон котловины, на склоне террасовидного обнажения. Площадь распространения находок 7×10 м. Среди находок отщепы и отбросы производства (7 экз.), нуклеусы аморфные (10 экз.) и конические (односторонние — 6 экз. и с круговым ограничением — 3 экз.), со следами снятия пластинок и отщепов (рис. 3, 38—39), ребристые пластины с обработкой (2 экз.), тонкие правильно ограниченные пластины без обработки (4 экз.), крупные отщепы с обработкой (39 экз.), скребки на отщепах (5 экз., рис. 3, 37), заготовки для наконечников копий или дротиков (7 экз.).

Шахпахты-40 расположена в 20—30 м к северу от стоянки Шахпахты-39 на склоне небольшого оплывшего бугра, на восточном берегу небольшого сая, прорезающего северный склон котловины. Находки распространены на площади примерно 15×50 м и классифицируются

следующим образом: отщепы и отбросы (448 экз.), нуклеусы и сколы с них (10 экз.), среди них имеются односторонние, усеченные, конусовидные формы с негативами пластинок (6 экз., рис. 3, 47) и аморфные со следами отщепов (4 экз.), ребристые пластины (8 экз.), ножевидные пластины без ретуши. Изделия со вторичной обработкой представлены крупными отщепами с ретушью (96 экз.), пластинами с ретушью (7 экз., со спинки — 1, с брюшка — 6), скребками на крупных отщепах с дугообразными (10 экз.) и скошенными (5 экз.) рабочими лезвиями (рис. 3, 41—42), проколками или сверлами на пластинах (1 экз.) и на отщепах (4 экз.), подтреугольной формы с противолежащей ретушью по боковым сторонам (рис. 3, 40), обломками заготовок для двусторонне обработанных наконечников копий и дротиков (40 экз., рис. 3, 44—46).

Шахпахты-41 находится в 150—200 м к северу от стоянки Шахпахты-40 на склоне небольшого бугра, расположенного в северной части котловины. Площадь распространения находок примерно 5×15 м. Находки следующие: отщепы и отбросы (193 экз.), нуклеусы и сколы с них (4 экз., среди них конический — 1 экз., аморфный — 3 экз., рис. 3, 21), отщепы с ретушью (29 экз.), скребки на отщепах с дугообразными рабочими лезвиями (6 экз.), проколки или сверла на пластинчатых отщепах подтреугольной формы с ретушью по боковым сторонам (2 экз.), обломок заготовки для двусторонне обработанных наконечников копий или дротиков (13 экз., рис. 4, 1).

Шахпахты-42 расположена в южной части котловины на ее склоне (склоны пологие и прорезаны неглубокими саями). Находки собраны на затакыренной поверхности площадью примерно 10×15 м. Они немногочисленные: отщепы и отбросы (138 экз.), отщепы с ретушью (17 экз.), пластинка без ретуши (1 экз.), скребок на отщепах с чуть скошенным рабочим лезвием (1 экз., рис. 4, 2), обломок заготовки двусторонне обработанного наконечника копья или дротика (1 экз., рис. 4, 3).

Шахпахты-43 находится в 200—300 м к востоку от стоянки Шахпахты-42 на бортике террасы. Находок сравнительно мало и распространены они на площади примерно 3×5 м. Представлены отщепами и отбросами (43 экз.) и отщепами с ретушью (10 экз.).

Шахпахты-44 найдена в 5—10 м к востоку от стоянки Шахпахты 43 на затакыренной поверхности на бортике террасы. Площадь распространения находок примерно 5×10 м, они располагаются разреженно. Находки представлены отщепами и отбросами (74 экз.), обломками нуклеусов со следами пластин аморфной формы (4 экз.), отщепами с ретушью (24 экз.), заготовки двусторонне обработанных наконечников копий или дротиков (2 экз.).

Шахпахты-45 расположена на восточном склоне большого бугра с отметкой 141,1 м в 70—80 м к востоку от стоянки Шахпахты-28. Находки сконцентрированы примерно на площади 7×10 м и представлены отщепами и отбросами (241 экз.), сколами с нуклеусов (2 экз., рис. 4, 6), крупными пластинчатыми отщепами без ретуши (28 экз.), ребристыми пластинами с ретушью (25 экз.), проколками или сверлами на пластинчатых отщепах подтреугольной формы с ретушированными боковыми сторонами (3 экз.), скребками на отщепах (2 экз., рис. 4, 7), пластинчатыми отщепами с резовым сколом (1 экз., рис. 4, 4, 5), заготовками двусторонне обработанных копий и дротиков (2 экз.).

Шахпахты-46 находится на западном берегу большого сая, расположенного в северной части котловины против Шахпахты-39. Находки распространены на большой площади (примерно 100×100 м), их немного и представлены отщепами и отбросами (60 экз.), пластинчатыми отщепами (6 экз.), отщепами с ретушью (14 экз.), пластинами с ретушью (11 экз., со спинки — 7, с брюшка — 4).

Рис. 4. Кремневые изделия с Шахпакты:

1 — Шахпакты-41; 2, 3 — Шахпакты-42; 4-7 — Шахпакты-45; 8-10 — Шахпакты-47; 11-16 — Шахпакты-48; 17-26 — Шахпакты-49; 22 — Шахпакты-50; 23 — Шахпакты-51; 24-27 — Шахпакты-52; 28 — Шахпакты-54; 29-34 — Шахпакты-55; 35-39 — Шахпакты-56; 40-44 — Шахпакты-57; 45 — Шахпакты-58; 46-47 — Шахпакты-60-1; 48-49 — Шахпакты-60-2; 50-52 — Шахпакты-61; 53-56 — отдельные находки с Шахпакты.

Шахпахты-47 расположена в 30—50 м к северу от стоянки Шахпахты-46 на берегу сая против стоянки Шахпахты-40. Находки в небольшом количестве собраны на площади 20×30 м. Они классифицируются следующим образом: отщепы и отбросы (28 экз.), сколы с нуклеусов (2 экз.), отщепы с ретушью (13 экз.), пластины с ретушью (2 экз.), скребки на отщепах (2 экз.), обломки заготовок двусторонне обработанных наконечников копий или дротиков (2 экз., рис. 4, 9). Отметим также изделия с двусторонней обработкой округлой формы (2 экз., рис. 4, 10), назначение которых не ясно.

Шахпахты-48 находится в 30—40 м западнее от стоянки Шахпахты 47 на западном берегу сая. Здесь находок больше, они распространены на площади 15×20 м и представлены отщепами и отбросами (255 экз.), нуклеусами и сколами с них аморфной формы со следами снятия пластин и отщепов (19 экз., рис. 4, 15, 16), отщепами с ретушью (69 экз.), ребристыми пластинами с ретушью (2 экз.), обломками заготовок двусторонне обработанных наконечников копий или дротиков (7 экз., рис. 4, 13, 14), скребками на отщепах с дугообразными лезвиями (14 экз., рис. 4, 11—12).

Шахпахты-49 расположена к северо-востоку от стоянки Шахпахты-48 на западном берегу сая. Находки распространены на площади 30×40 м и представлены следующим образом: отщепы и отбросы (94 экз.), нуклеусы и сколы с них (2 экз., рис. 4, 21), отщепы с ретушью (25 экз.), скребки на отщепах (2 экз., рис. 4, 17), обломки двусторонне обработанных наконечников копий или дротиков (6 экз., рис. 4, 18—19), обломок двусторонне обработанного наконечника стрелы с округлым основанием (1 экз., рис. 4, 20).

Шахпахты-50 находится в 200—300 м к северу от стоянки Шахпахты-49, на верхней террасе северного склона котловины. Редкие находки распространены на площади 20×30 м. Они представлены отщепами и отбросами (30 экз.), сколами с нуклеусов (3 экз.), отщепами с ретушью (14 экз.), скребками отщепов с дугообразными и прямыми рабочими лезвиями (4 экз., рис. 4, 22).

Шахпахты-51 расположена на южном склоне котловины. Территория находок 100×200 м. Находки следующие: отщепы и отбросы (100 экз.), пластины без ретуши (9 экз.), отщепы с ретушью (16 экз.), скребки на отщепах с дугообразными и чуть скошенными рабочими лезвиями (4 экз., рис. 4, 23).

Шахпахты-52 находится на западной оконечности котловины на южном берегу сая, идущего с запада на восток. Находки в небольшом количестве собраны на площади 30×50 м и представлены отщепами и отбросами (153 экз.), нуклеусом односторонним (1 экз., рис. 4, 25), скребками на отщепах (4 экз., рис. 4, 26).

Шахпахты-53 расположена в 700—800 м к западу от стоянки Шахпахты-52. Это местонахождение с редкими находками на площади примерно 10×15 м. Находки представлены отщепами без обработки (6 экз.).

Шахпахты-54 находится на северо-западном склоне котловины, в 1,2 км к северо-востоку от стоянки Шахпахты-53. Здесь на дне котловины проходит сай. Стоянка расположена на северном берегу сая и имеет площадь 15×20 м. Находки редкие и представлены отщепами и отбросами (50 экз.), ребристыми пластинами с ретушью (1 экз.), отщепами с ретушью (4 экз.), остроконечником на пластине с ретушью со спинки и в основании (1 экз., рис. 4, 28).

Шахпахты-55 расположена в 600—700 м к северу от стоянки Шахпахты-45 на западном берегу большого сая с родником в северной части котловины. Находки сконцентрированы на площади 30×50 м и классифицируются так: отщепы и отбросы (291 экз.), нуклеусы и сколы с них (5 экз., среди них двусторонний нуклеус клиновидной формы с негативами пластинок), пластины без ретуши (6 экз.), отщепы с ретушью (15 экз.), крупная пластина с резовыми сколами (1 экз.),

скребки на отщепах с округлым скошенным и дугообразным рабочим краем (14 экз., рис. 4, 29, 32—33), скребки концевго типа (5 экз., рис. 4, 30—31), обломки заготовок двусторонне обработанных наконечников копий или дротиков (6 экз., рис. 4, 34).

Шахпахты-56 находится в 500 м к юго-западу от стоянки Шахпахты-55 на верхней террасе котловины. Находки распространены на площади 10×20 м и представлены отщепами и отбросами (206 экз.), обломками нуклеусов (2 экз.), пластинами без ретуши (16 экз.), отщепами с ретушью (14 экз.), пластинами с ретушью со спинки (7 экз.), сечением пластины с ретушированной выемкой по одному торцу (рис. 4, 35), проколкой или сверлом на отщепе подтреугольной формы (рис. 4, 36), концевыми скребками (2 экз., один из них двухлезвийный, рис. 4, 37), скребками на отщепах (4 экз., рис. 4, 38—39).

Шахпахты-57 расположена в 30—40 м к северу от стоянки Шахпахты-56 на верхней террасе котловины. Площадь распространения находок 5×7 м. Они представлены отщепами и отбросами (132 экз., рис. 8, 17), ребристыми пластинами (4 экз.), пластинами без ретуши (15 экз.), отщепами с ретушью (11 экз.), пластинчатыми отщепами с ретушью (3 экз.), пластиной с ретушированными выемками (1 экз., рис. 5, 40), пластиной с резцовым сколом (1 экз., рис. 5, 41), скребками на отщепах с дугообразными и чуть скошенными рабочими лезвиями (6 экз., рис. 4, 42, 43).

Шахпахты-58 находится на южном склоне котловины на нижней террасе. Немногочисленные находки располагаются на площади 15×20 м. Они представлены отщепами и отбросами (18 экз.), аморфными нуклеусами со следами снятия с них пластин (2 экз., рис. 4, 45) и пластиной без ретуши.

Шахпахты-59 расположена в 50—70 м к западу от стоянки Шахпахты-58 на нижней террасе южного склона котловины. Находки незначительны и распространены на площади 5×7 м. Это отщепы и отбросы производства (22 экз.).

Шахпахты-60 находится в 50—60 м к западу от стоянки Шахпахты-59 на нижней террасе южного склона котловины. На стоянке отмечены два скопления находок. Скопление 1 занимает площадь 5×7 м. Находки представлены отщепами и отбросами (190 экз.), ножевидными пластинами без ретуши (11 экз.), отщепами с ретушью (13 экз.), скребками на отщепах с дугообразными рабочими лезвиями (2 экз., рис. 4, 46), обломком заготовки двусторонне обработанного наконечника копья (рис. 4, 47). Скопление 2 имеет площадь 5×10 м. Находки представлены отщепами и отбросами (201 экз.), ребристой пластиной, пластинчатыми отщепами с ретушью (10 экз.), скребком на отщепе (рис. 4, 48), обломками заготовок для наконечников копий или дротиков (2 экз., рис. 4, 49).

Шахпахты-61 расположена к западу за пределами впадины Шахпахты. Здесь в соседней котловине имеется вытянутый с запада на восток оплывший бугор. Редкие находки обнаружены на северном склоне бугра на площади 30×70 м. Это отщепы и отбросы (39 экз.), пластинчатые отщепы с ретушью (7 экз.), отщеп с резцовым сколом (рис. 4, 50), скребок на крупном отщепе (рис. 4, 51), обломок заготовки двусторонне обработанного наконечника копья или дротика (рис. 4, 52).

Мастерская Шахпахты находится на самой вершине большого бугра с отметкой 141,1, расположенного в северо-восточной части впадины. Бугор вытянут с северо-запада на юго-восток. На вершине бугра имеется несколько насыпей из отходов диаметром 4—50 м. Здесь собраны изделия с предположительно вторичной обработкой — заготовки для ручных рубил, по краям у которых широкие сколы с двух сторон (10 экз.), скребла на крупных отщепах со сколами по одному краю с двух сторон (6 экз.), отщепы дисковидной формы с двусторонними сколами (2 экз.), крупные пластинчатые отщепы подтреугольной формы с обработкой по краям (5 экз.). На южном склоне большого

бугра найдено орудие, обработанное сколами с двух сторон по всему периметру — бифас (рис. 5).

Такова краткая характеристика кремневого инвентаря из многочисленных местонахождений впадины Шахпахты, где собрано 15 545 предметов. Большею частью это отбросы производства 12 916 (80%), изделий со вторичной обработкой найдено 439 экз. (14% от общего количества находок).

Исходный материал всех шахпахтинских стоянок — темновато-серый кремнь. Исключение — стоянка Шахпахты-2, где сырьем служили яшмовидные породы темновато-красного цвета, аналогичные южно-уральским.

Для индустрии данного района Устьурта характерно преобладание изделий на отщепах (95% от общего количества изделий со вторичной обработкой), среди которых главную роль играют скребки (51%) и крупные двусторонне обработанные изделия архаического облика — бифасы (39%). При изготовлении бифасов использованы технические приемы, традиционно унаследованные от ашелл-мустьерской эпохи. Наличие двусторонне обработанных изделий является спецификой описанного комплекса находок и определяет типологическую характеристику кремневых изделий впадины Шахпахты. Они не имеют аналогий ни в мезолитических, ни в неолитических индустриях Средней Азии.

В целом техника расщепления камня и изготовления орудий на стоянках впадины Шахпахты более грубая и примитивная, чем на известных мезолитических стоянках юго-восточного Устьурта [2].

Определить возраст стоянок Шахпахты и их хронологическое положение среди окружающих памятников можно пока лишь предварительно, поместив их между верхним палеолитом и мезолитом. В пользу этого предположения свидетельствует наличие двусторонне обработанных орудий и техника обработки. В этом отношении материалы Шахпахты ближе позднепалеолитическим комплексам Сары-Арка, для которых характерно сочетание более древних форм и приемов с элементами, свойственными уже для этого периода [3, 4]. В то же время многочисленные типы нуклеусов с негативами от пластин и множество скребков на отщепах аналогичны мезолитическим памятникам Больших Балхан [5] и Прикаспия [6], что позволяет предположить мезолитический возраст. Наличие единичных наконечников стрел на некоторых стоянках свидетельствует о примеси неолитических изделий. Смешанность инвентаря разных периодов каменного века говорит о неоднократном обживании древним населением впадины Шахпахты.

Особняком стоят мастерская и единичные находки, относящиеся к палеолиту [7]. Шахпахтинская мастерская была местом добычи сырья и мастерской для первичной обработки кремня, связанной с естественным выходом сырья. По расцветке сырья и характеру находок она близка открытой ранее на Устьурте мастерской Есен-2. Мастерская, вернее, наиболее ранний этап ее функционирования, может быть датирована находкой на нижнем склоне того же бугра крупного бифаса — рубила. Рубило типологически выразительно и принадлежит к лучшим образцам подобных изделий. Оно обработано с обеих сторон и по периметру, но особенно тщательно — острие. По форме относится к типу миндалевидных ручных рубил. Края подобных орудий имеют зигзагообразную форму. Верхняя часть сужена и заострена, противоположная половина (пятка для захвата) расширена. Миндалевидные и овальные бифасы характерны для позднего ашеля, а в мустье преобладают бифасы сердцевидные и треугольные [8, с. 75]. Принимая во внимание форму и совершенную технику обработки, шахпахтинский бифас датирован заключительной порой позднего ашеля.

Территориально близкая аналогия — стоянка — мастерская Шахбагата на Мангышлаке, относящаяся к ашельскому времени [9, с. 52—53]. Ближайшие аналоги нашим рубилам найдены и на ниж-

непалеолитических местонахождениях Бориказган, Танирказган и Су-синген в Южном Казахстане [10, 11, с. 118, рис. 1, 1], но в отличие от казахстанских галечных рубил устюртское изготовлено на плитке окремненного известняка. Кроме того, у шахпахтинского рубила почти вся поверхность обработана двусторонней оббивкой, тогда как у галечных орудий — преимущественно только рабочий край.

В Средней Азии аналогий нашим рубилам мы не находим, за

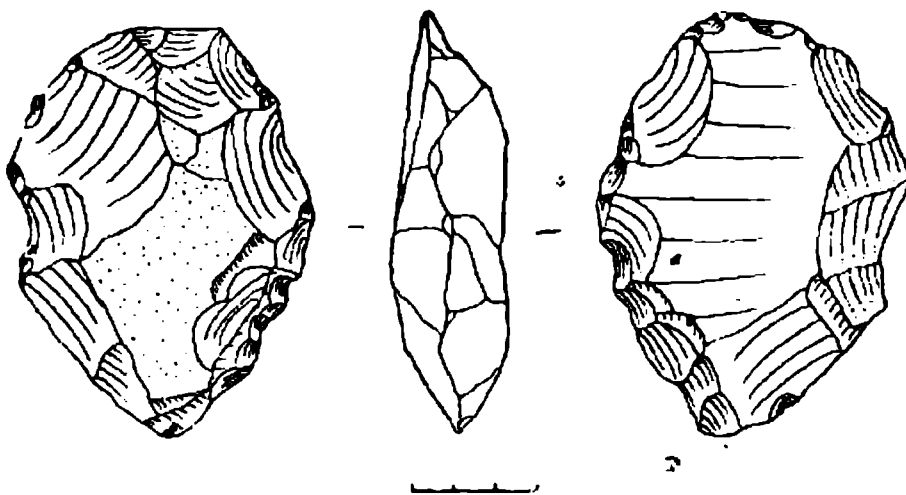

Рис. 5. Бифас с Шахпахты.

исключением рубил, обнаруженных А. П. Окладниковым на 39 км от Красноводска [12, с. 186] и находок с юго-восточного Устюрта [7, с. 70, рис. 3], отнесенных к нижнему палеолиту.

ЛИТЕРАТУРА

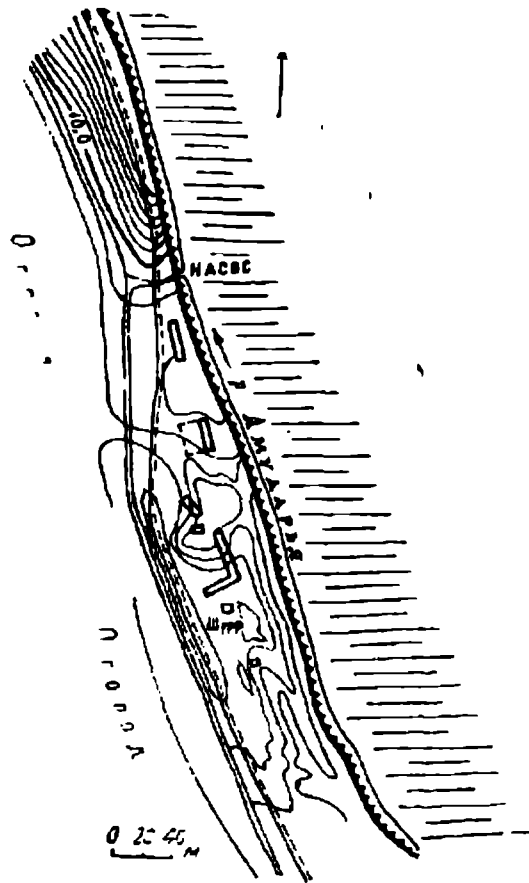
1. Корженевский Н. Л. Устюрт (физико-географический очерк).— Бюллетень САГУ, вып. 25, Ташкент, 1947.
2. Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. (Ташкент, 1978.
3. Медоев А. Г. Об истоках древнего палеолита Сары-Арка.— ВАН КазССР, 1965, № 4.
4. Медоев А. Г. Каменный век Сары-Арка в свете новейших исследований.— ВАН КазССР. Серия общ. наук, 1964, № 6.
5. Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии.— МИА, 1969, № 6.
6. Окладников А. П. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении.— ТЮТАКЭ, т. 8, 1965.
7. Бижанов Е. Находки памятников палеолита на юго-восточном Устюрте.— ВКФ, 1979, № 3.
8. Bordes F. Typologie du Paléolithique ancien et moyen. Bordeaux, 1961, t. 1, p. 75.
9. Медоев А. Г. Радиальная система изготовления нуклеусов леваллуа в древнем палеолите Сары-Арка и Мангышлака. В сб.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.
10. Алпысбаев Х. А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. Алма-Ата, 1979.
11. Алпысбаев Х. А. О находках индустрии каменного века в Каржантау и Караоба.— В сб.: Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978.
12. Окладников А. П. Древнейшее прошлое Туркменистана.— ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. 1, Ашхабад, 1956.

М. МАМБЕТУЛЛАЕВ

ХУМБУЗТЕПЕ — КЕРАМИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ЮЖНОГО ХОРЕЗМА

Хумбузтепе расположено в северо-восточной части Ташсаинского плато, в 17 км к востоку от г. Хазараспа на левом берегу Амударьи. Впервые этот памятник обследован в 1973 г. в связи с составлением археологической карты Хорезмской области [1, с. 483].

Поселение Хумбузтепе в настоящее время занимает небольшую территорию — 4,6 га, большая часть его разрушена и смыта водами Амударьи, русло которой ежегодно передвигается к юго-западу, интенсивно разрушая левый берег, на котором расположен памятник (рис. 1). На обрывах со стороны реки на поселении прослеживается культурный слой толщиной более 1,5 м, насыщенный фрагментами керамики, скоплениями отходов керамического производства, отдельных костей. Неоднократное чередование остатков строительных конструкций со следами гончарных отвалов, часто наблюдаемое в срезях культурного слоя, свидетельствует о том, что на поселении в течение длительного времени существовало гончарное производство, что подтверждает

ет бытующее до наших дней название памятника Хумбузтепе. По заключению В. А. Лившица, в первой части названия производное хум (б) старого иранского слова, обозначавшего крупный глиняный сосуд (авестийское хипба, древнеиндийское kumbha, персидские и таджикские хумб, хум, рано проникшие в тюркские языки), а также любую глиняную посуду, приготовленную для обжига, кроме того, — площадку для обжига посуды (такие значения засвидетельствованы для ягнобского хумб [2, с. 362], они могут отражать семантику этого слова в согдийском языке — предке ягнобского и в некоторых других восточно-иранских языках).

Поселение Хумбузтепе вытянуто с северо-запада на юго-восток на 520 м, ширина его — 65—82 м. Верхняя площадка памятника относительно ровная с небольшим уклоном к югу. Вся поверхность обильно усыпана фрагментами керамических изделий. Следы гончарных печей в виде

Рис. 1. Поселение Хумбузтепе. План

горелых красных пятен и кусков сильно обожженной глины отмечаются в средней части поселения. Всего таких печей зафиксировано 9, диаметр их от 2,12 до 7,51 м. При расчистке одной из них открылась верхняя загрузочная камера горна, сохранившаяся на высоту около 20 см и отделенная от нижней топочной части перегородкой, топка разрушена. В плане горн представляет круг диаметром 7,42 м, стены изнутри приобрели от сильного обжига желто-зеленоватый цвет и наклонены внутрь, что явно указывает на купольное перекрытие печи. Толщина стен 32 см. Рядом с печью найдены керамические отвалы, состоящие из золы и шлака. Обнаружены также куски обожженной глины в виде примятых пальцами комков, служивших прокладками между сосудами, и куски обожженных толстых (5—7 см) глиняных дисков. Среди находок имеются бракованные сосуды, терракотовые статуэтки, глиняные подставки, употребляемые при обжиге, со следами пальцев мастеров, куски обмазки, куски хорошо промешанной глины; фрагменты обожженных кирпичей — плиток толщиной 3—6 см, многие из таких плиток изготовлены грубо, в глину добав-

лен шамот, но часть плиток — из светлой хорошо промешанной глиняной массы. На одной из керамических плит (25×?×6 см) имелось клеймо в виде буквы Т с точкой, проведенной пальцем по сырой глине. На нескольких плитках сохранились отпечатки тонкой ткани, которой пользовались при формовке.

К востоку от описанной печи выявлены еще две (№ 2, 3), тоже круглые в плане; одна диаметром 1,2 м, другая — 2 м. Печи разрушены, от обжигательной камеры остался только под с круглыми продухами: их 12 в меньшей печке, 18 в большой. Здесь печи расположены группами по две и даже по четыре, в каждую из них входят печи разных размеров и предназначавшиеся для обжига посуды разной величины.

По находкам с поверхности и в ямах для выброса видно, что печь № 1 служила главным образом для обжига хумов и сосудов

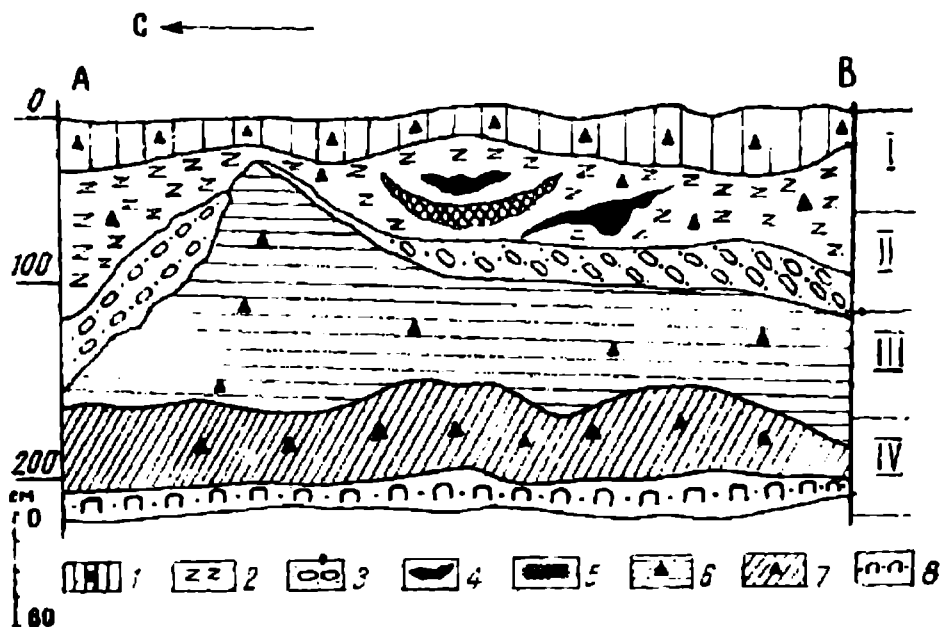

Рис. 2. Хумбузтепе. Разрез шурфа I:

1 — песчано-щебнистый перемешанный слой с фрагментами керамики; 2 — супесчаный слой зеленоватого цвета с прослойками золы и фрагментами керамики; 3 — каменная кладка; 4 — сажистый слой; 5 — кострище; 6 — мягкий коричневый слой с древесными угольками и керамикой; 7 — рыхлый увлажненный слой с керамикой и костями; 8 — щебнистый песчаный слой с древесными угольками.

средней величины, а в малых печах (№ 2, 3) обжигались мелкая посуда и терракоты. Фрагменты нескольких терракот найдены между двумя (№ 2 и 3) печами и в яме выброса.

По типам керамики большую печь (№ 1) можно отнести к I—III вв., печи № 2, 3 датируются IV—II вв. до н. э.

Для изготовления посуды гончары использовали местную материковую пластичную глину, выходы ее прослеживаются в обрывах со стороны реки, где толщина глинистого слоя составляет более 2 м. Расположение поселения у реки и большие запасы высококачественной глины, очевидно, способствовали развитию гончарного производства.

Стратиграфический шурф 1 (2×4 м), заложенный в середине южной части поселения, прорезал культурные отложения толщиной 2,1 м и доведен до материка (рис. 2). Над материком выявлен серый рыхлый слой с фрагментами различных сосудов, на тулове которых сохранилась горизонтальная рубчатость. С начала IV яруса до II яруса идет однородный рыхлый, песчаный слой с древесными угольками, насыщенный фрагментами керамики. Попадались ручки кувшинов с львиноголовым налетом. С середины II яруса до поверхности лежал перемешанный рыхлый песчано-щебнистый слой, с зольными пятна-

ми, здесь же обнаружены фрагменты керамики, кости животных. В средней части ниже уровня I яруса выявлено кострище размером 57×49 см. В шурфе стенок и полов не встречено. По-видимому, шурф прошел через хозяйственный двор. В восточной части памятника на обрывах, обнаживших культурный слой, была произведена зачистка для получения информации и стратиграфии памятника. Здесь над щебнистым материком выявлен рыхлый песчаный слой толщиной 23 см, где встречены фрагменты керамики и кости животных. На северном конце обреза находился хум с ребристым туловом и подкосом при переходе к донцу. От хума сохранилась нижняя половина. С начала IV до III яруса идет однородный серый рыхлый зольный слой, насыщенный фрагментами керамики. В слое обнаружены каменные зернотерка, фрагмент керамического сита, ручки красноглиняных кувшинов с львиноголовыми налечами в верхней части. В средней части обреза выявлена хозяйственная яма, в заполнении ее встречаются фрагменты керамики, кости животных и рыб. В западном конце обреза обнаружена нижняя часть хума с плоским дном, лишь слегка скругленным к краям, наружная поверхность облицована светлым ангобом. С конца II яруса до поверхности лежал перемешанный слой с фрагментами керамики и обожженными комками глины. В слое много золисто-угольных прослоек.

В результате проведенных разведочных работ на поселении Хумбузтепе получен богатый комплекс керамики, представленный большим разнообразием типов сосудов и их вариантов.

В нижних слоях шурфа I и зачистки обнажения (V—IV яруса) обнаружены стенки сосудов с ребристым туловом и манжетообразным венчиком, шейка отделена от тулова невысоким валиком, дно, более или менее округлое, внешняя поверхность облицована светлым ангобом (рис. 3, 1, 2).

Сосуды описанного типа известны по материалам из усадьбы Дингильдже [3, с. 122, рис. 35, 1—5], из Кюзели-гыра и датируются VI—V вв. до н. э. [4, с. 133, рис. 1]. Тазы — с манжетообразным венчиком. Стенки слегка изгибаются вовнутрь или расширяются книзу. Днище заметно выступает вперед, а переход от тулова к доньшку осуществлен через срезанный тупой угол, образующий небольшую дополнительную грань шириной 1 см. Диаметр устья 36—40 см, наибольший диаметр корпуса 44—37 см, высота 12—20 см (рис. 3, 4). Описанные типы известны по материалам из верхнего горизонта Кюзели-гыра [5, с. 71, рис. 2, 30] и из наслоений, относящихся к нижнему полу усадьбы Дингильдже [3, с. 121, рис. 33, 10]. Встречаются тазы с округлым валикообразным венчиком, под которым имеется валик, дно округлое, наружная и внутренняя поверхность покрыты светло-красным ангобом. Эта форма известна по материалам из наслоений, относящихся к верхнему полу усадьбы Дингильдже [3, с. 122, рис. 35, 16]. Кубки — плоскодонные, удлиненной формы, стенки через небольшое сужение в нижней части тулова постепенно расширяются к устью, диаметр устья 12—6 см, высота 16—19 см, диаметр дна 9—11 см, толщина стенок 1—1,5 см. Наружная и внутренняя поверхности покрыты желтовато-белым ангобом (рис. 3, 3). Аналогичные кубки происходят из верхнего горизонта Кюзели-гыра [4, с. 338, рис. 4, 8, 9]. Таким образом, керамика из нижних слоев памятника датируется VI—V вв. до н. э.

Керамика, найденная в IV—III ярусах, представлена следующими видами.

Хумы — крупные с круглым валикообразным венчиком, с короткой шейкой, отделенной от тулова одним-двумя валиками. Внешняя поверхность хума покрывалась светлым ангобом, поверх которого наносилась роспись красной краской в виде вертикальных полос (рис. 3, 6) или завитков (рис. 3, 8). Аналогичные сосуды были распространены в Хорезме в IV—III вв. до н. э. [5, с. 93, рис. 19]. Най-

дены стенки горшкообразной хумчи, покрытой светлым ангобом и украшенной орнаментом в виде нарезных треугольников, закрасенных через один красной краской (рис. 3, 11). На плечике одной хумчи

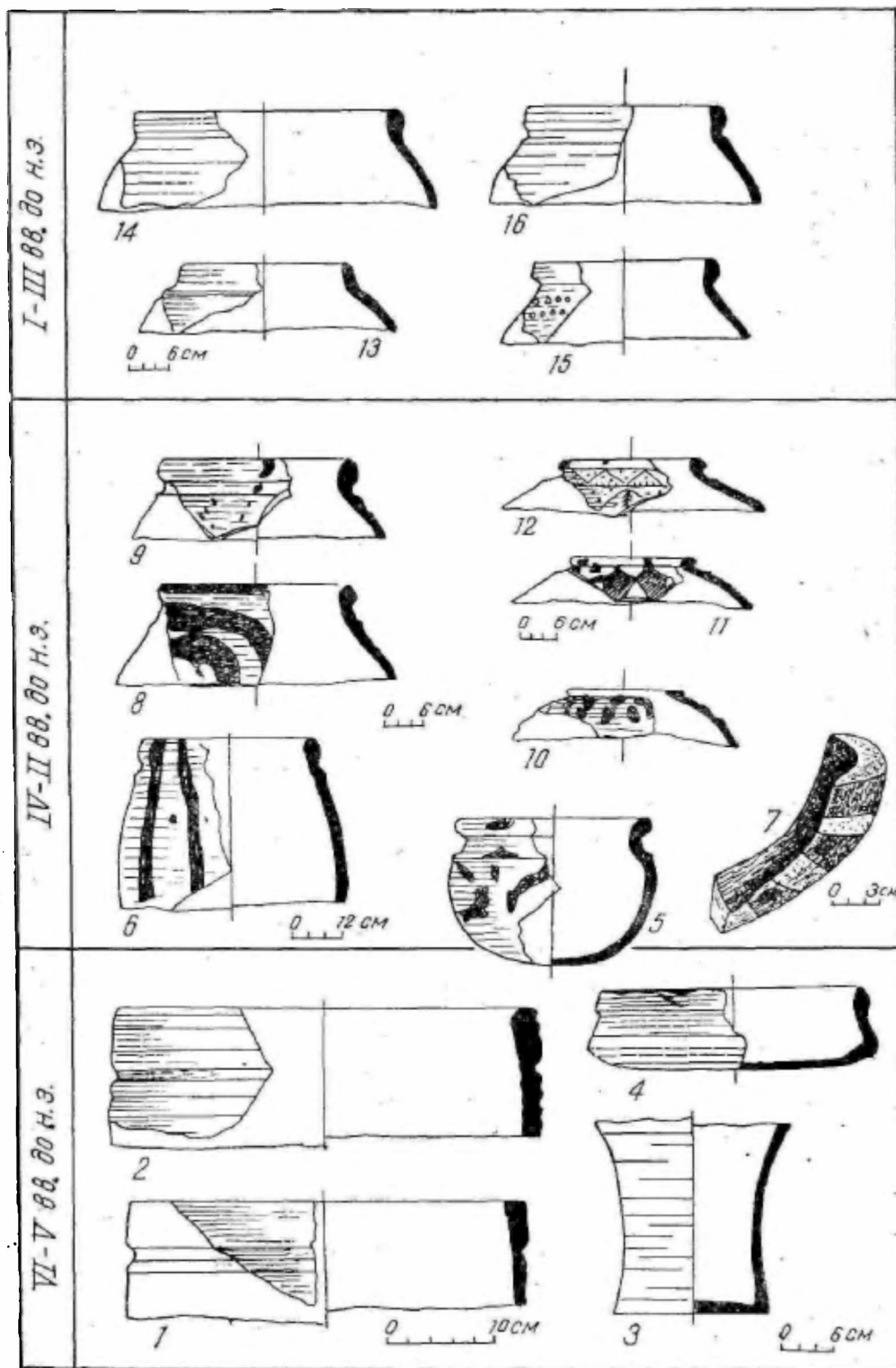

Рис. 3. Формы предметов с поселения Хумбузтепе.

сделан налеп, изображающий голову, по-видимому, какого-то женского божества (рис. 4).

Красноангобированные кувшины представлены фрагментами венчиков и стенок, имеются налепы в виде львиных голов [6, с. 40—73],

которые украшали ручки кувшинов (рис. 5, 1—4), всего их 14 шт. Все найденные львиноголовые налпы сделаны в различных формах и отличаются друг от друга деталями — манерой изображения гривы, глаз, носа и т. д. По форме и расположению прядей их можно разделить на три группы. Первую группу составляют налпы с гривой в виде мелких прядей, идущих от лба назад, параллельно одна другой. Все они имеют большие миндалевидные глаза с четко очерченными рельефными веками. Глазное яблоко выпуклое. Уши круглые, стоячие. Усы показаны продольными полосами, расходящимися к щекам. Имеются налпы с невыделенными усами (рис. 5, 1, 2). Вторую группу составляют (рис. 5, 3) налпы с гривой, разложенной прядями по обе

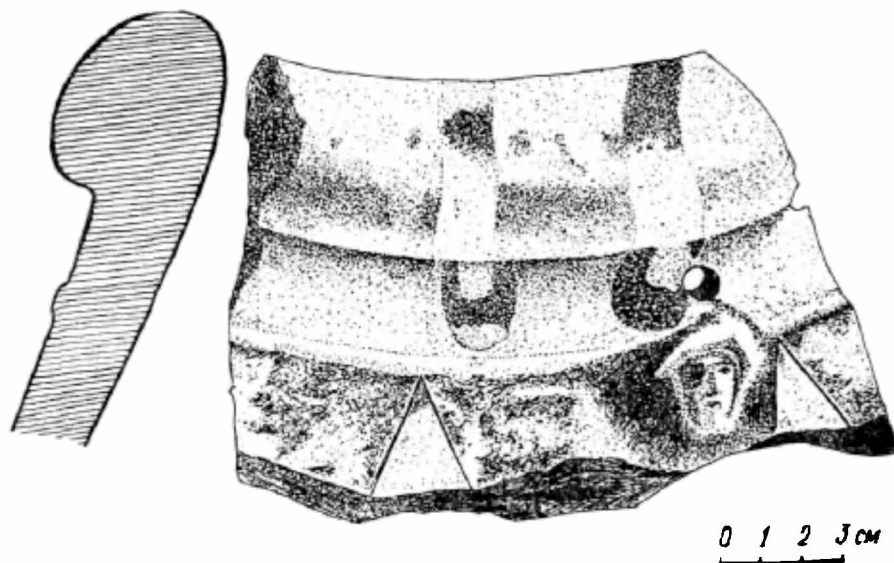

Рис. 4. Фрагмент хумчи IV—III вв. до н. э.

стороны головы, как бы расчесанными на прямой пробор [6, с. 43]. В третью группу входят налпы, на которых грива изображена в виде елочки. Их всего два. Глаза, уши, нос обозначены простыми бугорками (рис. 5, 4).

Фрагменты красноглиняных кувшинов с львиноголовыми ручками покрыты красной краской. Аналогичные кувшины найдены в нижних слоях Койкырган-калы, а также в Джанбас-кале, Базар-кале, Калалыгыре № 1 и № 2, при раскопках гончарного квартала на городище Кюзелигыр и бытовали в Хорезме в пределах IV—III вв. до н. э. [4, с. 101, 103; 6, с. 40—73]. Крышки имеют сегментовидную уплощенную форму. Расписаны красной краской по светлому ангобу. Подобной формы крышки с росписью характерны для Хорезма IV—III вв. до н. э. [5, с. 113, рис. 20, 4].

Появление в IV в. до н. э. образа львиноголовой богини в Хорезме М. Г. Воробьева объясняет связями Хорезма со странами Передней Азии, прежде всего с Египтом [6, с. 50—53]. Эти контакты складывались в период вхождения Средней Азии в состав Ахеменидской державы.

Среди находок из IV—III ярусов отметим фрагменты керамического сита, обломок наковаленки и жернова-дигирмана. Миниатюрные жернова из камня темно-серого цвета служили для растирания краски или измельчения других веществ (рис. 6, 5, 6). Верхний жернов несколько тоньше и меньше нижнего. Снизу в этом жернове имеются конусообразные осевые выступы, входящие в воронкообразные углубления в нижнем жернове. Высота обоих жерновов, лежащих один на другом — 12,5 см, а наибольший диаметр — 16 см. Наковаленка представляет собой диск диаметром 12 см, с плоской рабочей поверхностью

и небольшой прямоугольной в сечении ручкой в центре. Такие инструменты применяли для сбивания стенок крупных сосудов и тандыров хорезмийские [7, с. 335] и риштанские [8, с. 215, рис. 55, 6, 7] гончары в конце XIX в. Обломок ребра животного со следами сработаннос-

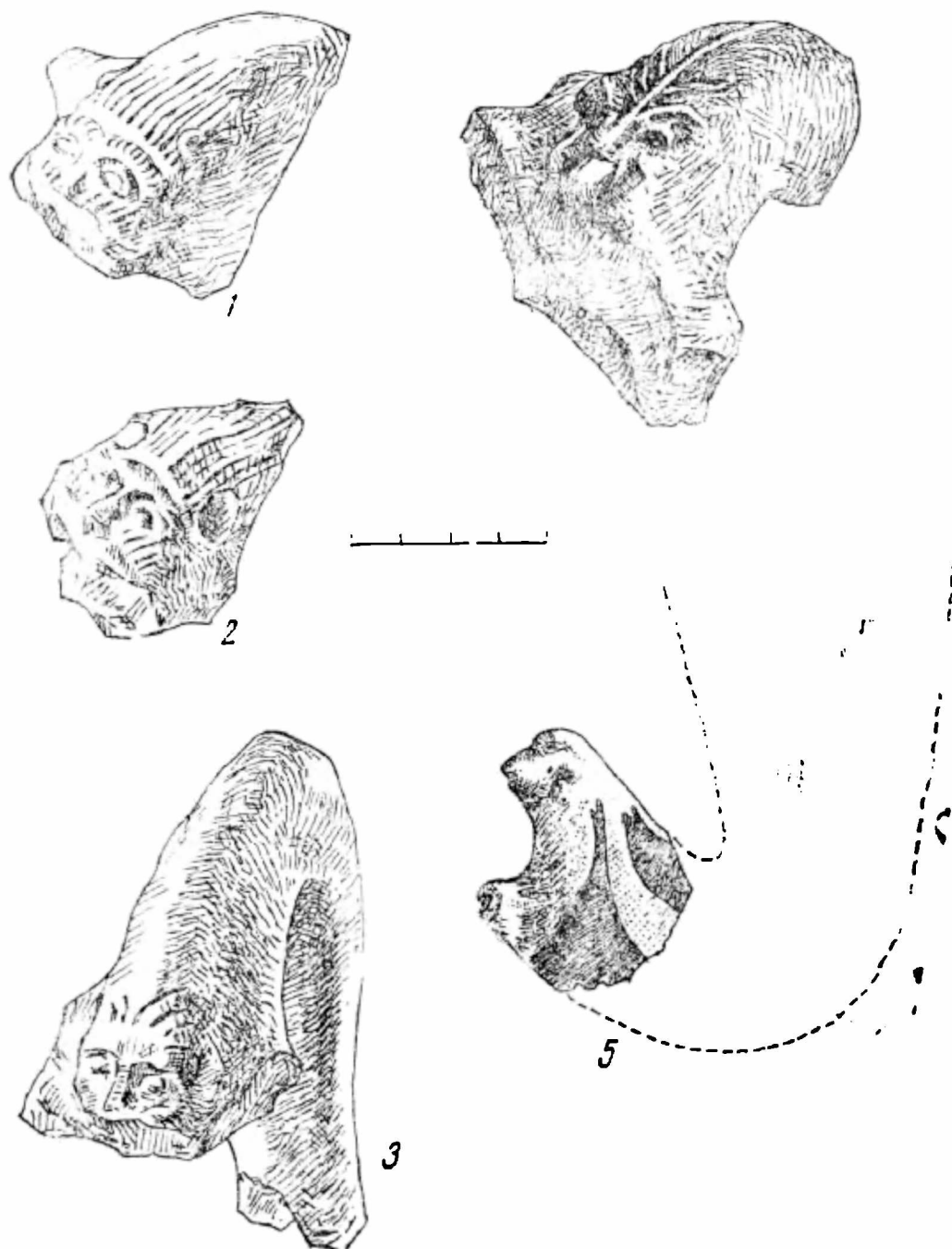

Рис. 5. Отдельные находки:

1—4 — налепы в виде голов львов на ручках кушанов; 5 — глиняный ритоц.

ти по грани, по-видимому, употреблялся при формовке сосудов на гончарном круге.

В верхнем слое (II—I ярусы) встречаются фрагменты венчиков хумов, имеющих высокую вертикальную горловину. Венчик образован утолщением и скруглением верхнего края сосуда, от тулова отделен неглубокой бороздкой, проведенной пальцами руки еще до обжига (рис. 3, 13), внешняя поверхность облицована светлым и красным ан-

гобом. Описанные сосуды встречаются на многих памятниках Хорезма и датируются I—III вв. до н. э. [5, с. 174].

Хумчи имеют вертикальную или немного стянутую горловину, которая плавно переходит в округлое тулово. Диаметр устья 20—28 см,

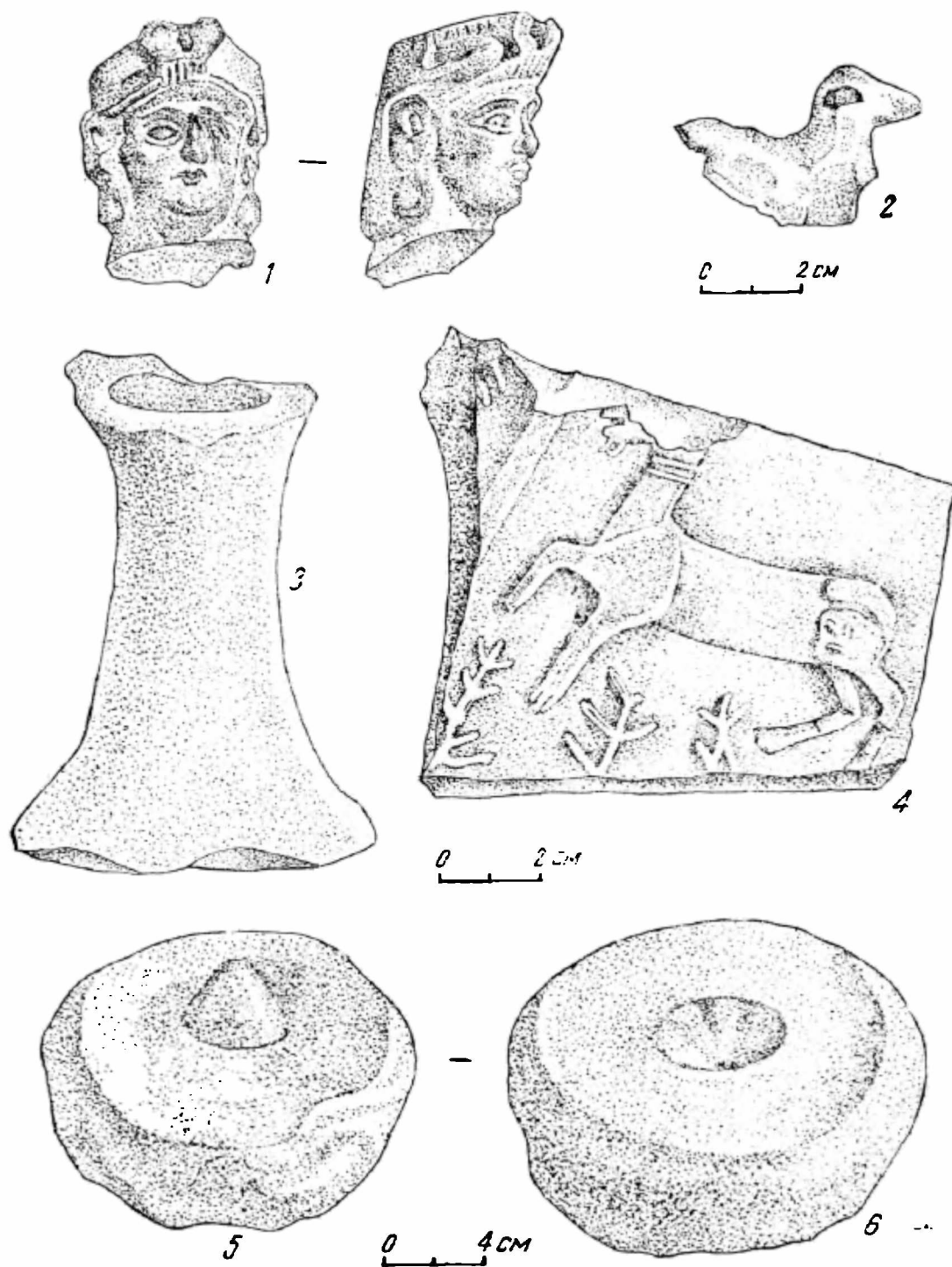

Рис. 6. Отдельные находки:

1 — голова терракотовой статуэтки; 2 — терракота; 3 — керамический сосуд; 4 — фрагмент рельефа на плоской стороне фляги; 5—6 — жернова-дигирман.

толщина стенки 0,7—1 см. В тесте имеется значительное количество отощителя. Наружная поверхность покрыта светлым ангобом. Плечики одного из сосудов украшены точечными углублениями, расположенными в два ряда (рис. 3, 15).

Новым видом является красноглиняный сосуд с конусообразным, но слегка расширяющимся к низу туловом (найдено 2 экз.), высота — от 6 до 10,5 см, диаметр дна 6—8 см, толщина стенок 1 см (рис. 6, 3). Аналогии им в материалах Хорезма отсутствуют. Возможно, такие миниатюрные сосуды использовались для хранения косметических средств. В Средней Азии косметические средства применялись задолго до монгольского времени [9, с. 22, 23]. В целом материалы из верхнего слоя относятся к IV—I вв. до н. э.

Особый интерес представляет фрагмент керамической плитки с рельефно выполненным изображением (рис. 7, 1). Плитка поднята в северной части памятника. Судя по фрагменту, она имела подтреугольную форму с закругленными углами и слегка выпуклыми боковыми сторонами, высота ее — 19 см, ширина по основанию — 18 см, толщина — 2,5—3 см. Плитка сформована из хорошо перемешанной глины с примесью песка и мелкоотделенного гипса. Обжиг равномерный, черепок в изломе светло-кремовый. Лицевая поверхность покрыта тонким светлым ангобом, края слегка сглажены, а прямой нижний край срезан. Изображенный на плитке предмет типа гривны представляет собой толстый незамкнутый овал, украшенный на концах головками двух фантастических существ (драконов?). Головы драконов в угрожающих позах с оскаленными пастьми обращены друг к другу. Кончики длинных ушей (рогов?) наклонены вперед. Глаза переданы простым точечным углублением. Высота рельефа 0,5—0,8 см. Мотив дракона достаточно широко представлен в древневосточном искусстве, где имеет несколько иконографических образов. По мнению Ван Бурена, дракон символизировал плодovitость, вызывал чувство благоговения и не был враждебен людям [10, рис. 4].

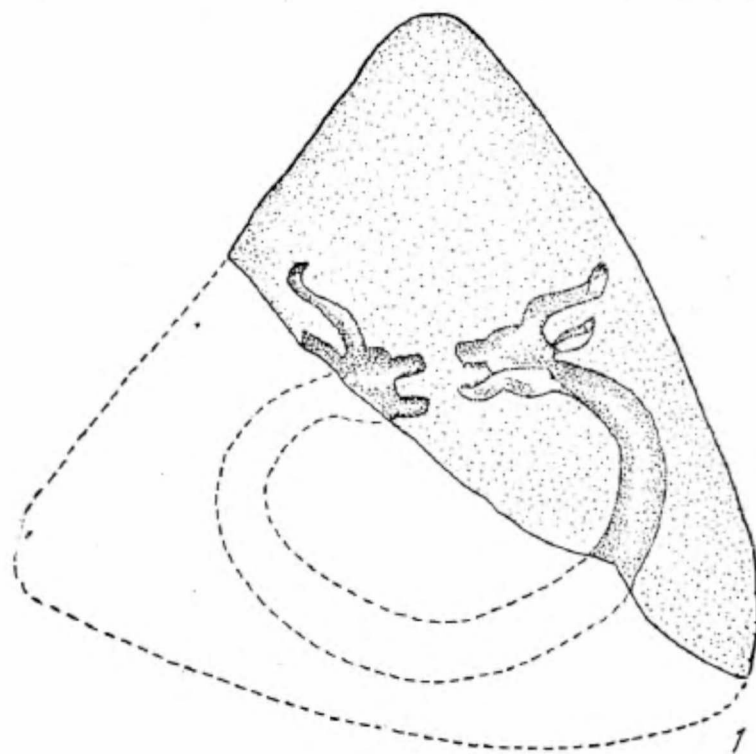
В Хорезме керамическая плитка с подобным изображением найдена впервые. Можно предполагать, что плитка была предназначена для получения литейной формы (матрицы), отливки металлического украшения типа гривны. В ранее опубликованной нами заметке плитка неправильно отнесена к числу крышек оссуариев [11, с. 62].

Изображение на плитке из Хумбузтепе стилистически тесно связано с памятниками скифо-сакского и ахеменидского искусства. Сходные украшения мы видим на вельможах, изображенных на рельефах Персеполя и Суз, а также на статуе, найденной в Египте. Хорезмийцы преподносили гривны в качестве дара персидским царям, как это представлено на рельефах Персеполя [12, табл. 24—26].

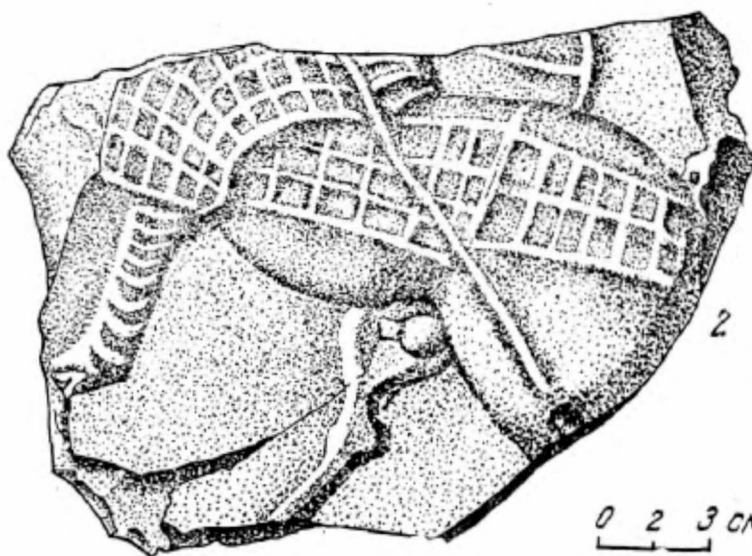
Гривны с головками животных на концах известны в Сибирской коллекции Петра I и датируются IV в. до н. э. [13, с. 174]. По стилистическому сходству с перечисленными гривну на плитке из Хумбузтепе можно отнести к V—IV вв. до н. э. Связями с переднеазиатской сакско-скифской художественной средой, вероятно, и обусловлено появление подобного мотива в изобразительном искусстве архаического Хорезма, что уже отмечено С. П. Толстовым [14, с. 196, 198], М. Г. Воробьевой [3, с. 158]. Искусство архаического Хорезма развивалось в процессе взаимодействия с искусством сопредельных стран Переднего Востока и Южной Сибири. Эти связи усилились особенно в связи с вхождением различных областей, в том числе и среднеазиатских, в состав государства Ахеменидов. Именно к этому периоду относятся бронзовые браслеты с головками змей на концах, обнаруженные в архаических поселениях Хорезма [3, с. 174]. Распространенные в ахеменидское время они, видимо, попали на территорию Хорезма в результате обмена [3, с. 173—175]. Найден обломок керамического диска с толщиной стенок 2,5—2,8 см, в изломе розовый, с обеих сторон покрыт жидкой красной краской. На лицевой стороне по краю диска рельеф — изображение змеи. Сохранившаяся длина диска — 9 см, толщина — 1,3 см, высота рельефа — 0,8 см.

Образ змеи был очень популярен у всех земледельческих народов древности. Змея, живущая в земле, считалась атрибутом богини зем-

ли, от которой зависело плодородие нив. Каждую весну змея сбрасывает кожу и возрождается, и земледельцы ассоциировали это с весенним возрождением природы. Культ змеи существовал и у хорезмийцев. Обнаружены фрагменты стенки парадной фляги с изображением

0 3 CM

0 2 3 CM

Рис. 7. Керамическая плита с рельефным изображением фантастических животных (1); фрагмент фляги с изображением всадника (2).

всадника в пластинчатых доспехах и лошади (рис. 7, 2) [15, с. 278]. На обломке другой фляги рельефно изображено «древо жизни» и две стоящие в геральдических позах лани или газели (рис. 6, 4), под газелями изображение кустистых растений. Фляга с аналогичным изобра-

женем найдена в нижних слоях Койкрылган-калы [16, с. 202, рис. 2]. Животные по сторонам древа жизни — традиционный древневосточный мотив, имеющий очень древнюю изобразительно-смысловую основу, и связанный с темой плодоносящего начала и производительных сил природы. Мотив этот известен по таким памятникам искусства, как Луврская палетка (IV—III тыс. до н. э.) из Египта [17, с. 9, рис. 5] и памятники ахеменидской глиптики (VI—V вв. до н. э.) [18, с. 83], Парфянские печати (Ниса, II в. н. э.) [19, с. 153, рис. 10, 1]. Он сохраняется и в искусстве сасанидской эпохи. Парные изображения животных, стоящих в геральдической позе у ствола священного древа, обращенных мордами друг к другу, очевидно, обозначают мотив плодородия, долговечности жизни.

Среди находок из слоя IV яруса отметим фрагмент нижней части керамического ритона с изображением животного (коневидного грифона?) (рис. 5, 5), на груди которого имеется сливное отверстие, характерное для многих ритонов. Изготовлен ритон очень тщательно, покрыт снаружи розоватым ангобом, неровности, образовавшиеся при формовке, подправлены ножом. Нижняя часть морды и ушей животного отбиты, крылья переданы красно-коричневой росписью. По фрагментам и наличию отверстия в нижней части хумбузтепинский сосуд сближается с калалыгырским ритоном [5, с. 100, рис. 18]. Сходные ритоны известны также из наслоений нижнего горизонта Койкрылган-калы и Большой Айбугир-калы. находка ритона на поселении Хумбузтепе свидетельствует о том, что в Хорезме их выделывали в различных районах. Ритоны и гривны многие народы древности, в том числе и хорезмийцы, употребляли в различных ритуалах и культовых пиршествах, их вкладывали и в качестве обетных даров в сокровищницы храмов и царей.

Из многочисленных находок на Хумбузтепе особый интерес представляют фрагменты стенок от погребальных сосудов. На одном из фрагментов стенки оссуария в рельефном изображении даны большой и указательный пальцы правой руки. Длина пальцев 5 см. Сосуд сформован на круге из светлого теста и покрыт светлым ангобом. Толщина стенки 1 см. Аналогичные обломки погребального сосуда с рельефным изображением правой руки найдены на Койкрылган-кале [20, 21, с. 56, рис. 2].

Особо следует упомянуть фрагмент небольшого сосуда, возможно, курильницы, на котором сохранилось реалистическое воспроизведение головы быка между двумя сквозными оконцами. Фрагмент сосуда был поднят в южной части памятника. Сосуд сформован на гончарном круге из хорошей тонко-отмученной глины, снаружи и изнутри покрыт ярко-красным ангобом. Толщина стен — 2—3 см (рис. 8). Курильницы с рельефным изображением головы быка известны с крепости Аспургиана на Боспоре (II—I вв. до н. э.) [22, с. 23, рис. 2, 4]. Некоторое сходство нашего сосуда обнаружено с курильницей из Балалыктепе (V—VI вв. н. э.), хотя здесь между двумя оконцами подставки сделан налест головы какого-то женского божества [23, с. 74, рис. 1, 2]. По тесту и технике изготовления данный сосуд можно отнести к IV—III вв. до н. э.

Найден также фрагмент статуэтки коровы, сохранилась нижняя часть морды, ноздри переданы небольшим углублением, рот выделен глубокой прорезной линией. Фрагмент сосуда, носик которого оформлен в виде бычьей головы, найден в окрестностях Анга-калы [20, с. 173, рис. 13, 1]. У народов Индии, Средней и Передней Азии, Средиземноморья образ быка, воплощающий плодородие, был тесно связан с культом воды, особенно там, где земледельческое хозяйство было невозможно без искусственного орошения [24]. В Иране, включая области Средней Азии, бык как священное животное вошел в маздеистский культ, ему уделено много места в авестийских текстах [25, с. 199]. В Авесте фигурирует первородный бык Хадайаш (Гопатшак),

который «всегда сидит на берегу реки и совершает возлияния», культ его был популярен в Средней Азии и неслучайно древнее название Гава связано с быком [26, с. 72, и сл.]. В зороастрийском календаре 14 день каждого месяца был посвящен авестийскому божеству — Га-

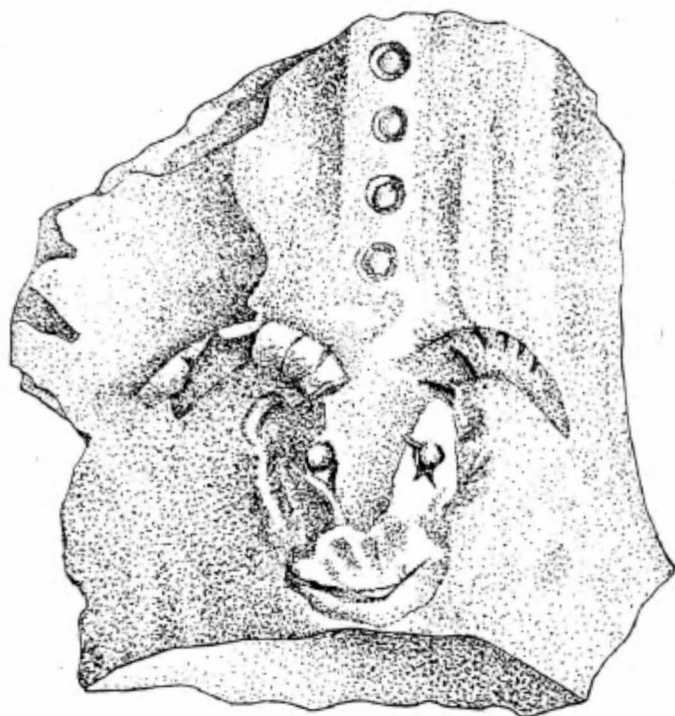

Рис. 8. Фрагмент курильницы.

us tasna (день) быка творца [27, с. 100]. Некоторые аспекты этого культа пояснены в работе К. В. Тревер в связи с находкой Г. В. Григорьева на Талибарзу фрагмента сосуда, на стенке которого процарапано изображение быка с человеческой головой [26, с. 71 и сл.].

Из других находок, в которых проявляется культовый характер изображения этого животного, отметим глиняные фигуры в виде голов быка, найденные Г. В. Григорьевым в Каунчи [28, с. 52, рис. 85, 86]. Вероятно, сосуды с рельефными изображениями головок быков использовались при исполнении определенных культовых церемоний. Пережитки этого культа еще недавно были живы у узбеков Хорезма. В начале XX в. в Хивинском ханстве ежегодно весной, когда уровень

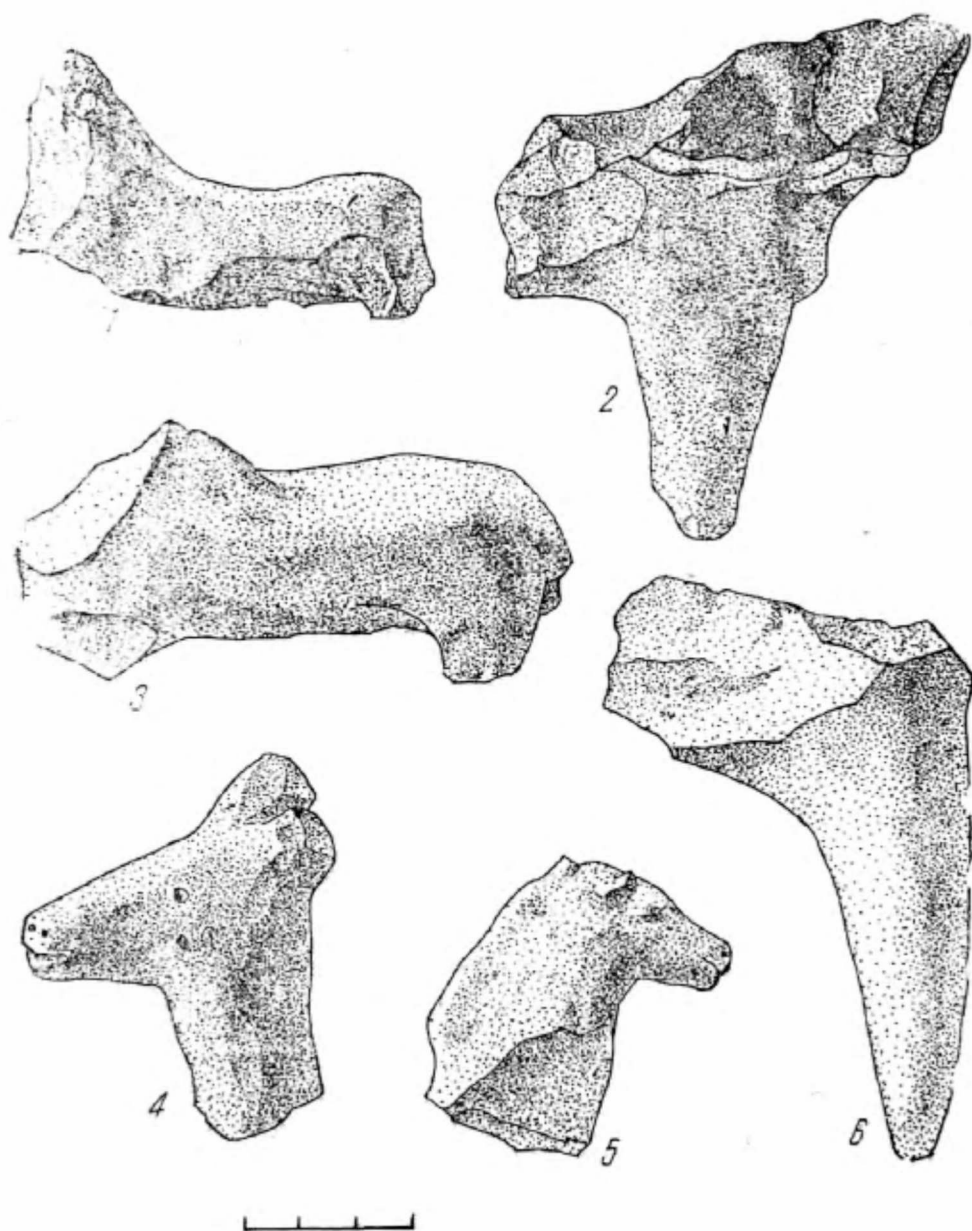

Рис. 9. Терракотовые статуэтки животных (1—6).

воды в Амударье предвещал маловодье, в головах магистральных каналов отдавали быка в качестве жертвоприношения водам Амударьи: «Сувли бўлсин! Ҳосилдор бўлсин! Серобчилик бўлсин!», — «Да будет вода! Да будет урожай! Да будет достаток!», — говорили люди [29, с. 116]. Смысл этого ритуала — жертвоприношение водам Амударьи должно обеспечить обилие воды в каналах и богатый урожай в текущем сезоне. Бык, приносимый в жертву Анахите, богине водной стихии, упоминается в авестийских текстах.

Археология и этнография дают богатейший материал о широком распространении культового комплекса, где бык представляется в тесной связи с водной стихией, с растительностью и плодородием [30, с. 507—509, 516—519]. Именно в этом сакральное значение быка в культуре плодородия народов Индии, Средней и Передней Азии, Средиземноморья (31, с. 311).

Г. П. Снесарев отмечает, что по верованиям жителей Хорезма, благосостояние земледельца в значительной степени зависело именно от сакральных свойств быка — основной его производительной силы. Например, земледельцы Хорезма в прошлом кровь крупного рогатого скота, скапливавшуюся в ямах салах-хана (боен), вывозили, смешивали с землей и разбрасывали по полям, что считалось исключительно благотворным для произрастания посевов [31, с. 311—312].

В топонимике Хорезма до сих пор сохранились следы этого культа. В 4 км к северу от г. Хивы расположено озеро Гауик (Гаук), в прошлом являвшееся местом паломничества. Слово это происходит от иранского «гоу» — бык (корова) с хорезмийским суффиксом прилагательного «к». Название озера Г. П. Снесарев переводит как «бычье», «коровье», «сделанное быком» [31, с. 315].

Среди бракованных сосудов обнаружена голова женской статуэтки (рис. 6, 1) с тюрбанообразной повязкой с узлом или бантом спереди. Зачесанные за уши волосы собраны в крупные букли. Лицо широкое, брови длинные, дуговидные. Глаза широко открыты, без зрачков (левый глаз стерт). Нос небольшой, губы маленькие, пухлые. Головная повязка с бантом спереди на хорезмийских статуэтках появилась во II—III вв. н. э. По предположению М. Г. Воробьевой, этот вид головного убора был заимствован жителями Средней Азии из Северо-Западной Индии [16, с. 213]. Это предположение подтверждается тем, что такой головной убор изображен на гандхарских статуэтках кушанского времени [32, с. 15—16]. Изображение реконструируется по найденной из верхних наслоений Койкрылган-калы [16, с. 312, табл. XXIX, рис. 38] статуэтке, головная часть которой совершенно аналогична фрагменту, найденному на Хумбузтепе. Обе терракоты выполнены в одной манере и изображают стоящую богиню Анахиту в длинном платье, закутанную в покрывало [16, с. 185].

Найдены фрагменты керамического кольца (рис. 3, 7) с наружным диаметром 30 см, внутренним по верхнему краю — 26 см. Кольцо изготовлено на гончарном круге из тщательно вымешенного теста и покрыто светлым ангобом, поверх которого нанесена красная роспись отдельными вертикальными лентами. Подобные кольца были найдены на Койкрылган-кале и, по мнению М. Г. Воробьевой и М. М. Рожанской, они могли быть простейшими плоскими астролябиями для измерения высоты светил над горизонтом [16, с. 256, рис. 100]. Если это так, то Хумбузтепе выполняло заказы не только на изготовление различных сосудов, но производило и астролябии.

Большой интерес представляют терракотовые фигурки животных, найденные на поверхности поселения (рис. 9). Все они изготовлены из хорошо промешанной глины без примесей, имеют качественный обжиг.

Статуэтка лошади (рис. 9, 5) выполнена от руки. Тесто красновато-розовое. Сохранилась голова. Морда сухошавая, короткая, с открытым ртом и слегка раздутыми ноздрями, повернута чуть влево. Глаза лошади переданы небольшими бугорками. Уши сбиты. Вдоль шеи грива подстрижена острым высоким ровным гребнем. Челка спускается между ушами на лоб плоским язычком. Статуэтка покрыта красным ангобом.

Голова другой статуэтки изготовлена из красноватой глины (рис. 9, 4). Морда и шея (довольно массивная) выполнены в объеме. Уши длинные, кончики их отбиты. Глаза переданы точечным углубле-

нием. Рот показан глубоко прорезанной линией, ноздри — проколами.

У остальных статуэток лошадей сохранилось только туловище (рис. 9, 1—3). Все они однотипны. У двух наклепными жгутами показана упряжь. Хвосты у всех короткие, в форме треугольника, обращенного вершиной вниз. Поверхность фигурок покрыта жидким светлым ангобом, сквозь который пятнами просвечивает красная подгрунтовка.

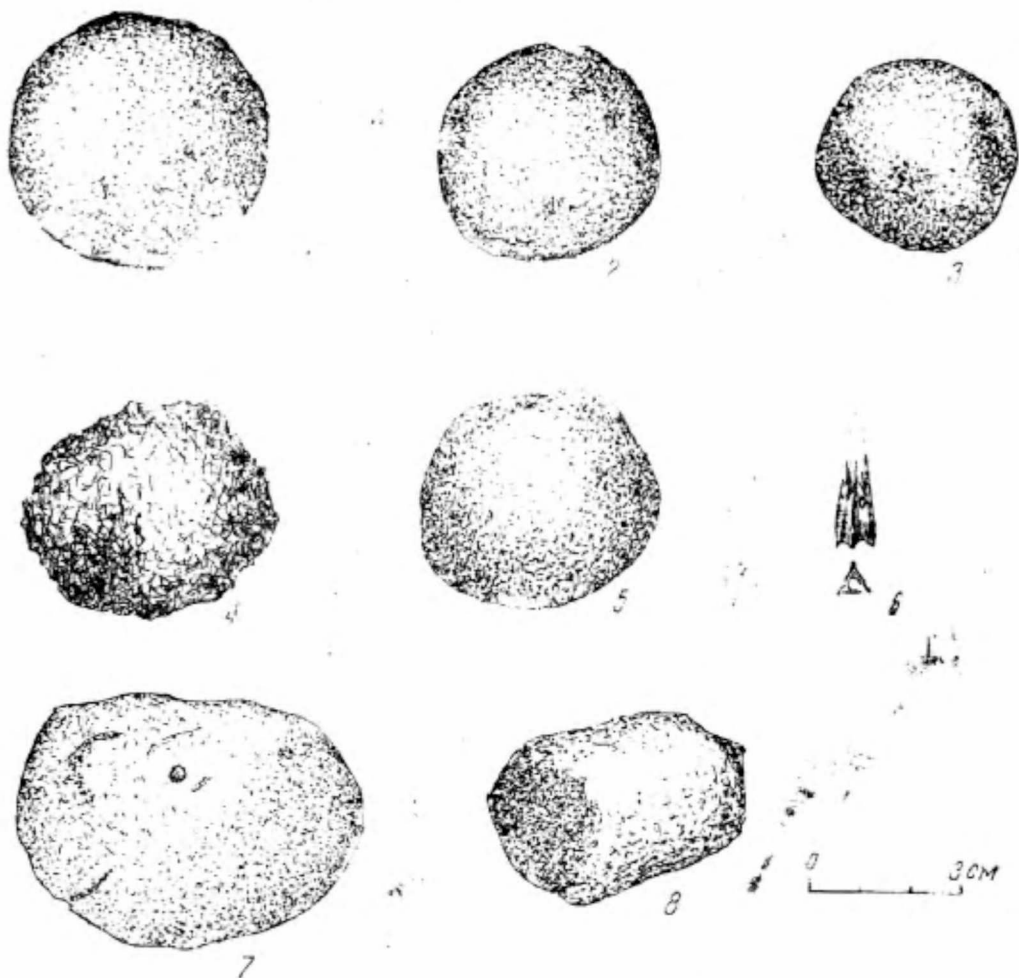

Рис. 10. Керамические обожженные ядра для пращи (1—8), бронзовый наконечник стрелы (6) (подъемный).

Найден фрагмент фигурки верблюда с отбитой головой и крайне примитивно выполненными двумя горбами. Верблюд в жизни народов Средней Азии всегда имел особенно большое значение и, несомненно, считался одним из весьма почитаемых животных. Поэтому изображения этого животного довольно часто встречаются при раскопках различных памятников.

В число терракот входит налеп на сосуде, изображающий барана. Налеп имеет красновато-розовый черепок, покрыт беловатым ангобом (рис. 6, 2).

В коллекции имеются обожженные ядра округлой формы диаметром 3—6 см. Тесто ядер хорошей отмучки и обжига со следами розового и светлого ангоба (рис. 10, 1—8).

Фрагмент стенок сосуда с надписью чернилами на обеих сторонах найден в северной части памятника среди керамического отвала. Сосуд, которому принадлежит фрагмент, изготовлен на гончарном круге из тонко отмученной глины. Черепок в изломе красноватый. Наибольшая длина — 6,3 см, ширина — 5,5 см, толщина — 1,2 см. Внеш-

няя поверхность покрыта беловатым ангобом, на который нанесена роспись красной краской в виде завитков. По технике изготовления и росписи сосуд можно предположительно отнести к IV—II вв. до н. э. Поскольку фрагмент найден вне слоя, такая датировка должна быть проверена и уточнена на основе палеографического анализа. Текст на обеих сторонах черепка — остракон, а не надпись на целом сосуде, что имеет важное значение — до сих пор хорезмийские остраки были неизвестны. На внешней (выпуклой) стороне текст содержит 6 строк (рис. 11, 1), на внутренней (вогнутой) было 3 строки (рис. 11, 2). Часть острака отбита.

Предварительный анализ надписи выполнен В. А. Лившицем. По его заключению, фрагментарность острака и неважная сохранность внешней (выпуклой) стороны не позволяют дать достаточно уверенное чтение всех сохранившихся знаков. При нынешнем уровне изученности острака текст на внешней стороне читается следующим образом:

- (x+?) (1)] xsw (m?) [< | Хшум []'
 (2)] nwt (?) nX ['] и. с. 10 ['
 (3)] H XXs (w?) ['] .. 20, .. ['
 (4)] (H?) X хwу/zрwn (.) ['] .. 10, хвзбун (?). ['
 (5)] (.) III III III ['] 9 ['
 (6)] (t?) gwzk M ['] тарузак (?) вместе с ['

Здесь отлом на первой, четвертой и шестой строках читается как собственное имя Хшум (xšum); Хwу/Zрwn (Хwурt?); Tarzak (?).

Внутренняя сторона острака:

- (x+? (1)] IC XX XX XX XX (.) [' [год??] 180 (+?) ['
 (2)] mk III sx (.) [' [ху] май [получил или доставил] 4
 (меры...), Сах []'
 (3)] к III tyrk III [] з капича (?), Тйрак—з ['

Здесь вторая строка читается [hw] тухумай — получил или доставил 4 (меры...). В третьей строке буква к известна по документам из Нисы как сокращение меры, а капича (karic) — термин, применявшийся для исчисления объема жидкостей.

Необходимо отметить, что на первой строке имеется число (180)+?). Однако начало и конец строки отбиты, поэтому трудно говорить обозначало это число год или это было обозначение общего количества мер выданного (или полученного) продукта.

Если предположить, что это год, то по хорезмийской эре это будет примерно 160—200 гг. н. э. Однако В. А. Лившиц считает, что острак по палеографическим данным может быть датирован I в. до н. э.

Если предположить, что это число обозначает общее количество мер, то в конце текста (реестра) можно ожидать дату по другой эре.

В целом текст по структуре представляет хозяйственный документ с указанием мер объема продуктов и перечня собственных имен. Наш документ с точки зрения структуры очень похож на парфянские остраки, найденные в Нисе и в Коша-депе [33, с. 232—239, рис. 1, 2, 3]. Находка острака на Хумбузтепе, очевидно, свидетельствует о наличии хорезмийской канцелярии на территории изучаемого памятника. Поэтому можно предполагать, что Хумбузтепе был государственным промышленным центром, выполнявшим определенные заказы, а взамен получавшим хозяйственные продукты и вино. Все эти операции велись писцами.

Археологические материалы, собранные на поселении и полученные из шурфа, показывают, что памятник обживался в течение дли-

тельного времени с VI—V вв. до н. э. до IV в. н. э. Имеются все основания предполагать, что поселение Хумбузтепе было одним из крупных специализированных гончарных центров Южного Хорезма в этот период и своим возникновением оно обязано залежам высококачественного глиняного сырья и близости водных источников.

На днищах обнаруженных на Хумбузтепе сосудов встречаются выпуклые знаки. Они, видимо, были оттиснуты в формах, имевшихся на подставках для формовки. На стенках и плечиках сосудов часто встречаются разнообразные прочерченные знаки. Один и тот же знак мог быть на сосудах одного или разных видов и, видимо, являлся «фирменным» знаком определенного мастера или отдельной мастерской. Обнаруженная на различных памятниках гончарная посуда со знаками хумбузтепинских гончаров свидетельствует о том, что продукция этого центра широко экспортировалась в различные города и поселения Хорезма. Так, при раскопках 1979—1980 гг. на городище Топрак-кала (Шаватская), расположенном в 120 км к западу от Хумбузтепе, обнаружены сосуды, на которых 27 видов совпадают со знаками на керамике, найденной на этом поселении. Вряд ли такое совпадение случайно.

Изучение гончарного ремесла в Средней Азии показывает, что с эпохи поздней бронзы и раннего железа каждая община, обитавшая на небольшом поселении, имела свои гончарные печи [34, с. 66; 35, с. 147]. На крупных поселениях керамические печи были сосредоточены на определенном участке и образовывали «керамический центр». В таком случае керамическое производство было в известной степени товарным.

Рис. 11. Надписи:

1 — внешняя сторона, 2 — внутренняя.

До сих пор исследователи хорезмийских античных городов не обнаружили ремесленных кварталов, подобных открытым в крупных античных среднеазиатских городах. Однако при раскопках Хазараспа зафиксированы остатки гончарного производства IV в. до н. э. внутри городских стен [35, с. 168—170]. Размеры этого производства и условия существования неясны. Поэтому пока трудно говорить о наличии в Хазараспе специализированного ремесленного квартала.

В Хорезме большинство гончарных печей античного периода сооружалось на запустевших городищах и на территории покинутых кварталов [36, с. 147, 148]. Иногда гончарные центры располагались в сельской местности, недалеко от больших городов. Остатки гончарного производства в I—II вв. обнаружены в 8—10 км к северо-востоку от городища Бурлы [37, с. 8]. А крупный город Хазарасп находился в 17 км к западу от керамического центра Хумбузтепе.

Из-за недостаточной изученности гончарных печей Хорезма в античный период мы не располагаем данными для определения уровня техники керамического производства, а также организации работы гончаров. Если существовала какая-нибудь производственная кооперация свободных ремесленников, то, несомненно, среди них были опытные

профессиональные гончары. Недалеко от крепости Уй-калы [36, с. 151] и Хумбузтепе, видимо, изготовлялась крупная посуда (диаметром 6—7,2 м). По мнению М. Г. Воробьевой, исследовавшей гончарные печи Хорезма, существовали специальные гончарные печи для выделки мелкой посуды [36, с. 150]. Если так, то в гончарных мастерских, по-видимому, заказы, поступавшие от отдельных покупателей — домовладельцев и семей, регулировались соответственно размером производства, количеством и ассортиментом продукции. Получая заказ, мастер распределял его между гончарами сообразно их специализации. Этому не противоречит содержание указанного острака, где взамен выданной посуды получены мука или вино.

Таким образом, найденные на поселении Хумбузтепе материалы чрезвычайно интересны. Этот крупный центр керамического производства Южного Хорезма, к сожалению, пока не изучен, памятник нуждается в срочном обследовании. Сейчас на территории памятника заложено несколько крупных хищнических ям, траншей, построены теплицы, автогараж, жилье. Вокруг памятника распахана земля, производятся земляные работы, иногда он затапливается. Все это грозит не только разрушением, но и полной невозможностью в ближайшее время его исследовать. Проведенные в Хумбузтепе разведочные работы показали, что еще имеются места, где можно вести перспективные раскопочные работы. Однако неперемное условие для проведения дальнейших работ на этом интереснейшем памятнике — освобождение его территории от всех современных построек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамбетуллаев М., Юсупов Н. Археологические работы в Хорезмской области.— АО—1973, М., 1974.
2. Андреев М. С., Пещерова Е. М. Ягнобские тексты с приложением ягнобско-русского словаря, составленного Андреевым М. С., Лившицем В. А. и Писарчик А. К. М.—Л., 1957.
3. Воробьева М. Г. Дингильдже. Усадьба середины I тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме.— МХЭ, вып. 9, М., 1973.
4. Воробьева М. Г. Керамика с городища Кюзели-гыр.— ТХАЭЭ, т. 2, М., 1958.
5. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода.— ТХАЭЭ, т. 4, М., 1959.
6. Воробьева М. Г. Изображение льва на ручках сосудов из Хорезма.— КСИЭ, вып. 30, 1958.
7. Джаббаров И. М. Новые материалы к истории гончарного ремесла Хорезма.— ТХАЭЭ, т. 4, М., 1959.
8. Пещерова Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959.
9. Бируни А. Р. Минералогия/Пер. Беленицкого А. А. Л., 1963.
10. Blegen E. V. The origin in Ancient Mesopotamia.— *Orientalia*, vol. 15, fasc. 1—2. Roma, 1946.
11. Мамбетуллаев М. Керамическая плитка с изображением фантастических животных из Хумбузтепе.— ОНУ, 1975, № 3.
12. Sagge F. Die Kunst des alten Persien. Berlin, 1923.
13. Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973.
14. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
15. Мамбетуллаев М. Рельефное изображение всадника на керамической фляге из Хумбузтепе.— СА, 1977, № 3.
16. Кой-крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э.— ТХАЭЭ, т. 5, М., 1967.
17. Померанцева Н. А. Принцип композиции древнеегипетских памятников додинастического периода и эпохи первых двух династий.— В сб.: Искусство Востока и античности. М., 1977.
18. Пугаченкова Г. А. Три ахеменидские геммы из собрания Музея истории УзССР.— Тр. МИ УзССР, вып. 3, Ташкент, 1956.
19. Массон М. Е. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана.— ВДИ, 1953, № 1.
20. Толстов С. П. Работы Хорезмской экспедиции АН СССР по раскопкам памятника IV—III вв. до н. э.— Койкрылган-кала (март—май 1952 г.).— ВДИ, 1953, № 3.
21. Рапопорт Ю. А. К вопросу о хорезмийских статуарных оссуариях.— КСИЭ, вып. 30, М., 1958.
22. Соколовский Н. И. Крепость на Боспоре.— КСИА, 1975, № 143.
23. Альбаум Л. И. Некоторые культовые предметы из раскопок из Балалыктепе.— КСИЭ, вып. 30, 1958.

24. Матье М. Э. Древнеегипетские мифы. М.—Л., 1956.
25. Снесарев Г. П. Обряд жертвоприношения воде у узбеков Хорезма, генетически связанный с древним культом плодородия.— МХЭ, вып. 4, 1960.
26. Тревер К. В. Гопатшах — пастух-царь.— ТОВЭ, т. 2, Л., 1940.
27. Смирнова О. И. Место домусульманских культов в Средней Азии.— В сб.: Страны и народы Востока. М., 1971.
28. Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении.— ИАН КазССР. Сер. археол., вып. 1, 1948.
29. Снесарев Г. П. Под небом Хорезма. М., 1973.
30. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. Пер с англ. М., 1980.
31. Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
32. Мешкерис В. А. Женские чалмообразные головные уборы на кушанских статуэтках из Согда.— В сб.: Костюм народов Средней Азии (историко-этнографические очерки). М., 1979.
33. Лившиц В. А. Парфянские остраки из Коша-депе.— СА, 1980, № 4.
34. Массон В. М. Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба.— КСИИМК, вып. 64, 1956.
35. Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С. и Неразик Е. Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг.— МХЭ, вып. 6, М., 1963.
36. Воробьева М. Г. Опыт картографирования гончарных печей для историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана.— ТИЭ АН СССР. Новая сер., т. 48, М.—Л., 1961.
37. Городище Топрак-кала (раскопки 1965—1975 гг.).— ТХАЭЭ, т. 12, М., 1981.

Г. ХОЖАНИЯЗОВ

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГОРОДИЩА КУРГАШИН-КАЛА

Городище Кургашин-кала было открыто и обследовано Хорезмской археолого-этнографической экспедицией АН СССР в 1938 г., был снят схематический план крепости. По подъемному керамическому материалу памятник был датирован I в. н. э. [1, с. 111—112], несколько позже, в другой работе, на основании тех же материалов, С. П. Толстов отнес городище к «кангуйскому» периоду [2, с. 117].

В 1968 г. Б. И. Вайнберг произвела шурфовку на городище и подтвердила ранее установленную дату [3, с. 37]. Однако изучавшая сельские поселения округа Кургашин-калы Е. Е. Неразик не исключает наличие более ранних слоев на других участках крепости [3, с. 14, 37].

Городище Кургашин-кала находится в Турткульском районе Каракалпакской АССР. Развалины расположены примерно в 5—6 км к юго-западу от поселка Кокча на возвышенности, представляющей собой выход коренных третичных пород. Поверхность возвышенности покрыта щебнем. Памятник примыкает одной стороной к обрыву возвышенности. Подъем к ней, вероятно, был осуществлен при помощи глинобитного пандуса, который отмечен у южного угла, где частично сохранились его остатки.

Городище имеет форму прямоугольника размером 132,2×89,2 м, ориентированного углами по сторонам света (рис. 1). Двойные стены поставлены на материке и сохранились в отдельных местах на высоту 14—16 м. Толщина внешней стены у основания — 2,35 м, внутренней — 2,05—2,20 м. Ширина стрелкового коридора — 2,35 м. Внешняя стена наклонена к основанию на 85°.

В нижней части на высоту 1,52 м от материка стены возведены из пахсы, далее следует кладка из квадратного сырцового кирпича (40—41×40—41×10—11 см) на глиняном растворе. На кирпичах отмечены тамги в виде одной, двух параллельных или пересекающихся прямых или кривых линий, а то просто вмятина пальцев (рис. 2, 1—4).

В восточном углу крепости в кладке стен проложены бревна диаметром 10—20 см и длиной около 3 м (прием, настоятельно рекомендованный при возведении крепости Витрувием) [4, с. 45], обеспечивав-

шие прочность крепостных стен. Аналогично укреплен один из углов крепостных стен на городище Дэвкескен в северо-западном Хорезме, а также крепостные стены и на городище Старая Ниса в Южной Туркмении [5, с. 17].

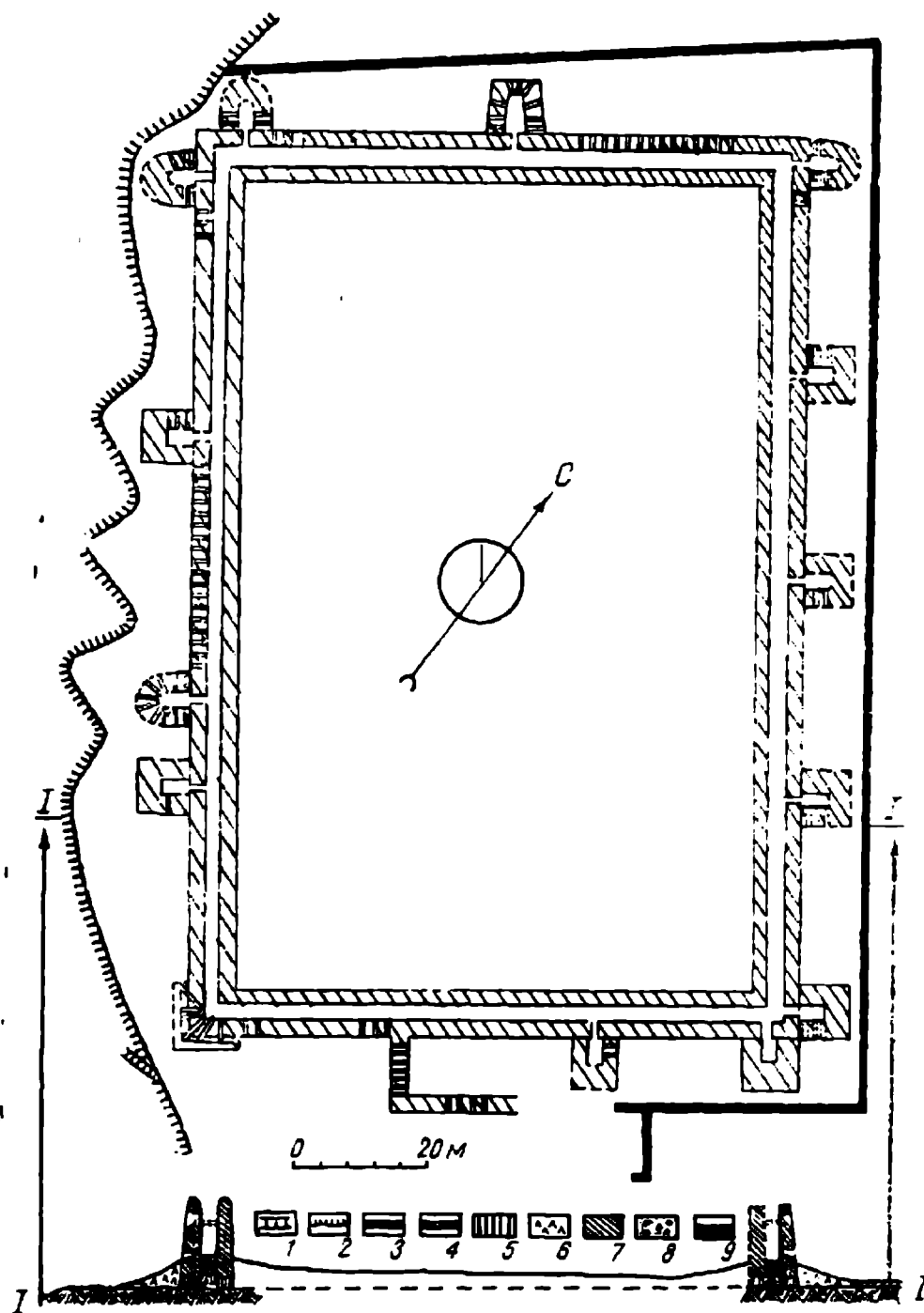

Рис. 1. Городище Кургаши-кала. План и разрез. Условные обозначения:

1 — павдус; 2 — обрывы возвышенности; 3 — протейкма; 4 — культурный слой; 5 — пахсовая стена; 6 — слой разрушения; 7 — кладка из сырца; 8 — забутовка; 9 — материк.

На высоте 4,50 м над материком наружная стена и башни прорезаны стрелковыми бойницами стреловидной формы, следующими через каждые 1,9 м. Высота их изнутри стрелкового коридора — 0,48—0,50 м, высота выходных отверстий — 1 м, ширина — 0,24 м. Стрелковый коридор первого этажа был перекрыт бревнами, гнезда от которых сохранились на высоте 6 м от поверхности материка. На высоте около

одного метра над уровнем перекрытий первого этажа наружная стена прорезана вторым рядом стрелковых бойниц стреловидной формы. Конструкция и расположение их те же, что и в нижнем этаже. Однако высота выходных отверстий их естественно больше, чем в нижнем ярусе и равна 2 м. Боковые стороны обоих ярусов бойниц обмазаны глиной, обмазка бойниц зафиксирована также на городищах Малый Кырккыз-кала и Аяз-кала 1.

На кирпичах, перекрывающих бойницы, обнаружены прочерченные по сырой глине знаки сердцевидной формы в виде латинской буквы S, зигзага, незамкнутого круга и трезубца (рис. 2, 6—10). Среди них есть и ранее не встречавшиеся в Хорезме тамги в виде двух кругов и концентрического круга, разделенные вертикальными линиями (рис. 2, 11, 12).

Стены крепости усилены тремя башнями на отрезках длинных сторон (не считая угловых), по одной — на коротких. Расстояние между башнями различно на каждой стене. На северо-восточной стене они отстоят друг от друга на 27—37 м, на юго-восточной стене на 6—31 м, ширина их 6,8—8,4 м, вынос 7,6—8 м.

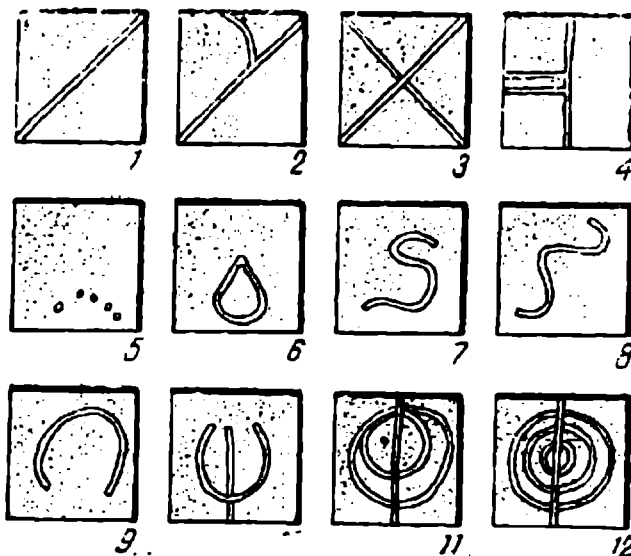

Рис. 2. Городище Кургашин-кала. Тамга на сырцовых кирпичах.

Башни вдоль стен отличаются по форме. Так, на юго-западной стене средние и западные угловые башни имеют полуовальную форму на северо-восточной стене, за исключением северной угловой, все башни имеют прямоугольную форму¹.

Башни связаны с коридором проходом шириной 1,1—1,4 м. По характеру завалов можно предположить, что проходы в башне были перекрыты сводами из кирпича трапециевидной формы размером 40×26×20×10 см.

Башни, как и стены, двухэтажные. Однако верхний этаж относительно хорошо сохранился только на северо-западной стене башни. В плане башня имеет трапециевидную форму размером 6×3×2 м и, как и все остальные башни, конструктивно не связана со стеной. Этот прием, вероятно, обеспечивал изолированную самостоятельную осадку стен и башен, способствуя тем самым сохранности тех и других.

Башни соединены с верхним этажом стрелковой галереи дверным проемом, расположенным в центре юго-восточной стены камеры. Камера башни в плане трапециевидная, длина северо-восточной и юго-западной стены 6 м, длина северо-западной и юго-восточной — соответственно 2 и 3 м. В каждой стене башни расположены по три стрелковые бойницы стреловидной формы.

На высоте около 3 м над уровнем верха бойниц все три стены башни прорезаны квадратными отверстиями размером 40×40 см, перекрыты они жердями, на которых положена кладка стены. Выше них на северо-восточной и юго-западной стене имеются гнезда от балочных

¹ Форма башен определялась только на основании внешнего осмотра.

перекрытий камер. На наш взгляд, это световые проемы, служившие для освещения крытой камеры башни.

Проемы для окон были отмечены также в центральном здании Койкрылган-калы [6, с. 278] и на позднеантичном памятнике Гяур-кала Султануиздагская [7, с. 351].

Для защиты углов были использованы различные комбинации башен: например, западный угол был защищен двумя полуовальными башнями, отодвинутыми на 3 м от угла. Северный угол был защищен одной башней, ось которой является продолжением одной из сходящихся здесь стен. На восточном углу расположены две башни, поставленные вплотную и образующие в плане «ласточкин хвост». Южный угол вовсе лишен башен, здесь только несколько скошенных бойниц. Пандус для подъема на возвышенность находится под обстрелом этих скошенных бойниц.

Въезд находится на середине юго-восточной стены и защищен предвратным сооружением прямоугольной формы размером 10,9 × 19,8 м. Стены лабиринта прорезаны бойницами. Судить о внутренних деталях крепостных ворот невозможно, так как почти все внутреннее пространство было застроено. Может быть в последний период оно было использовано под жилье. Въезд в лабиринт усилен одной пристенной башней, находящейся в 7 м от него. Характерно, что здесь было соблюдено одно из древних правил фортификации: противник при переходе к воротам был обращен правой, незащищенной щитом стороной к защитникам крепости.

Крепость со всех сторон (кроме юго-западной), начиная от западного угла до предвратного сооружения, опоясывается протейхизмой, построенной из квадратного сырца. Она поставлена на материк и сохранилась местами на высоту 0,4 м при ширине по основанию 0,65 м. Протейхизма отстоит от крепостных стен на 9,6 м.

На северо-западной стороне крепости намечен ров в трех метрах от протейхизмы, шириной около 5 м, глубиной в настоящее время около 1,5 м.

Внутри Кургашин-калы немногочисленная керамика античного периода сосредоточена близко к южному углу, а обширная гладкая прямоугольная площадь его лишена каких-либо археологических остатков.

Для реконструкции крепостных башен Кургашин-калы можно привлечь и памятники изобразительного искусства, в частности оссуарий, обнаруженный в 1963—1964 гг. в одной из усадеб Джанбас-калы [8, рис. 14], изображающий, вероятно, башню с двухъярусными стрелковыми бойницами стреловидной формы с отверстиями вверху. Стенки оссуария заканчиваются прямоугольными зубцами. Все элементы (за исключением зубцов) почти совпадают с деталями крепостных башен Кургашин-калы. Возможно, что крепостные стены и башни Кургашин-калы были увенчаны зубцами того же типа.

Для выяснения времени возведения крепости заложен шурф, произведены поверхностные зачистки в местах обнаружения культурного слоя. Шурф был заложен в стрелковом коридоре юго-западной стены близко к южному углу. Выяснено, что пространство между цоколями было заполнено забутовкой мощностью 1,52 м, состоящей из щебня и строительного мусора с включением небольшого количества фрагментов керамики (рис. 3, 1, 8, 9). Над забутовкой залегал пол коридора, состоящий из уплотненной зеленовато-серой глинистой массы (толщина его не превышала 15—20 см). Над ним залегал песок с кусками глины толщиной 20 см, выше шел глинистый слой толщиной 0,5 м, который был перекрыт намывным слоем толщиной 5 см. В культурных слоях восточной угловой башни обнаружены редкие фрагменты керамических изделий (рис. 3, 4, 6).

В результате проведенных работ на городище получен датирующий комплекс керамики.

Хумы представлены венчиками, имеющими короткую шейку с ярко выраженными двумя валиками на плечиках (рис. 3, 1). Толщина стен 2,3 см. Глиняное тесто, из которого сделан хум, тщательно промешано. Видимые примеси отсутствуют. Поверхность покрыта красным ангобом. Имеются характерные обломки стенок хумов и хумчей, украшенных прочерченными треугольниками, через один закрашенными красным ангобом или же росписью в виде запятых (рис. 3, 4, 6, 8, 9).

Полные аналогии описанной керамики найдены в материалах из нижнего горизонта Койкрылган-калы, она может быть датирована

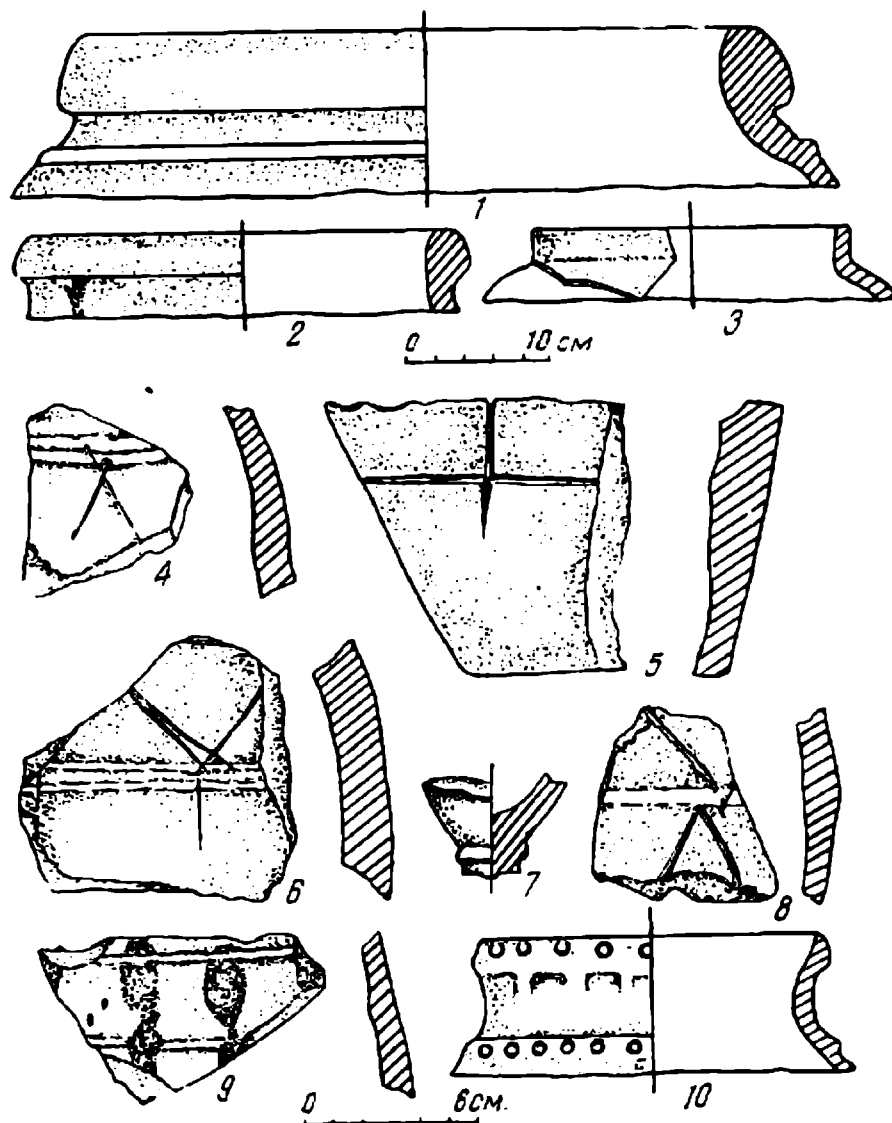

Рис. 3. Городище Кургашии-кала. Керамика:

1, 8, 9 — из шурфа; 6 — из камеры восточной угловой башни; 2, 3, 4, 5, 7, 10 — подсыльная керамика.

IV—III вв. до н. э. [6, табл. I, 10—13, 18, 23; табл. II, 17, 22, 29]. Еще в 30-е годы нашего века на Кургашии-кале был найден фрагмент стенки сосуда с изображением тигра, относящийся, вероятно, к этой же эпохе [1, табл. 82, 5].

Таким образом, новые данные, полученные при обследовании городища Кургашии-кала, позволяют отнести его возникновение к IV—II вв. до н. э., что согласуется с ранее высказанным мнением Е. Е. Неразика [3, с. 14, 37].

Среди находок на поверхности городища есть керамика, относящаяся к позднеантичному периоду.

Хумча представлена округлым валикообразным венчиком, с короткой шейкой, круто переходящей в округлое тулово (рис. 3, 2). Она сделана из тонкой, хорошо отмученной глины. Поверхность покрыта жидким коричневатым ангобом.

Горшки представлены венчиками и различаются только формой: в сечении прямоугольные с горизонтальным плоским бережком и подтреугольные (рис. 3, 3, 10). Венчик и тулово второго горшка снаружи украшены пунсонным орнаментом. Поверхность покрыта красным ангобом.

Аналогии описанной керамики обнаружены в материалах Куня-Уаза и Ток-калы и могут быть датированы I—II вв. н. э. [9, рис. 32, 30; 10, рис. 5, 35, 37]. Эти данные показывают, что возникшее в IV—III вв. до н. э. городище Кургашино-кала и в позднеантичное время было интенсивно обжито, что подтверждает археологический материал из шурфа Б. И. Вайнберг [3, с. 37].

Дальнейшими исследованиями необходимо показать, что относится к раннеантичному периоду, а что к позднеантичному.

Городище расположено на хвостовой части канала Большой Кырккыз. К западу от него вдоль канала на протяжении примерно одного километра находится компактное сельское поселение с четкой планировкой, в пределах которой видны развалины отдельных домов. Такое же поселение имеется и в 400—500 км к юго-востоку от крепости. Е. Е. Неразик полагает, что городище и поселения синхронны [3, с. 35—37].

Вероятно, в III в. н. э. крепость и сельские поселения Кургашино-калы прекратили свое существование в результате нехватки воды в канале Большой Кырккыз [11, с. 109].

Общая характеристика фортификационных сооружений Кургашино-калы. Строительный материал оборонительных сооружений Кургашино-калы типичен для древнего Хорезма. Тип архитектурно-топографического решения подавляющего большинства памятников древнего Хорезма (Хазарасп [12, с. 195], Топрак-кала Хивинская [13, с. 52], Акча-Гелин [14, с. 26], Джанбас-кала [1, с. 88], Большой Гульдурсун [11, с. 99] и др.) — прямоугольник. В других историко-культурных областях Средней Азии также известны укрепления прямоугольной формы, в частности Карабаг-тепе в Халчаяне [15, с. 43], Кум-тепе и Кухне-кале в Вахшской долине [16, рис. 29, с. 73—74], Старый Кишман в Маргиане [17, табл. 11], Дэв-кала, Дурнали и Гебекли в Парфии [18, с. 61, 62, 64]. Прямоугольная планировка характерна для эпохи бронзы, как видно по укрепленным поселениям Дашлы I в древней Бактрии [19, с. 30] и Келлели в Маргиане [20, с. 4].

В древнехорезмийской крепостной архитектуре для перекрытия междустенных коридоров использовались деревянные балки. Они зафиксированы на Джанбас-кале [1, рис. 28], Койкрылган-кале [6, с. 276], Эрес-кале и в позднеантичном памятнике Гяур-кала Султану-издагская [7, с. 350].

Размеры входных и выходных отверстий у бойниц различны на раннеантичных памятниках Хорезма, в частности на Джанбас-кале — 0,75 и 2 м [1, с. 90], Койкрылган-кале 0,47—0,49 и 1,72 м [6, с. 279], Аяз-кале 10,48 и 2,9—3,5 м [21, с. 36] и Бурлы-кале 0,48 и 1,23 м [21, с. 40].

Предвратные сооружения прямоугольной формы присущи многим укреплениям древнего Хорезма: Калалыгыра I [1, с. 80], Калалыгыра 2 [1, рис. 52], Акча-Гелине [14, с. 37], Топрак-кале Хивинской [13, с. 52], Большой Айбугир-кале [22, с. 81], Джанбас-кале [1, с. 92] и Аяз-кале I [21, с. 33].

В античное время в крепостных стенах использовались прямоугольные и полуовальные башни. Однако единого стандарта форм ба-

шен не существовало не только в разных районах Хорезма, но даже и на отдельных памятниках. Можно лишь отметить, что полуовальные башни были распространены в Хорезме в раннеантичный период, а в позднеантичный известны, главным образом, четырехугольные.

Оба типа башен использованы на памятнике Кургашин-кале. Однако это не исключение в фортификационной системе древнего Хорезма. Например, на городище Аяз-кала I вход в предвратный лабиринт был защищен двумя прямоугольными башнями, остальные пристенные башни имели полуовальную форму [21, рис. 1]. В позднеантичном памятнике Дэвкескен главный фас, обращенный в сторону возможной лобовой атаки, фланкирует округлые башни, боковые стены укреплены прямоугольными башнями [23, с. 6].

Аналогичное расположение известно и в соседних областях Средней Азии, в частности в Бактрии: Дильберджин [24, с. 121, рис. 1] и Ямчун [25, с. 111] и в римских укреплениях II в. н. э. [26, с. 401—402].

В древнехорезмийской архитектуре башни в виде «ласточкина хвоста» — широко распространенное явление. В качестве аналогии можно указать на городища Калалыгыр 2 [1, рис. 52], Аяз-кала I [21, рис. 1], Базар-кала [1, рис. 48], Ток-кала [10, рис. 2] и на позднеантичный памятник Гяур-кала Султануиздагская [6, рис. 1]. В других районах Средней Азии подобная конструкция башен в крепостных стенах встречается редко. Они зафиксированы в Бактрии на городищах Кухна-кала и Каахка [25, с. 112], в Парфии на городище Старая Ниса [5, рис. 1].

В древнем Хорезме протейхизмы окружали многие укрепления, в частности, Хазарасп [12, с. 190], Топрак-калу Хивинскую [13, с. 53], Большую Айбугир-калу [22, с. 82], Койкрылган-калу [5, с. 72] и Бурлыкалу [21, с. 41]. Аналогичные стенки отмечены на территории Бактрии [15, с. 45; 27, с. 81] и в Парфии [28, с. 115].

Сопоставление фортификационных приемов, примененных при строительстве Кургашин-калы и других памятников Хорезма, свидетельствует об их близости (особенно между Кургашин-калой и Аяз-калой № 1), почти одинаковы их отдельные габариты. Однако фортификация анализируемой крепости имеет и свои особенности, в частности система обороны углов. В археологической литературе пока нет сведений о каком-либо другом городище, в котором совмещались бы такие разные фортификационные приемы, как в Кургашин-кале.

Исследованная крепость свидетельствует о развитии фортификации в Хорезме в IV—III вв. до н. э. и о поисках более совершенных фортификационных приемов.

Возведение оборонительных систем Кургашин-калы связано с политической историей Хорезма. В конце V — начале IV вв. до н. э. Хорезм стал крупным самостоятельным государством, освободившимся из-под власти ахеменидов, о чем свидетельствует укрепление государственных границ на юге [12, с. 198] и на северо-западе [22, с. 87]. Расположенная в важном в стратегическом отношении месте Кургашин-кала прикрывала с северо-востока внутренние районы древнехорезмийского государства от нашествий степных племен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
2. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
3. Неразник Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М., 1976.
4. Десять книг об архитектуре Витрувия с комментарием Даниеле Барбаро. М., 1938.
5. Пугаченкова Г. А. К характеристике крепостной архитектуры Старой Нисы. — ИАН ТуркмССР, 1952, № 1.
6. Койкрылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. — ТХАЭЭ, т. 5, М., 1967.

7. Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А. Раскопки Гяур-калы.— ТХАЭЭ, т. 2, М., 1958.
8. Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.
9. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода.— ТХАЭЭ, т. 4, М., 1959.
10. Гудкова А. В. Ток-кала. Ташкент, 1964.
11. Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.
12. Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразник Е. Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг. — МХЭ, вып. 6, М., 1963.
13. Мамбетуллаев М., Манылов Ю. П. Городище Топрак-кала — крепостное сооружение.— ОНУ, 1977, № 3.
14. Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1955 гг.— ТХАЭЭ, т. 2, М., 1958.
15. Тургунов Б. А. Приемы фортификации античного Чагаяна.— СА, 1968, № 1.
16. Литвинский Б. А. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе).— КСИИМК, вып. 64, 1956.
17. Дурдыев Д. Городище Старого Кишмана.— ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. 5, 1959.
18. Кошеленко Г. А. Парфянская фортификация.— СА, 1963, № 2.
19. Сараниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
20. Масимов И. С. Келлели — новый оазис бронзы в низовье Мургаба.— В сб.: Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад, 1980.
21. Манылов Ю. П., Хожаниязов Г. Городище Аяз-кала I и Бурлы-кала. (К изучению фортификации древнего Хорезма).— В сб.: Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент, 1981.
22. Мамбетуллаев М. Городище Большая Айбугир-кала (раскопки 1976 г.).— ВКФ, 1978, № 4.
23. Бижанов Е. Археологические памятники юго-восточного Устюрта.— АКД. Нукус, 1967.
24. Древняя Бактрия. Вып. 2. М., 1979.
25. Бабаяев А. Д. Крепости древнего Вахана. Душанбе, 1973.
26. Всеобщая история архитектуры. Т. 2. Кн. 1. М., 1949.
27. Литвинский Б. А. Предварительный отчет о работах Хутальского отряда в 1954 г.— Труды АН ТаджССР, т. 37, 1956.
28. Кошеленко Г. А. Культура Парфии. М., 1966.

Ю. П. МАНЫЛОВ

ГОРОДИЩЕ АЯЗ-КАЛА II — УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ХОРЕЗМА

Городище впервые описал и снял его схематический план А. И. Тереножкин. Памятник был датирован V—VIII вв. [1, с. 175; 2, с. 613].

В 1939 г. работы на памятнике были продолжены. Архитектор В. И. Пилявский выполнил архитектурные обмеры, перспективные зарисовки и снял план всего комплекса Аяз [2, с. 619]. Первоначальную датировку памятника, предложенную А. И. Тереножкиным, изменил С. П. Толстов. По его мнению, Аяз-кала II — памятник двух эпох — кушанской и афригидской [3, с. 167—168, рис. 8]. Он считал, что «овальный замок, составляющий ядро крепости, построен, видимо, во время, близкое к постройке Аяз-калы I... Однако в афригидское время к основному зданию была присоединена прямоугольная пристройка и само здание, во всяком случае его верхняя часть, была коренным образом перестроена» [4, с. 103, рис. 42].

Я. Г. Гулямов предположил, что крепость Аяз-кала II — «поселение гарнизона, составлявшего основное ядро защитников крепости Аяз-кала I» [10, с. 102]. А. А. Формозов датирует Аяз-калу II I—IV вв. [8, с. 97].

В 1971 г. на памятнике были проведены новые работы [6, с. 521—522; 7, с. 10—11], результаты приведены в данной статье.

Городище Аяз-кала II венчает вершину естественного холма конической формы высотой около 30 м над уровнем прилегающих такыров. Памятник сложной в плане конфигурации, состоит из двух частей. Основная его часть имеет 36 и 65 м в поперечниках. Северо-восточная половина приближается по форме к полуовалу. Остальная часть северной стены прямая. Западный и южный углы скруглены.

С южной стороны к основной постройке примыкает входной комплекс прямоугольных очертаний. Он выступает на юг на 20 м, длина его составляет около 31 м (рис. 1).

Стены овальной постройки сохранились в высоту до 7,8 м. Нижняя часть стен возведена из пахсы. Ее высота 3,35—3,85 м. Ширина основания — 4,4—4,8 м. Наклон нижней части стен к основанию 85°. Верх стен построен из сырцового квадратного кирпича, характерного для афригидского Хорезма стандарта 37—38×37—38×8—9 см.

Верхняя часть стен по периметру, за исключением небольшого отрезка на северной стене, украшена сомкнутыми полуколоннами. Они выступают в настоящее время из плоскости стены на 0,40—0,45 м.

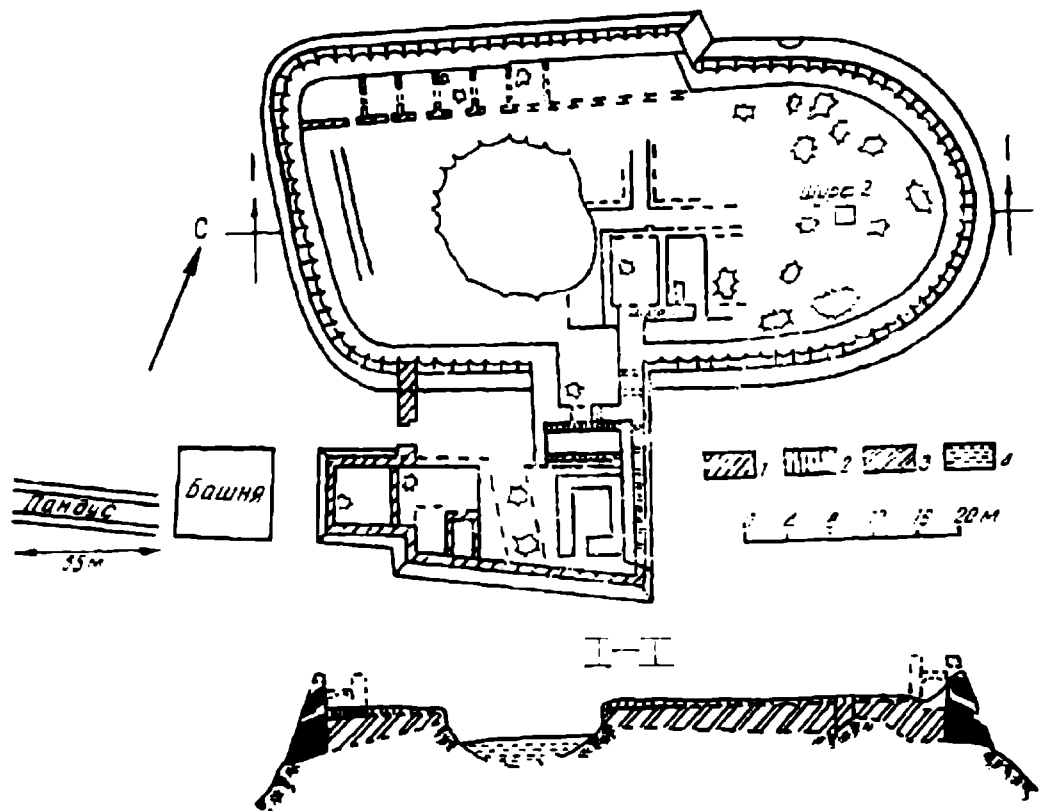

Рис. 1. Городище Аяз-кала II. План и разрез:

1 — стены XII — начала XIII вв.; 2 — культурный слой рубежа VI—VIII вв.; 3 — кирпичный доколь для выравнивания склонов холма; 4 — натечи.

Длина полуколонн по фасаду 1,55—1,60 м. Они сохранились в высоту 2,4—3,7 м.

Аналогичные полуколонны известны на донжонах Тешик-калы, Якке-Парсана и Уй-калы в Хорезме [4, с. 125, 139, табл. 38; 11, с. 5; 14, с. 59], Большой Кыз-калы (VI—VII вв.) и Большой Нагим-калы (VI—VII вв.) в южном Туркменистане [12, с. 133, 137], Варахши в западной части Бухарского оазиса [13, с. 36—49].

Поверхность каждой полуколонны декорирована тремя ложными бойницами, расположенными так же, как и на донжонах Якке-Парсана и Тешик-калы [4, с. 139—140, табл. 40, рис. 82; 14, с. 61; 15, с. 191]. Такой формы бойницы представлены на реконструкции городища Тешик-калы, предложенной С. П. Толстовым [4, с. 139, табл. 40; 5, с. 196]. Верхняя часть стен не сохранилась.

В основании полуколонн по периметру стен имеются сквозные бойницы прямоугольных в разрезе очертаний, расположенные через каждые две полуколонны, шириной 0,18 м. Высота изнутри стрелкового коридора достигает около 0,85 м. Угол наклона дна бойницы составляет 35°. Дно бойницы поднято над полом стрелкового коридора

на 0,78—0,80 м. Половина бойницы, выходящая в стрелковый коридор, имеет плоское перекрытие из обыкновенных сырцовых кирпичей, положенных с напуском друг над другом. Перекрытие остальной части сделано под таким же углом, как и дно бойницы. Аналогичные бойницы известны в замке № 36 Беркуткалинского оазиса [4, с. 147, рис. 85].

В верхней части стен прослежены стрелковые бойницы второго яруса, сохранившиеся частично. Между верхом бойниц первого и дном бойниц второго ярусов расстояние 1,7—2,0 м.

При изучении стен основной части замка Аяз-калы II выявлено, что они представляют единое целое без следов перестроек и ремонта. Их конструкция не отличается от стен многих замков и усадеб Беркуткалинского оазиса [4, с. 139; 14, с. 61]. Это позволяет предположить, что в верхней части сомкнутые полуколонны заканчивались ступенчатыми перспективными арочками, наподобие стен донжона Тешик-калы [5, с. 196, 203]. Проведенные исследования на Аяз-кале II не позволяют согласиться с высказанным ранее мнением о коренной перестройке верха стен основной части замка [4, с. 103].

Вдоль внешней стены проходит обходной стрелковый коридор шириной 2,2—2,4 м. Ширина внутренней стены стрелкового коридора 1,2—1,3 м. Она сохранилась в отдельных местах на высоту не более 1,0 м. В западной и южной частях памятника вскрыто около 12 м стрелкового коридора. Поверхность пола стрелкового коридора в западной части ниже полов в жилых помещениях на 0,24 м. В отдельных местах коридора зафиксированы очажные пятна, где поверхность пола прокалена докрасна. Стрелковый коридор, вероятно, имел сводчатое перекрытие, поверх которого проходила открытая стрелковая галерея. В пространстве внутри стен имеются глубокие промонны.

В западной части городища в самой высокой точке холма, на котором оно находится, есть углубление округлой в плане формы, диаметром около 15 м и глубиной 3,3 м. Края этого углубления под слоем сплошной кирпичной кладки сложены желтыми песчаниками с железистыми концентрациями. Именно эта кладка навела на мысль о наличии сплошной кирпичной кладки поверх склона холма для выравнивания его поверхности. Кладка из сырцового кирпича размером 38—40×38—40×8—10 см без тамг прослежена до материка. Кирпичи в кладке пересыпаны песком. Глубина шурфа 1 равна 2,7 м, глубина шурфа 2 — 1,4—2,6 м.

Толщина закладки, при помощи которой выравнивали склоны возвышенности, увеличивается от вершины холма к стенам замка. Выравнивание склонов холма кирпичом придавало необходимую твердость и прочность цоколю, что было необходимо при возведении на нем сплошной застройки и увеличении жилой площади. Аналогичный прием выравнивания склона отмечен на Чильпыке, где он применен в первые века н. э. [16, с. 50].

Для выяснения характера планировки внутри замка был заложен раскоп западнее углубления площадью 36 м². Непосредственно от углубления в западной части городища проходит коридор в направлении с запада на восток шириной 2,1 м, вскрытый нами в длину на 8 м. С севера под прямым углом к нему примыкает другой коридор шириной 1,3 м, который прослеживается на 10 м. Южнее коридора, идущего с запада на восток, имеются 2 или 3 помещения. Одно из них размером 6,6×2,8 м связано проходом шириной 1,03 м со стрелковым коридором. Стены имеют ширину около 0,7 м. Они сохранились в высоту до 0,7 м. Перекрытия всех помещений, вероятно, были сводчатые [10, с. 102].

Культурный слой на полах состоит из мягкой золистой массы. Его перекрывает слой навоза толщиной до 10—15 см. Верхняя часть слоя состоит из комковатой глинистой массы, образовавшейся от разрушения стен.

Коридор, идущий с востока на запад, и жилые помещения обрываются непосредственно в яму в центре замка, что позволяет судить о более позднем происхождении этого углубления.

В 6,4 м восточнее изгиба на северной стене имеется арочный проем в стене шириной 2,0 м, выведенный с поверхности холма. Коробовый свод прослеживается в длину на 3—3,5 м. Он выведен из трапециевидного кирпича размером 36—38 см (высота) × 24 см (нижнее основание) × ? см (верхнее основание).

Как отмечалось, к южной части овальной постройки примыкает входной комплекс прямоугольных очертаний. Южная стена овальной

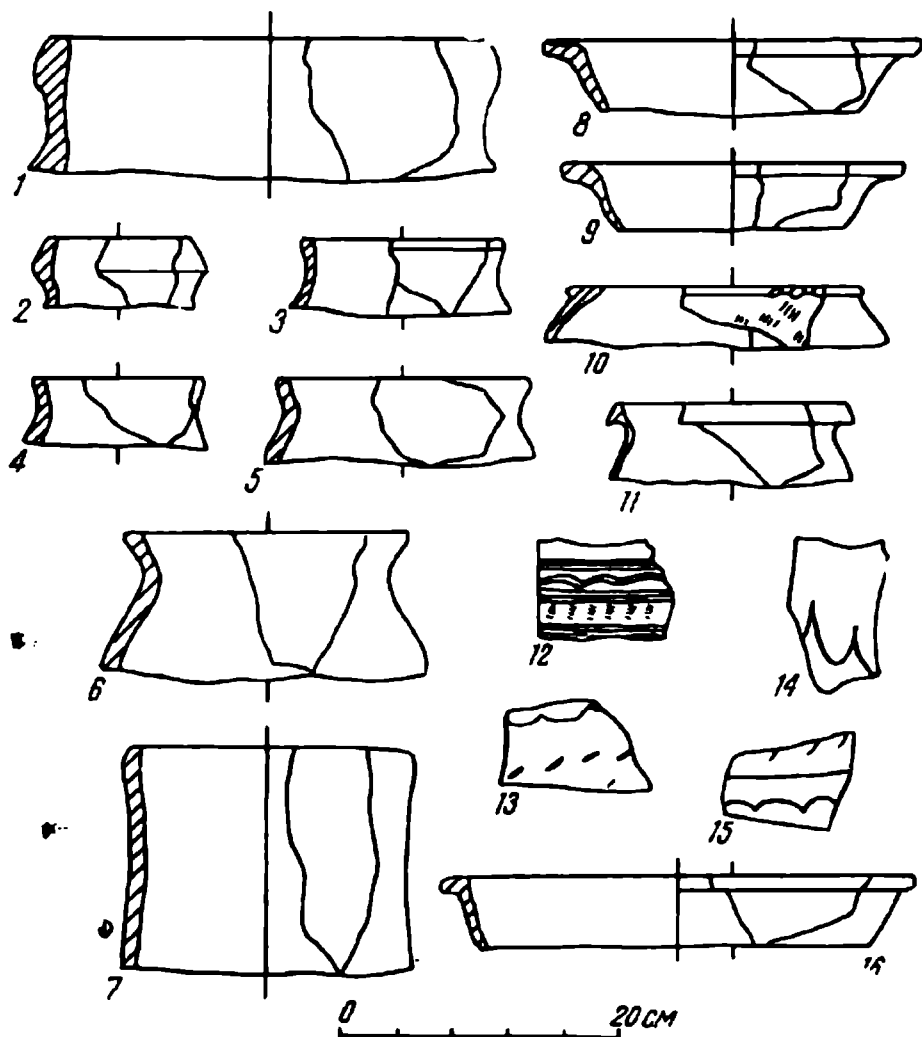

Рис. 2. Городище Аяз-кала II. Керамика.

постройки имеет разрыв шириной 5,95 м. В этом месте к нему примыкает пристройка П-образной в плане формы, выступающая от внутренней стены стрелкового коридора на 11,5 м. Западная и восточная стены этой пристройки имеют толщину 2,4 м. Толщина южной стены равна 1,6 м. В восточной стене обнаружены две плоско перекрытые бойницы шириной 16—18 см. Одна бойница, заложенная камнями, сохранилась в южной стене.

Непосредственно к южной стене П-образной пристройки примыкает сводчатое помещение шириной 2,4 м и длиной 7,2 м. Помещение построено из трапециевидного кирпича размером 48 см (высота) × 28 см (верхнее основание) × 26 см (нижнее основание). С юга его ограничивает стена толщиной в 1,5 кирпича. К этой стене примыкает прямоугольное помещение размерами 3,6 × 4,6 м с входом

шириной 1,2 м в южном углу. Стены помещения изнутри прокалены докрасна. Видимо, помещение на всю высоту в более позднее время засыпано песком и крупными камнями. Оно вскрыто нами вдоль стен на глубину до 0,5 м.

Восточная стена, ограничивающая эти помещения, выведена из кирпича, характерного для афригидского Хорезма. Ее размеры 37—39×37—39×8—9 см. В стене имеются 9 плоско перекрытых бойниц, расположенных на расстоянии 0,88—1,8 м и предназначенных для обстрела ближних подступов к стенам городища. Ширина выходных отверстий 11—19 см. Высота входных отверстий 0,97—1,1 м. Бойницы внутри обмазаны глиной. Угол падения дна бойницы 30°. Часть бойниц имеет одинаковую высоту входных и выходных отверстий.

Такие бойницы известны, в частности, на городище VII—VIII вв. Адамли-кала. Они чередуются с бойницами, имеющими наклонное дно. Аналогичные бойницы отмечены на многих замках Беркуткалинского оазиса [4, с. 138; 14, с. 61].

Два вида бойниц, вероятно, чередовались для уменьшения мертвого пространства перед восточной стеной. Вдоль восточной стены для стрельбы из бойниц сооружен открытый валганг шириной 1,25 м. Дно большей части бойниц открывается непосредственно с этого валганга. Три бойницы над сводчатым помещением рассчитаны для обстрела дальних подступов к стенам и их входные отверстия подняты над валгангом.

Южная стена входного комплекса длиной 22,8 м расположена к восточной стене под углом 83°.

Западная часть выглядит как вынесенная на 8 м башня, шириной 7 м. Северная сторона этой башни прослежена на 15,4 м. Она выходит на одну прямую со стеной в 1,5 кирпича, расположенной южнее сводчатого помещения.

В 15,4 м от западного угла прямоугольной башни имеются остатки сводчатого коридора шириной около 3 м, который вел к прямоугольному помещению в восточном углу комплекса. На месте этого коридора обнаружены 2 большие промонны. Для выяснения всей оригинальности и сложности входного комплекса необходимо провести раскопки в больших масштабах. Наши раскопки позволили отметить лишь его основные узлы.

На западном склоне холма сохранились остатки пандуса. Он прослеживается в настоящее время на 50—55 м. Ширина его проезжей части равна около 2 м. Общая ширина — 3,1 м. Угол наклона 15—20°. Пандус восточным концом примыкает к прямоугольной башне размером 9×8 м, сложенной из кирпича (37—38×37—38×8—9 см). Башня отстоит от западной стены входного комплекса на 5—6 м. Она служила для укрепления подступов к входу в замок. Выносная башня на склоне связывалась с входным комплексом при помощи перекидного мостика. Подтверждение этому — наличие наносного культурного слоя афригидского времени у южного угла выносной башни. Аналогичные выбросы культурного слоя имеются за пределами южной и восточной стен входного комплекса. Впервые на наличие выносной башни в конце пандуса, связанной перекидным мостиком с входным комплексом, обратил внимание А. И. Тереножкин [1, с. 181—182].

Отдельно стоящие башни, связанные с донжонами перекидными мостиками, широко использовались в фортификации Хорезма VII—VIII вв. Они отмечены исследователями, в частности, на городищах Тешик-кала и Якке-Парсан [5, с. 198; 14, с. 61; 9, с. 172].

Возведение замка на высоком естественном холме затрудняло взятие его штурмом. Использование стенобитных орудий и приставных лестниц практически исключалось, так как все пространство вокруг замка хорошо простреливалось с двух ярусов стрелковых бойниц.

Наиболее уязвимым местом в обороне принято считать вход. В данной крепости входной комплекс настолько сильно укреплен, что прорыв врага, вероятно, полностью исключался. Наступающих, поднимавшихся по пандусу, обстреливали с выносной башни, связанной с входным комплексом перекидным мостиком. Если враг преодолел этот рубеж, он попадал в пространство между овальной постройкой и северной стеной входного комплекса, также хорошо простреливаемой из всех выходящих с юга бойниц. Преодоление остальной части входного комплекса, видимо, также было связано со значительными трудностями. Идущим на штурм приходилось несколько раз менять направление движения, что, естественно, помогало обороняющимся держать противника под прицельным огнем.

Незначительные по объему раскопки не позволили выяснить назначение отдельных помещений входного комплекса и его связь с основной частью сооружения. В процессе работ было убедительно доказано одновременное сооружение основной постройки и входного комплекса.

При археологических раскопках получен незначительный датирующий материал, который, однако, позволяет отнести памятник к определенной исторической эпохе.

В культурном слое раскопа в центральной части замка обнаружена монета хорезмшаха Чегана—Азгацвара, время правления которого определяется началом VIII в. (до 713 г.) [17, с. 62, 64, 91, табл. XXVII].

При раскопках в стрелковом коридоре и жилой части получен керамический материал. Горловина хума с массивным округлым валиком (рис. 2, 1) аналогична керамике правобережного Хорезма VII—VIII вв. [14, табл. 12, 15—16; табл. 62, 6—7]. Однако хум не имеет характерных украшений в виде пальцевых вдавлений. Его диаметр равен 0,62 м, высота горловины — 0,15 м, толщина стенок — 0,05—0,06 м.

Кувшины (рис. 2, 2) известны по фрагментам треугольных в сечении венчиков. Изнутри на уровне низа венчика имеется небольшая вогнутость. Снаружи поверхность красноватого цвета, изнутри — бурого. Диаметр горловины 0,10 м. Подобной формы венчики широко представлены в материалах керамических коллекций с памятников Беркуткалинского оазиса [14, рис. 19, 61, 64].

Лепные кухонные горшки (рис. 2, 3—6) представлены стенками сосудов и сравнительно невысокими, плавно переходящими в тулово венчиками. В качестве примеси в глиняное тесто добавлена дресва. Диаметр сосудов 0,12—0,18 м. Аналогичные сосуды отмечены в тех же комплексах керамики VII—VIII вв. [14, рис. 20, 10—30; рис. 21, 15—17; рис. 61, 14—18; рис. 64, 2—25; 18, с. 249, рис. 9, 1—3].

Сосуд баночной формы (рис. 2, 7) представлен венчиком с округлой закраиной. В керамическое тесто добавлено значительное количество дресвы. Черепок в изломе имеет красноватый цвет снаружи и бурый изнутри. Сосуд покрыт светлым аягобом. Толщина стенок 0,7—1,0 см, диаметр горловины 0,2 м. Аналогичный сосуд в керамике Хорезма VII—VIII вв. известен с городища Чильпык.

Терракота найдена в шурфе I, заложенном на месте глубокой промоины. На ней изображено мужское обнаженное божество. Его руки опущены.левой рукой к бедру прижата гроздь винограда, правой — птица [18, табл. 6].

Аналогичная статуэтка из окрестностей Джанбас-калы датируется кушанским временем [9, с. 24; 24, с. 235—236, 241; 25, с. 126]. Условия залегания находки позволяют утверждать ее случайное происхождение на памятнике.

Таким образом, керамика с городища Аяз-кала II дает устойчивую дату, не выходящую за пределы VII—VIII вв., и находит себе полные аналогии в материалах Хорезма этого времени. На основании

рассмотренного датирующего материала возведение замка Аяз-кала II следует отнести к VII—VIII вв., а наиболее вероятно, к рубежу VII—VIII вв.

Высказанное на основании материалов предварительного обследования в довоенные годы мнение о возведении Аяз-калы II в первые века н. э. [4, с. 103; 5, с. 159; 10, с. 102] нашими исследованиями не подтвердилось.

Таким образом, описанное сооружение — постройка замкового типа, возведенная в традициях хорезмийской военной архитектуры VII—VIII вв. Однако в особых условиях (строительство на вершине холма), что уникально для Хорезма VII—VIII вв., обычные для этого периода фортификационные приемы были переработаны с учетом конкретных топографических условий. Аяз-кала II относится к наиболее эффективным памятникам военного зодчества VII—VIII вв. и, как справедливо считает Е. Е. Неразик, «в связи с сугубо оборонительными функциями здания» отличается по планировке от крепостей и замков Беркуткалинского оазиса [9, с. 60].

У подножья холма расположена большая усадьба VII—VIII вв., входящая, по мнению Е. Е. Неразик, в единовременный комплекс, в котором «главным оборонительным звеном служил замок Аяз-калы II» [9, с. 60].

Мы уже говорили о частичном обживании городищ Аяз-Кала I и II [9, с. 68], которое произошло в эпоху великих хорезмшахов. На Аяз-кале II вдоль северной стены овального замка были построены небольшие помещения. 6 из них сохранились до настоящего времени. Южная стена толщиной 0,58—0,62 м, вероятно, доходила до выступа на северной стене. Толщина стен между помещениями 0,22—0,40 м. Они построены из сырцового кирпича размером 22—26×22—26×4—6 см и сохранились неодинаково.

Полностью раскопаны помещения 4 и 5, считая от западного угла, размерами соответственно 3,7×4,1 м и 3×4,1 м. Полы в помещениях испорчены глубокими промоинами. В центральной части помещения 5 имеется очаг прямоугольных очертаний размером 40×25 см. Очажная яма до верха была заполнена золой, стенки прокалены до красна. Других перепланировок и перестроек основная часть замка не претерпела.

Во входном комплексе верхняя часть южной стены и западной башни были надстроены из сырцового кирпича размерами 26×26×4—5 см на высоту до 3,3 м. Вся планировка в юго-восточном углу засыпана материковым желтым песком, взятым, вероятно, из ямы в центре овального замка, служившей своеобразным карьером для добычи камня и песка.

В западной части входного комплекса построено несколько помещений. Их стены возведены из сырцового кирпича указанных размеров. Встречается и жженный кирпич размерами 25×25×4 см. Такой стандарт кирпича находит аналогии на Кават-кале и других памятниках хорезмшахского времени [20, с. 151; 26, с. 275].

Между западной башней входного комплекса и основным замком построена поперечная стена длиной около 9 м и шириной 1,6 м. В стене имеется арочный проход шириной 2,0 м. В это же время, вероятно, сырой глиной были заложены бойницы на восточной стене. Этим, вероятно, и исчерпываются перестройки, произведенные в хорезмшахское время.

При раскопках и расчистках во входном комплексе получено некоторое количество керамики серого обжига.

Миски (рис. 2, 8, 9, 16) известны по фрагментам полочковидных венчиков. Эта керамика находит аналогии на многих памятниках Хорезма хорезмшахского периода [21, рис. 36, 100—105, рис. 44, 95, 98].

В коллекции имеются венчики кувшинов (рис. 2, 11) с широкой горловиной (диаметр 16 см). Венчик резко отогнут и имеет треугольный в сечении профиль. Стенки кувшина толщиной 0,4 см. Примеси в глиняном тесте отсутствуют [21, рис. 21, 1—2].

Горшки (рис. 2, 10, 12) представлены фрагментами стенок и венчиков, имеющих в глиняном тесте значительные примеси дресвы. Они прочерчены волнистыми и прямыми линиями, косыми насечками, нанесенными штампом [21, рис. 36, 56; 22, с. 94, рис. 10, 4].

Хумчи (рис. 2, 13—15) известны по стенкам сосудов, украшенных прочерченными арочками, волнистыми линиями, косыми насечками и прямыми линиями.

Эта керамика находит полные аналогии по тесту и орнаментике в материалах хорезмшахского времени средневековой истории Хорезма [21, рис. 19, 2].

Поливные глиняные изделия представлены двумя фрагментами чаш из юго-западного угла входного комплекса. Они облицованы поливой желтоватого и зеленоватого оттенка по белой подгрунтовке. На фрагменте поддона имеется орнамент и роспись по кругу зелеными точками, которые чередуются с коричневатыми полосами.

Подобные глиняные сосуды найдены на многих памятниках домонгольского периода, в частности, в Каваткалинском оазисе, с сельских поселений в районе Дарьялык-куль близ Замахшара [9, с. 93; 23], с Наринджана и Замахшара [21, с. 316, рис. 27, 6—7].

Следовательно, керамика второй хронологической группы относится к XII — началу XIII в. Этим же временем мы датировем постройку на заброшенном замке VII—VIII вв. нескольких помещений вдоль северной стены и некоторые незначительные перестройки во входном комплексе. Эти перестройки лишь частично коснулись внешнего облика замка Аяз-кала II — уникального памятника архитектуры раннесредневекового Хорезма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тереножкин А. И. Археологические разведки в Хорезме.— СА, 1940, № 6.
2. Вактурская Н. Н., Воробьева М. Г. Хроника работ Хорезмской экспедиции АН СССР.— ТХАЭЭ, т. 1, М., 1952.
3. Толстов С. П. Древности Верхнего Хорезма.— ВДИ, 1941, № 1.
4. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
5. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.
6. Манылов Ю. П. Работы на городище Аяз-кала № 2 в 1971 г.— АО—1971. М., 1972.
7. Манылов Ю. П. Археологические памятники Султануиздага эпохи античности и средневековья.— АКД. Ташкент, 1972.
8. Формозов А. А. Археологические путешествия. М., 1974.
9. Неразьяк Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.).— ТХАЭЭ, т. 9, М., 1976.
10. Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.
11. Неразьяк Е. Е. Раскопки Якке—Парсана.— МХЭ, вып. 7, М., 1963.
12. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана эпохи рабовладения и феодализма.— ТЮТАКЭ, т. 6, М., 1958.
13. Нильсен В. А. Архитектура Средней Азии V—VIII вв. Ташкент, 1966.
14. Неразьяк Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1968.
15. Толстов С. П. Древнехорезмийские памятники в Каракалпакии.— ВДИ, 1939, № 3.
16. Манылов Ю. П. Новые данные по погребальному обряду Хорезма первых веков н. э.— В сб.: Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент, 1981.
17. Вайнберг Б. И. Монеты Древнего Хорезма. М., 1977.
18. Государственный музей искусств Каракалпакской АССР. М., 1976.
19. Манылов Ю. П. Сигнальные башни Султануиздага.— ВКФ, 1969, № 3.
20. Вактурская Н. Н., Вишневская О. А. Памятники Хорезма эпохи великих хорезмшахов (XII—начало XIII вв.).— МХЭ, вып. 1, М., 1959.
21. Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма.— ТХАЭЭ, т. 4, М., 1959.
22. Ягодин В. Н. Маршрутные археологические исследования в левобережной части Приаральской дельты Амударьи.— МХЭ, вып. 7, М., 1963.

23. Коллекция Государственного музея искусств Каракалпакской АССР. Отдел древнего искусства. КГП 3597—3599.
24. Воробьева М. Г. Античные традиции в памятниках искусства и художественного ремесла древнего Хорезма.— В сб.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978.
25. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
26. Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент, 1978.

В. Н. ЯГОДИН

КЕРДЕРСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ КУЮК-КАЛА Историческая топография и хронология

Куюк-кала — один из наиболее значительных по своим размерам памятников Кердерской культуры. Это городище расположено в 30 км к северу от гор. Чимбая в Каракалпакской АССР, на высокой возвышенности, окруженной со всех сторон плоской пустынной равниной. В ряде мест равнина прорезана руслами недавнего происхождения, известными у местного населения под названием Караузьяк.

Куюк-кала и оссуарный могильник обнаружены в 1928 г. экспедицией этнографа А. А. Мелкова, на территории памятника произведены сборы подъемного материала [1, с. 151]. Экспедиция вывезла и передала в Русский музей в Ленинграде несколько алебастровых оссуариев с могильника Куюк-калы.

В 1956 г. Куюк-кала была повторно обследована этнографическим отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР [2, с. 32—34], на памятнике проведены рекогносцировочные раскопки, позволившие определить общую дату памятника, дать первую характеристику его топографии, а также установить наличие мощного культурного слоя, разделяющегося на несколько строительных горизонтов. Высказано предположение, что Куюк-кала является одним из поселений раннесредневекового владения Кердер [3, с. 128 и сл.; 4, с. 241; 5, с. 116].

В 1961 г. раскопки памятника были продолжены археологическим отрядом Института истории, языка и литературы КК филиала АН УзССР [6] и в 1967 г. произведена плановая аэрофотосъемка памятника. Результаты раскопок 1961 г. и аэрофотосъемки 1967 г. изложены в данной статье.

Топография. Дешифровка топографии памятника — довольно сложная задача. В незначительной части плоской поверхности Куюк-калы сохранился рельеф, отражающий ее планировку. Почти по всей площади памятника процессы переработки поверхности дождевыми водами и ветром сгладили рельеф, отражавший топографическую структуру Куюк-калы, и сделали невозможной дешифровку ее топографии при наземных способах съемки. Это обстоятельство было учтено при обследовании памятника Хорезмской археолого-этнографической экспедицией АН СССР в 1956 г. В этот период был произведен облет и визуальное обследование памятника с самолета ЯК-12. Наблюдения с самолета в сочетании с наземной инструментальной топографической съемкой позволили получить план наиболее четко выраженной в рельефе части памятника и описать ее. При осмотре памятника с самолета было отмечено, что невыраженные в рельефе особенности топографической структуры памятника демаскируются при осмотре с воздуха разницей в окраске разрушенных строительных конструкций из сырца, битой глины, а также культурных слоев и материковых пород. Особенно четко эта разница в окраске проступала после дождя. Кроме того, при благоприятных условиях освещения демаскирующим топографию памятника элементом является и сохранившийся в некоторой части памятника микрорельеф. Учесть все эти моменты при составлении общего плана памятника и его описании было возможно только при помощи специальной аэрофото-

съемки. В связи с этим продолживший исследования Куюк-калы Институт истории, языка и литературы КК филиала АН УзССР произвел в 1967 г. плановую аэрофотосъемку памятника¹. Материалы этой съемки позволили уточнить составленные планы и описания Куюк-калы.

Как отмечено, Куюк-кала находится на вершине небольшой возвышенности и занимает не всю вершину, а лишь ее плоскую юго-

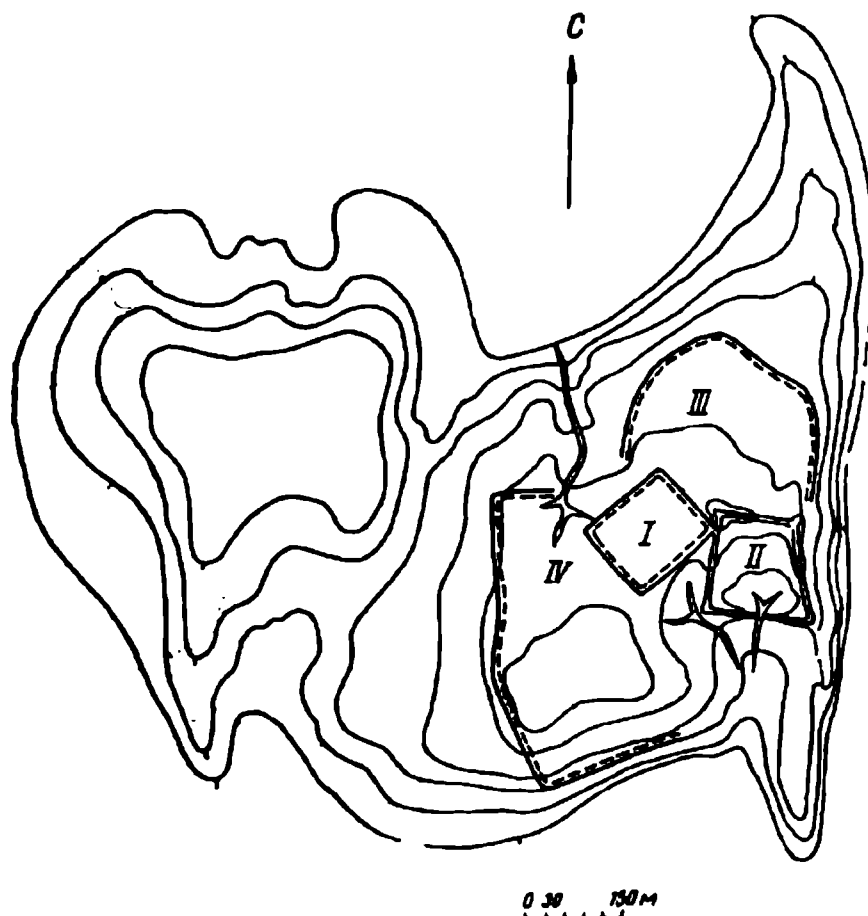

Рис. 1. Поселение Куюк-кала. План. I — западная цитадель, II — восточная цитадель, III — северный двор, IV — южный двор

восточную часть (рис. 1). По подсчету, произведенному в 1956 г., площадь памятника определена в 41 га [2, с. 34], а после новых подсчетов эта цифра оказалась несколько завышенной, очевидно, из-за того, что не были четко выделены общие очертания памятника. По новым подсчетам, произведенным на основе аэрофотосъемки, площадь памятника определена округленно в 27 га. Однако 27 га — это лишь общая площадь распространения культурного слоя на Куюк-кале, действительные размеры поселения были гораздо менее 27 га, очевидно, они были различными в разные периоды использования Куюк-калы. Памятник сложен по структуре. В его составе можно выделить четко определяющиеся четыре части, условно названные: северный двор, южный двор, восточная цитадель, западная цитадель.

Северный двор. Находится на северном скате холма, общая площадь двора около 6 га. С севера, востока и запада двор был охвачен дугообразной стеной, очертания которой, видимо, были обусловлены рельефом местности. Стена смыта почти полностью, сохранилась лишь в микрорельефе, демаскирующем ее на аэрофотоснимках. На

¹ Съемка выполнена инженером-геодезистом Н. И. Игояным.

поверхности двора не отмечено следов какой-либо планировки. Однако вся она покрыта ямами, заполненными культурным слоем, многочисленными развеваемыми углисто-золистыми слоями и очень редкими фрагментами керамики и костей животных. На территории описываемого двора во время раскопок 1961 г. было обнаружено одночное погребение (раскоп VIII).

Южный двор. В плане он подпрямоуголен, находится на плоской вершине, двумя сторонами выходит на крутые восточный и южный склоны холма. Стены, некогда окружавшие двор, к настоящему времени оказались почти полностью смытыми, в рельефе практически не выражены и прослеживаются лишь на аэрофотосъемках в виде слабозаметной темной полосы. Общая площадь двора составляет около 21 га. Возможно, в определенном единстве с южным двором находится западная цитадель, расположенная в его северо-восточном углу, северная и восточная стены которой продолжают линию соответствующих стен двора. Линия стен южного двора определяется также и распространением культурного слоя. Почти нигде слой за линию стен двора не выходит. Лишь в юго-восточном углу двора, расположенном на длинном мысу, линия стен не прослеживается, а культурный слой распространяется за пределы двора по всей площади мыса. В рельефе двора не сохранилось почти никаких следов древних планировок. Однако иногда планировки демаскируются более темной окраской стен по отношению к окружающей поверхности. По данным наземного осмотра поверхности и анализа аэрофотоснимков, вся площадь двора была занята постройками. Какой-либо системы в их расположении без раскопок установить невозможно. В 1956 г. на небольших участках двора были произведены отдельные раскопки и выявлены жилые и производственные постройки.

Восточная цитадель. Возможно, восточная цитадель составляла единый комплекс с южным двором. Расположена она в северо-восточном углу последнего, в плане имеет подпрямоугольные очертания, общая площадь цитадели составляет около 2,2 га. В противоположность всем другим топографическим составляющим Куук-калы, восточная цитадель четко выражена в рельефе. Развалины ее стен сохранились на высоту 1,5—2,0 м. На всех углах цитадели отчетливо видны остатки башен. Внутренняя поверхность цитадели в рельефе также не сохранила никаких следов планировки, однако можно выделить эти следы по цвету поверхности, какой-либо определенной системы в выявляемой таким образом планировке без раскопок установить не удалось.

Западная цитадель. В плане подпрямоугольная, общая площадь около 1,8 га. В планировочном отношении ни с северным, ни с южным дворами не связана. Углами ориентирована по странам света. Восточным углом примыкает к западной стене восточной цитадели. Частично перекрывает северную стену южного двора. Стены цитадели разрушились почти полностью, в рельефе не прослеживаются, заметны лишь при осмотре с воздуха и на аэрофотоснимках. По различию в цвете внутри цитадели кое-где можно проследить следы планировок. По периметру западная цитадель оконтуривается широкой светлой полосой, под которой находятся остатки рва, окружавшие цитадель.

Характеристика раскопок 1956 и 1961 гг.

Во время кратковременного обследования памятника в 1956 г. были заложены семь небольших раскопов (рис. 2).

Раскоп I. Выбран тот участок памятника, где стены цитаделей подходят близко одна к другой для получения данных по стратиграфии. Заложены в виде траншей, пересекающей стены двух цитаделей, на восточном конце траншей, находящемся внутри восточной цита-

дели, произведена расчистка поверхности и заложен шурф. В траншее между цитаделями были вскрыты линзообразные песчано-глинистые натеки, лежащие, по выражению авторов раскопок 1956 г., в «котловане», развалка из сырцовых кирпичей, названная стеной западной цитадели, перекрывающие их глиняные полы помещений одновременных восточной цитадели. В расчистке на восточном конце траншей выявлена кладка из сырцовых кирпичей, у которой был заложен шурф, доведенный до материка. В шурфе вскрыт культурный слой мощностью 2,3 м, разделенный авторами раскопок на три строительные горизонты. На небольшом участке, пересеченном траншеей, была выяснена конструкция стен восточной цитадели. Установлено, что стены цитадели двойные, внутри них расположен коридор шириной 1,6—2,0 м, имевший плоское камышовое перекрытие. Стены грубо сложены из кирпича-сырца (33—34×33—34×8—9 см). Установлено также, что в данном месте стены цитаделей поставлены на более ранних культурных напластованиях.

Раскоп II. Заложен в северной части западной цитадели для выяснения планировки находящихся здесь помещений. В раскопе вскрыты два помещения, перекрывающие друг друга. Верхнее представляет собой комнату размером 4,7×3,4 м, вдоль стен ее расположены кирпичные суфы, в центре прямоугольный открытый очаг.

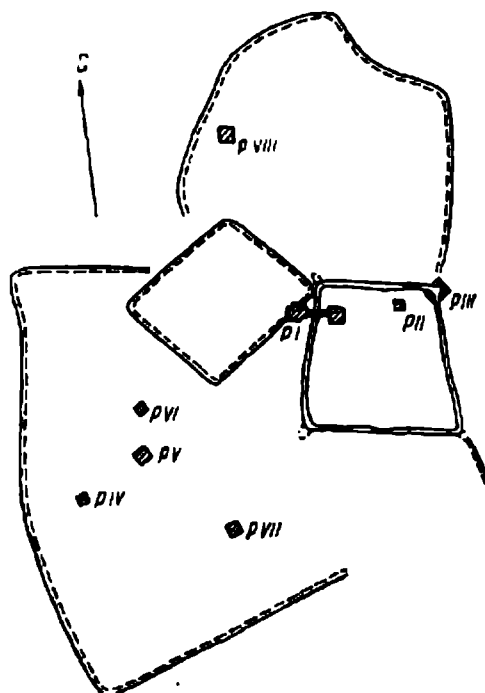

Рис. 2. Поселение Куюк-кала. Схема расположения и номера раскопов.

Ниже расположено другое прямоугольное в плане помещение с суфой у северной стены и прямоугольным открытым очагом в центре. В одной из боковых стен проход шириной около 80 см. Авторы раскопок считают, что верхнее помещение соответствует первому (сверху) горизонту, установленному в шурфе на раскопе I, а нижнее — второму горизонту.

Раскоп III. Заложен на северо-восточном углу восточной цитадели для выяснения конструкции угловой башни и прилегающих к ней участков стен цитадели. Установлено, что угловая башня в плане имела вид удлиненного полуовала, ось которого продолжает направление диагонали цитадели. Внутри северной и восточной стен, примыкающих к башне, так же, как и на западной стене, находился внутристенный коридор, глухой стеной отделенный от помещения внутри башни. Кладка стен на данном участке цитадели аналогична описанной для западной стены. Установлено также, что башня и стены, примыкающие к ней, поставлены непосредственно на материке, которым в данном случае является песок. Для предотвращения осыпания поверхность песка была закреплена глиняной засыпкой и обмазкой.

Раскоп IV. Заложен в юго-западной части южного двора для выяснения характера планировки, частично просматривавшейся с поверхности. Были расчищены два помещения, перекрывающие одно другое. От верхнего помещения сохранились лишь незначительные остатки стен, сложенные из кирпича-сырца 34×34×8—9 см. Нижнее

помещение — прямоугольное в плане, с суфами вдоль трех стен и прямоугольным открытым очагом с округлым вдавлением от сосуда в центре. Авторы раскопок относят нижнее помещение ко второму строительному горизонту, установленному в шурфе на раскопе I.

Раскоп V. Находится в юго-западной части южного двора. Заложен для выяснения характера планировки, находившейся под возвышавшимся в данном месте невысоким бугром. В ходе раскопок были расчищены два различных строительных комплекса, перекрывающих один другой. Сверху находились остатки двух небольших очень плохо сохранившихся прямоугольных помещений. Непосредственно под ними находились остатки круглого в плане сооружения диаметром 6,2 м, построенного из кирпича-сырца $34 \times 34 \times 8-9$ см. Стены сооружения имеют толщину 2,1 м, сохранились в высоту в 1 кирпич. Внутри помещения имеет глинобитный пол.

Раскоп VI находится почти в центре южного двора. Заложен на месте, где на поверхность выходило интенсивное пятно гари. После раскопок обнаружилось, что под пятном находились остатки ульевой глиняной печи-тандыра, служившей для выпечки хлеба. Тандыр стоял на полу жилого прямоугольного в плане помещения, вдоль одной из стен которого находилась низкая кирпичная суфа.

Раскоп VII находится у южной стены южного двора. Заложен в поисках производственных помещений, поскольку на месте заложения раскопа находилась большая россыпь железных шлаков и криц, а также фрагментов печины. Под россыпью явно проступали следы планировки, внутри которой угадывались контуры четырех помещений. Одно из этих помещений было расчищено полностью. В плане оно прямоугольное ($8,0 \times 4,2$ м), имеет три перекрывающих друг друга пола. На первом полу сверху обнаружены остатки печей, судя по обилию криц и железных шлаков — железоплавильных. Отдельных печей обнаружить не удалось. Было расчищено лишь хаотическое скопление обломков глиняных обожженных обмазок печей, шлаков, угля и криц. Обнаружена также неглубокая ямка, наполненная крицами, а рядом с ней скопление золы и древесного угля. Второй сверху пол совершенно не обожжен, на нем обнаружены следы сплошной застилки камышовыми циновками. В слое над полом обнаружено большое количество фрагментов керамики, костей рыб. Третий сверху пол сильно разрушен ямами, на нем обнаружена сильно разрушенная печь, от которой сохранилась лишь часть пода с несколькими отверстиями. Обожженная до красноты поверхность пола прослеживается на площади $1,5 \times 1,0$ м и, видимо, соответствует площади основания печи. Общая форма не поддается реконструкции.

В 1961 г. были продолжены работы на раскопе I и заложен новый VIII раскоп. Раскоп I был продолжен от траншеи к западу, где на площади 176 м^2 была произведена расчистка части большого многокомнатного здания. Траншея между стенами восточной и западной цитаделей была значительно углублена, что позволило принципиально по-иному интерпретировать ранее обнаруженные наслоения. Общая протяженность траншеи 10 м, ширина 2 м. Раскопки производились по квадратам 2×2 м. Восточный конец траншеи упирался в стену восточной цитадели, сохранившуюся в данном месте на высоту четырех кирпичей. От стены вглубь траншеи на расстоянии около 4 м прослеживался наклонно залегающий слой (рис. 3, слой 4), сформированный продуктами разрушения стены, битым сырцовым кирпичом, глиной. Затем на протяжении около 3 м этот слой прерывался линзообразными песчано-глинистыми наслоениями «котлована» (рис. 3, слой 3), вскрытого в 1956 г. После линзы слой прослеживался снова на протяжении около 3 м. Остатков стены западной цитадели в траншее обнаружить не удалось. По-видимому, в данном месте она разрушена до основания, от нее сохранилась лишь темная полоса, видная на аэрофотоснимках. Светлая полоса, огибающая за-

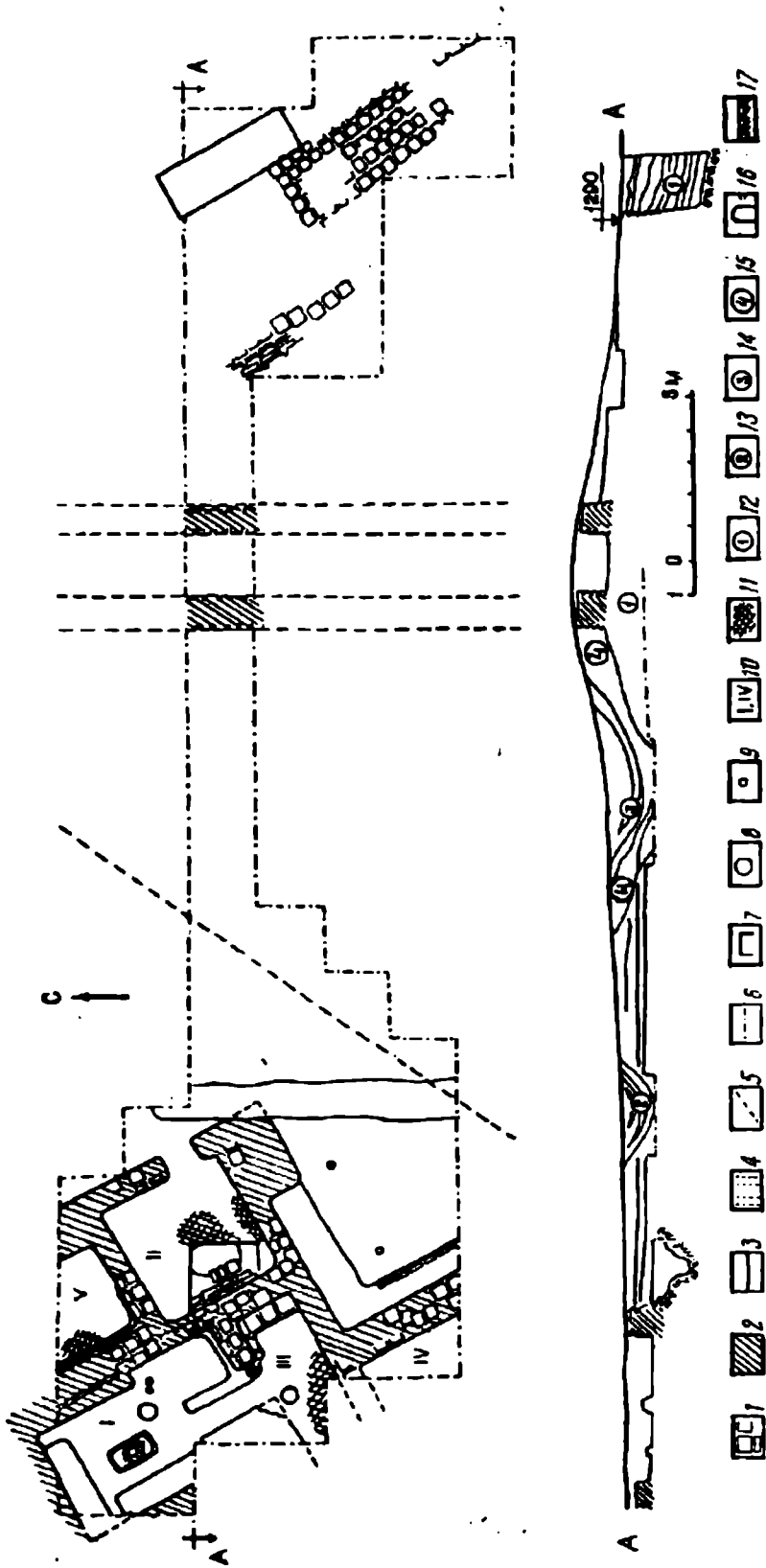

Рис. 3. Раскоп I. План и разрез по линии АА. Усл. обозначения:

1 — кирпич сырцовые, 2 — сырцовая кладка заплывшая, 3 — уровень пола помещений, 4 — предположительно направленные стены, 5 — лицевая стена западной цитадели, 6 — границы раскопа, 7 — границы шурфов, 8 — ямы хозяйственные, 9 — ямы хозяйственные, 10 — номер помещений, 11 — прокаленная докрасна поверхность, 12 — культурные слои, подстилающие стены восточной цитадели, 13 — песчано-глинистые линзовидные слои камавы верхнего горизонта, 14 — линзовидные слои два западной цитадели, 15 — культурные наслоения у восточной цитадели, 16 — канава верхнего горизонта, 17 — материк.

падную цитадель по периметру, демаскирует ров. В описанной траншее наслоения рва представлены упомянутыми песчано-глинистыми линзообразными наслоениями, которые во время раскопок 1956 г. были названы «котлованом». На разрезе траншеи ясно видно, что ров западной цитадели выкопан в развалке стены восточной цитадели. Ниже отложений рва западной цитадели обнаружены линзообразно прогнутые слои (рис. 3, слой 4), заполнившие ров восточной цитадели. На разрезе четко видна линия рва, начинающаяся у подножья стены цитадели. Общая ширина рва восточной цитадели в месте заложения траншеи составляет около 7 м.

Таким образом, в результате работ, проведенных в траншее, выявлены наслоения двух различных, перекрывающих один другой, горизонтов. К западу от траншеи произведены раскопки на площади 168 кв. м по квадратам 2×2 м по пластам мощностью 20 см. Выявлены три основных строительных горизонта. К первому (сверху вниз) отнесены различные остатки сырцовых стен, развеваемые золистые культурные слои, очаги в виде округлых углублений, заполненные золой и углем, нижние части ям, лежащие практически на современной дневной поверхности и в верхнем тонком (15—20 см) разрушенном слое памятника. Поскольку в этих же условиях залегания находятся стены западной цитадели, вероятно, первый горизонт является остатками внутренней застройки западной цитадели. Ко второму горизонту отнесены остатки большой многокомнатной жилой постройки, раскопанной лишь частично. Внутри постройки отмечены частичные перестройки, почти в каждом помещении обнаружено по несколько полов, перекрывающих друг друга. Поскольку постройка вскрыта неполностью, охарактеризовать ее в целом невозможно. Поэтому ограничимся характеристикой ее конструктивных особенностей и описанием всех вскрытых помещений. Стены постройки возведены из квадратных сырцовых кирпичей, имеющих длину стороны 33—37 см и толщину 6—8 см. Кладка производилась на глиняном растворе, толщина межкирпичных швов — 3—5 см, толщина стен — 0,90—0,95 м или 1,40—1,50 м. Ширина проходов, соединяющих помещения, — 0,95—1,00 м. Полы во всех помещениях земляные, покрыты в несколько слоев глиняной обмазкой. Такой же обмазкой покрыты и стены помещений. Почти на всех полах расчищенных помещений были постелены камышовые циновки или просто камыш. Следы этой застилки в виде прослоек перегнившего камыша отмечаются повсюду. Почти во всех помещениях было по несколько полов, наслаивающихся один на другой. Часто этим полам соответствуют небольшие перестройки, в результате которых стены помещений делались то толще, то тоньше. Культурные слои, лежавшие на полах, состоят из золы, намыва зеленой глины, древесных углей, перегнившего камыша и навоза. В слоях в изобилии отмечаются находки фрагментов керамики, костей животных и рыб, шелухи и проса.

Помещение № 1 наиболее сложно по внутренней планировке. В плане оно прямоугольно, однако эта прямоугольность нарушена подпрямоугольной нишей, находящейся в юго-восточном углу помещения. Вход шириной около 95 см с обеих сторон ограничен длинными пилонообразными выступами, сложенными из пахсы и образующими довольно длинный коридор. В центре помещения находится очаг открытого типа в виде прямоугольной глиняной площадки 150×90 см, окруженной по периметру низким валикообразным бортиком. В центре очага круглое углубление. Весь очаг засыпан чистой золой, а его центральная часть обожжена до красноты. У юго-восточного угла глубокая круглая яма забита золой, которую, вероятно, сюда периодически сгребали с очага. Рядом с ямой находятся две небольшие глубокие ямки, где, видимо, стояли два спаренных деревянных столба. Вдоль западной и северной стен помещения расположены низкие кирпичные суфы, обмазанные глиной, перестроек внутри помещения не отмечено. Пол только один. Слой, которым он

засыпан, состоит из горизонтально-слоистых перегнивших органических наслоений, по преимуществу камыша, видимо, остатков истлевших камышовых циновок, устилавших пол помещения. Выше помещение было перекрыто завалом от обрушившихся стен.

Помещение № 3. Упомянутым проходом помещение № 1 соединяется с помещением № 3, раскопанным неполностью. Вход в это помещение, видимо, находится в западной стене. У южной стены помещения прямо на полу следы большого бесформенного кострища, перед которым расположена неглубокая яма диаметром около 50 см. В плане помещение прямоугольное, стены сильно разрушены, обнаружен только один пол, на поверхности которого местами сохрани-

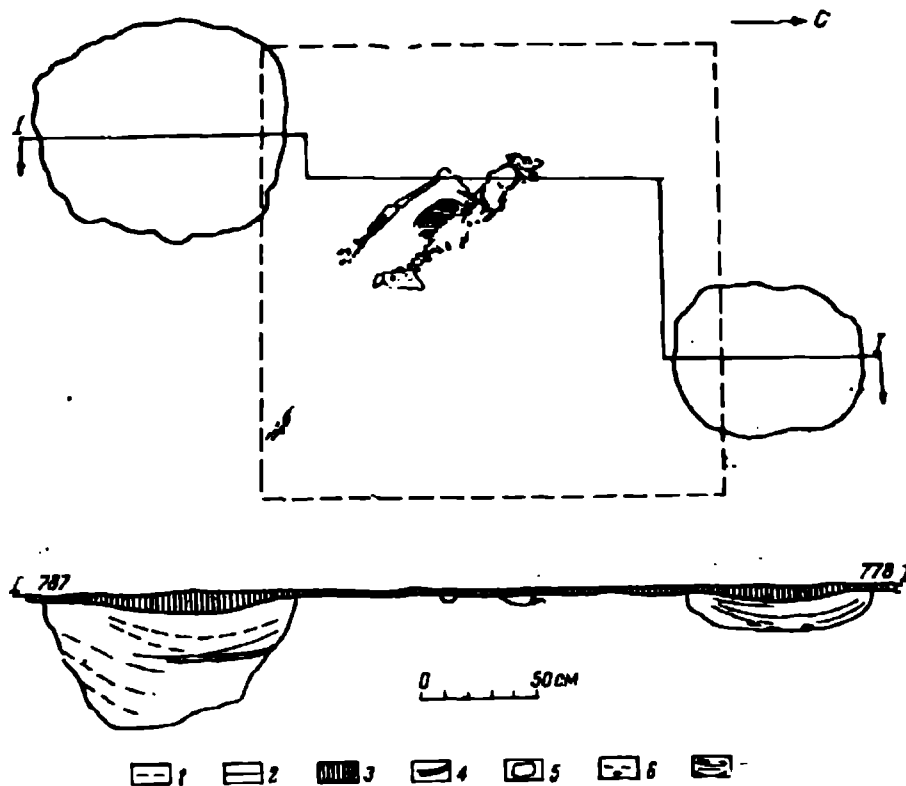

Рис. 4. Погребение (раскоп VIII). План и разрез. Условные обозначения:

1 — граница раскопа, 2 — линия разреза, 3 — тахирная корка, 4 — золистые прослойки, 5 — ямы, 6 — углы древесины, 7 — песчано-золистые линзобразные слои.

лись прослойки перегнившего камыша, оставшиеся от устилавших пол камышовых циновок. Эти прослойки часто оказываются перекрытыми слоями перегнившего навоза. Поверх культурного слоя в некоторых местах помещения лежит развалка сырцовых стен.

Помещение № 2. В плане квадратное. В восточной стене имеет проход, выводящий во двор. С другими помещениями не сообщается. В центре находится бесформенное кострище. Аналогичное кострище обнаружено у середины южной стены. В помещении обнаружены два пола, перекрывающие один другой. Нижний пол (пол № 2) по всей поверхности перекрыт слоем, состоящим из остатков устилавших пол камышовых циновок, с прослойками зеленой глины. Под этим слоем непосредственно на поверхности пола лежит тонкая зольная прослойка, образовавшаяся, видимо, от кострища, находившегося на полу № 2 в центре помещения. Поверх слоев, связанных с полом № 2, в пределах всего помещения находится слой, образовавшийся в процессе разрушения сырцовых стен. Слой этот, видимо, соответствует периоду, когда помещение было заброшено и постепенно разрушалось. Пол № 1 был положен непосредственно на выровненную по-

верхность слоя разрушения. С этим полом связано упоминавшееся выше бесформенное в плане кострище, расположенное у середины южной стены помещения. В помещении № 2 был заложен шурф 2×2 м, доведенный до материка. В шурфе под полом помещения была обнажена поверхность материка и вскрыта яма, выкопанная в материке.

Помещение № 5. Раскопано неполностью. В плане подпрямоугольно. В помещении имелся только один пол. По всей его поверхности прослеживаются следы сплошной застилки камышовыми циновками. У западной стены помещения находится небольшое кострище. Восточная стена помещения сильно разрушена. На полу под этой стеной лежит сплошной слой обвалившейся стены, а выше описанных сло-

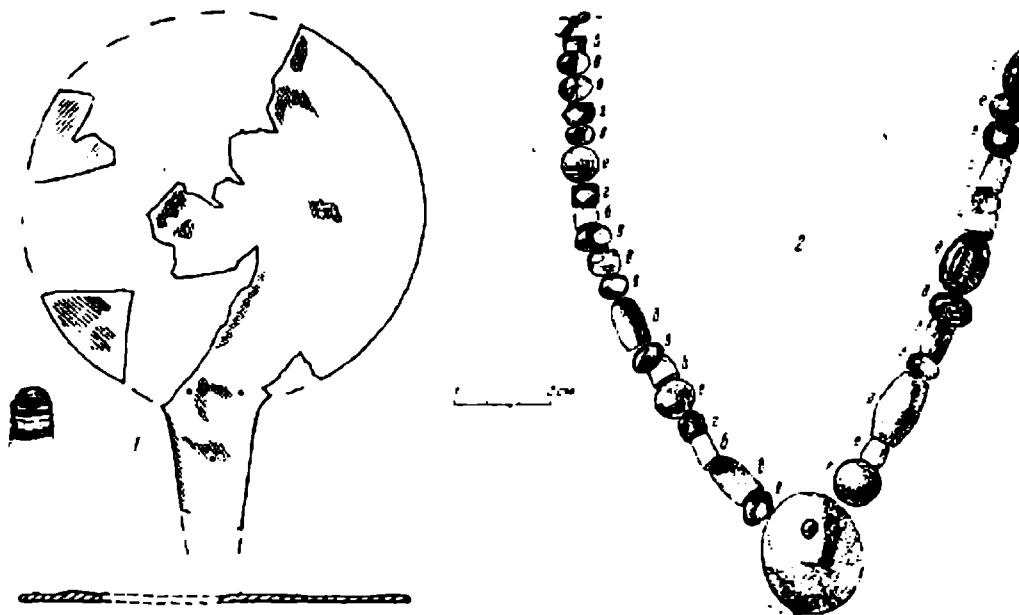

Рис. 5. Погребение. Инвентарь.

1 — зеркало. 2 — ожерелье: а — бронза, б — коралл обесцвеченный, в — сердолик, г — яшма-лазурь, д — янтарь, е — паста стеклянная, ж — мрамор, з — гешир(?).

ев — супесчаный слой, образовавшийся при размывании стен и засыпании песком заброшенного помещения.

Двор. Расчищенные восточная и южная стены многокомнатной постройки обращены в принадлежащий ей двор. Восточная стена изломана под прямым углом, на внутренней стороне которого в глубокой нише расположена низкая кирпичная суфа. Перед суфой на одной параллельной стене линии — две глубокие ямки, где находились столбы, очевидно, поддерживавшие навес. В целом все это было чем-то вроде айвана, известного сейчас в народной архитектуре каракапков. Во дворе были установлены три последовательно перекрывающих одна другую жилых поверхности (условно «пола»). Суфы и айван связаны с двумя нижними поверхностями (пола № 3 и № 2). Верхняя поверхность (пол 1) перекрывает суфу. Очевидно, в соответствующий период айвана во дворе уже не существовало. Культурные слои, лежащие на третьем и втором полах, состоят из горизонтально-слоистых прослоек перегнивших камыша и навоза и прослоек зеленой глины. Все слои перекрыты слоем плотной глины с обломками сырцовых кирпичей, представляющим собой, видимо, продукт разрушения сырцовых стен в период, когда двор был заброшен и постепенно затягивался обрушивающимися и размываемыми дождевыми водами продуктами разрушения сырцовых стен. Пол № 1 был положен непосредственно на выровненную поверхность описанного слоя разрушения. Культурный слой пола представляет комковатую массу с прослойками зеленой глины.

Раскоп VIII заложен на территории северной цитадели, в 70—80 м к северу от северного угла западной цитадели, на площади 240 м² в связи с тем, что при осмотре данной части городища в разрушающихся верхних слоях, практически на современной поверхности интенсивно размываемого дождевыми водами склона, было обнаружено погребение (рис. 4). При расчистке погребения выяснилось, что оно сильно разрушено. Никаких данных относительно формы и размеров могильной ямы, характера могильного сооружения не получено. Костяк лежал на спине, вытянуто, черепом ориентирован на северо-запад (аз — 47°). Под черепом и рядом с ним были обнаружены остатки шелковой (?) ткани, бусы и разбитое, видимо, преднамеренно, зеркало (рис. 5). В поисках других погребений на площади 240 кв. м был снят поверхностный слой мощностью 15—20 см, под которым рядом с погребением обнаружены две подкруглые в плане ямы, заполненные слоистыми линзообразными песчано-золистыми наслоениями с отдельными прослойками древесных углей и золы. В ямах найдено несколько обломков лепной кердерской керамики. Непосредственной связи с описанным погребением ни одна из расчищенных ям не имеет. Помимо ям, на расчищенной площади обнаружены большие скопления золы и неглубокие канавки, также заполненные золой. Описанное погребение сходно с некоторыми типами погребений в Джеты-асарской культуре в низовьях Сырдарьи, где наряду с погребениями в курганах или специальных постройках отмечены захоронения, находящиеся непосредственно на поверхности и чуть присыпанные [4, с. 196, рис. 113, IV].

Относительная хронология

Основными источниками для изучения относительной хронологии Куюк-калы могут служить топографические материалы (аэрофотопланы, данные инструментальной съемки памятника), наблюдения за стратиграфией памятника, значительный объем которых был накоплен во время раскопок 1956 и 1961 гг. По этим данным для Куюк-калы можно выделить четыре основных относительно-хронологических периода (I—IV, счет снизу вверх) и распределить между ними все определенные к настоящему времени объекты памятника.

К первому периоду можно отнести культурные слои, лежащие непосредственно на материке, и ямы, выкопанные в нем. Эти слои и ямы были вскрыты на небольшой площади в шурфах 1956 и 1961 гг., заложенных на раскопе I. Яма I периода, вскрытая в шурфе 1961 г., оказалась перекрытой слоями вышележащих строительных горизонтов, относящихся ко II и IV периодам. Культурный слой в шурфе 1956 г., лежащий непосредственно на материке, также перекрыт наслоениями двух строительных горизонтов, относящихся ко II и III периодам. Никаких строительных конструкций со слоями и ямами I периода не связывается. Ко второму периоду относится многокомнатное здание, частично вскрытое в 1961 г. на раскопе I, а также культурные слои, подстилающие стены восточной цитадели, вскрытые на раскопе I в траншее и шурфе 1956 г. Внутри этого периода можно выделить три фазы, связанные с использованием многокомнатной постройки. В первой фазе использовалось только что построенное здание, во второй произошло его запустение, частичное разрушение сырцовых стен и засыпание их обломками помещений, третья фаза — повторное освоение здания и настиление полов по выровненной поверхности завалов в помещениях.

Слои второго периода перекрываются слоями третьего, что хорошо видно на разрезе I—I, на котором часть двора многокомнатного здания со всеми его наслоениями оказалась прорезанной рвом восточной цитадели, относящейся уже к третьему периоду. К третьему

му периоду отнесена восточная цитадель, верхний горизонт вскрытых на раскопе I в шурфе 1956 г. наслоений, помещения, вскрытые на раскопе II, представляющие собой, видимо, внутреннюю застройку цитадели. Вскрытые на раскопах IV, VI помещения аналогичны помещению, расчищенному на раскопе II и, по-видимому, синхронны ему. Восточная цитадель и южный двор в планировочном отношении представляют собой единое целое, поэтому можно предполагать их одновременность. Однако культурные напластования, на которых построена восточная цитадель, нигде не выходят за пределы стен южного двора, что должно свидетельствовать о том, что его стены строились гораздо раньше восточной цитадели. Поэтому можно предположить о строительстве стен южного двора в первом периоде и о включении в третьем периоде в систему этих стен восточной цитадели. Западная цитадель, относящаяся к четвертому периоду, как бы перекрывает часть северного двора, его сооружение должно было прои-

Таблица I

Относительная хронология Куюк-калы

	Период	Объект			
Позже	IV	Западная цитадель, первый горизонт на раскопе I			
	III	Восточная цитадель, раскопы II, IV, VI			
Раньше	II	Многокомнатное здание в отложениях II горизонта на раскопе I. Слой под восточной цитаделью	II фаза	Поля №1	Северный двор
	I		I фаза	Поля № 3, 2	
	I	Южный двор (?). Ямы и культурные слои на материке			

Раскопы V, VII, VIII.

зойти не позже, чем в III период. Однако на имеющихся материалах в относительно-хронологической схеме для него определить место невозможно, он может быть отнесен к I, II или III периодам. К четвертому периоду отнесена западная цитадель и отложения первого строительного горизонта на раскопе I. Для подобного разделения имеются прочные стратиграфические основания. Как уже отмечалось выше, ров западной цитадели выкопан в отложениях рва, относящегося к III периоду восточной цитадели, а I горизонт на раскопе I перекрывает относящиеся ко второму периоду отложения второго горизонта. Эти отложения (многокомнатное здание) перекрыты слоем запустения, видимо, соответствующим третьему периоду.

Каких-либо существенных данных для определения места раскопов V, VII, VIII в системе относительной хронологии Куюк-калы в нашем распоряжении нет.

Относительная хронология памятника в том виде, в каком мы ее можем построить в настоящее время на материалах представлена в табл. I.

Абсолютная хронология

К сожалению, в настоящее время невозможно установить абсолютные даты каждого из выделенных четырех периодов относительной хронологии для Куюк-калы. Общая дата всей свиты культурных напластований Куюк-калы уже достаточно узка (менее 100 лет) и ее расчленение на более узкие хронологические отрезки

Таблица 2

Краткое описание	Материал	Вес, г	Размер	Определение	Местонахождение
<p>Ав. Мужская голова в профиль вправо. Высокая корона. Спереди над лбом три рельефные точки. Сбоку короны крест с четырьмя рельефными точками в углах. По нижнему краю короны ряд аналогичных точек. Сзади короны надзатыльник с лентами. На шее рельефные точки. По краю монеты точечный ободок. Штамп смещен влево вверх</p> <p>Rv. В центре тамга , круговая легенда. Линейный ободок. Штамп смещен направо вверх</p>	Медь	2,400	2,6	Чеган-Аз-кацвар. Конец VII—начало VIII вв. (до 712 г.)	Подъемная
<p>Ав. Мужская голова в короне вправо. Корона слегка расширяется кверху, середина передана двумя дугообразными линиями. По краю монетного кружка точечный ободок. В поле перед лицом три рельефные точки</p> <p>Rv. Не читается</p> <p>Ав. Не читается</p> <p>Rv. Видна часть круговой легенды</p>	Медь	1,700	2,3	Савашфан или близкий тип. Середина VIII в.	Подъемная
<p>Ав. Слабозаметное изображение в профиль вправо человеческой головы</p> <p>Rv. В центре тамга , круговая легенда</p>	Медь	1,870	2,00	Предположительно Чеган-Аз-кацвар. Конец VII—начало VIII вв. (до 712 г.)	Подъемная
<p>Ав. Слабозаметное изображение в профиль вправо человеческой головы, в профиль вправо. По краю монеты точечный ободок</p> <p>Rv. Следы круговой легенды</p> <p>Ав. Не читается</p>	Медь	1,280	2,15	Чеган-Аз-кацвар. Конец VII—начало VIII вв. (до 712 г.)	Подъемная
<p>Rv. Слабозаметная круговая легенда. Штамп сдвинут вверх</p>	Медь	1,600	2,25	Сарашфан или близкий чекан. Середина VIII в.	Подъемная
<p>Ав. Мужская голова в профиль вправо. По краю монеты точечный ободок</p> <p>Rv. Круговая легенда</p>	Медь	1,520	1,90	Савашфан или близкий тип. Середина VIII в.	Подъемная
<p>Ав. Мужская голова в профиль вправо. По краю монеты точечный ободок</p> <p>Rv. Всадник вправо, левая рука поднята и вытянута вперед, в правой по-</p>	Медь		29	Канях. Середина VIII в.	Подъемная
<p>водья, сзади на крупе тамга.</p> <p>Круговая легенда</p>	Медь	3,600	31	Каник. Середина VIII в.	

Продолжение табл. 2

Краткое описание	Материал	Вес, г	Размер	Определение	Местонахождение
<p>Ав. Мужская голова в профиль вправо. Ступенчатая корона с полусферическим шаром в середине и полумесяцем над ним. Сзади ниспадающие косополосатые ленты и три рельефных точки. По краю монеты точечный ободок. В центре монеты круглое сквозное отверстие</p> <p>Rv. Круговая легенда (?), сбоку тамга</p> <p> под ней еще одна s-образная тамга или знаки надписи.</p>	Медь	5,870	27	Хорезм, VII в.	Подъемная

Примечание. В „списке“ учтены только монеты, найденные в 1961 г.

вызывает затруднения. В качестве датирующего может быть использована керамика, однако ни одна из известных в настоящее время форм не имеет более узкой даты, чем дата всей свиты культурных напластований Куюк-калы. Аналогичное положение сложилось и в отношении всех прочих категорий археологических находок, за исключением монет, однако их находки *in situ* пока слишком малы, чтобы создать прямую основу для определения абсолютных дат относительно-хронологических периодов. Проанализируем находки нумизматического материала на памятнике (табл. 2). Обнаружены монеты четырех различных типов: Хорезм VII в. (1 экз.), Чеган — конец VII, Азкацвар — начало VIII вв. (3 экз.), Савашфан — середина VIII в. (3 экз.), Каник — середина VIII в. (2 экз.). Все найденные монеты, видимо, определяют общую дату свиты культурных слоев Куюк-калы. Только одна монета найдена *in situ*, на раскопе 1 в помещении 2, пол 1, и относится, таким образом, ко второй фазе II периода относительной хронологии. Монета эта датируется серединой VIII в. Значит, и все отложения второго периода должны быть датированы не ранее, чем серединой VIII в. Подобная дата для наслоений II периода сомнительна уже потому, что она отодвигается по меньшей мере во вторую половину VIII в. — дату наслоений III периода, очевидно, синхронного раннекердерскому комплексу Ток-калы. Дата же последнего конец VII — первая половина VIII в. установлена на основании нумизматических данных как будто бы довольно прочно.

Видимо, при нынешнем уровне изученности Куюк-калы целесообразно отказаться от попыток установления абсолютных дат для каждого из периодов относительной хронологии и ограничиться установлением общей даты для всей свиты наслоений памятника в целом по данным нумизматики. Действительно, даты всех найденных во время работ 1961 г. монет не выходят за пределы VII — первой половины VIII в. Эту дату несколько сужают аналогия хорезмийским формам керамики, найденным на Куюк-кале во всех слоях — хумы и водоносные кувшины, характерные для хорезмийской афригидской культуры, хорошо изученные по данным, полученным при раскопках поселений раннесредневекового Беркуткалинского оазиса и датированные там по нумизматическим данным последней четвертью VII — первой половиной VIII в. Эти же даты, очевидно, мы вправе принять и для всей свиты культурных напластований Куюк-калы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957.
2. Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг.— МХЭ, вып. 1, М., 1959.
3. Неразьяк Е. Е., Рапопорт Ю. А. Куюк-кала в 1956 г.—МХЭ, вып. 1, М., 1959.
4. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
5. Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция в 1955—1956 гг.— СА, 1959, № 3.
6. Ягодина В. Н. Археологические памятники Приаральской дельты Амударьи.— АКД. М., 1963.

Ю. П. МАНЫЛОВ, М.-Ш. КДЫРНИЯЗОВ

ГОРОДИЩЕ ДЖАНПЫК-КАЛА

Первое упоминание о памятнике встречается в 1863 г., когда профессор восточных языков и литературы при Пражском университете под видом дервиша посетил Хивинское ханство [1, с. 124]. При геологическом обследовании Султанунздага в 1874 г. Н. П. Барбот-де-Марни осмотрел городище Джанпык-кала [2, с. 80]. Краткое описание памятника составила А. Е. Россикова [3, с. 640].

В советское время Хорезмской экспедицией в 1940 г. на Джанпык-кале был собран подъемный материал, снят план, сделан перспективный рисунок развалин и сфотографированы стены [4, с. 623]. С. П. Толстов датировал памятник XII—XIV вв., в основании стен отмечены следы античной кладки [5, с. 168—169, рис. 165, табл. 68—69].

В 1965 г. археологи Каракалпакского филиала АН УзССР провели обследование городища и наметили программу его изучения, к реализации которой приступили только в 1971 г. [6].

С 1971 г. Государственный музей искусств Каракалпакской АССР начал исследования на городище. Были проведены детальные архитектурные обмеры, заложены раскопы 1 и 2 [7, с. 13—14], открыт большой по площади могильник, среди которого возвышаются руины двух мавзолеев. Один из них раскопан [8, с. 73—78].

В 1973 г. работы на Джанпык-кале были продолжены, расширены старые и заложены новые раскопы [9, с. 484].

В 1978—1981 гг. археологические работы велись в южной части городища, где культурный слой сохранился лишь частично и на раскопе 2.

Джанпык-кала находится на северо-западе Берунийского района Каракалпакской АССР на краю одного из юго-западных отрогов Султанунздагского хребта.

В плане городище имеет сложную конфигурацию, не обусловленную, однако, рельефом местности (рис. 1, 1), с запада на восток вытянуто на 420 м, ширина — 288 м. Площадь памятника около 12 га. На северной стороне его имеется уступ во внутрь городища. Восточная стена по отношению к северной поставлена почти под прямым углом, но затем в 65—70 м от северо-восточного угла она начинает сворачивать на юго-запад. О конфигурации западной части можно говорить лишь предположительно.

Большие оплывшие бугры стен существовали здесь еще в начале 30-х годов XX в. и хорошо просматриваются на аэрофотопланах. Сохранился лишь небольшой отрезок пахсовой стены, верхняя часть которой построена из кирпича, размером 38—40×12 см. Видимо, эту стену С. П. Толстов относил к античному времени [5, с. 169]. Кирпич такого же стандарта положен поверх пахсовых блоков для ремонта северной стены. Исследователи Древнего Хорезма не раз отмечали вторичное использование античного кирпича в средние века. Так, на городище Дэв-Кескен (Вазир) античный кирпич применяли в XV—XVI вв. [10, с. 66; 11, с. 25].

Стены достигают девятиметровой высоты и сооружены из пахсовых блоков высотой до 0,9 м, которые положены параллельными ря-

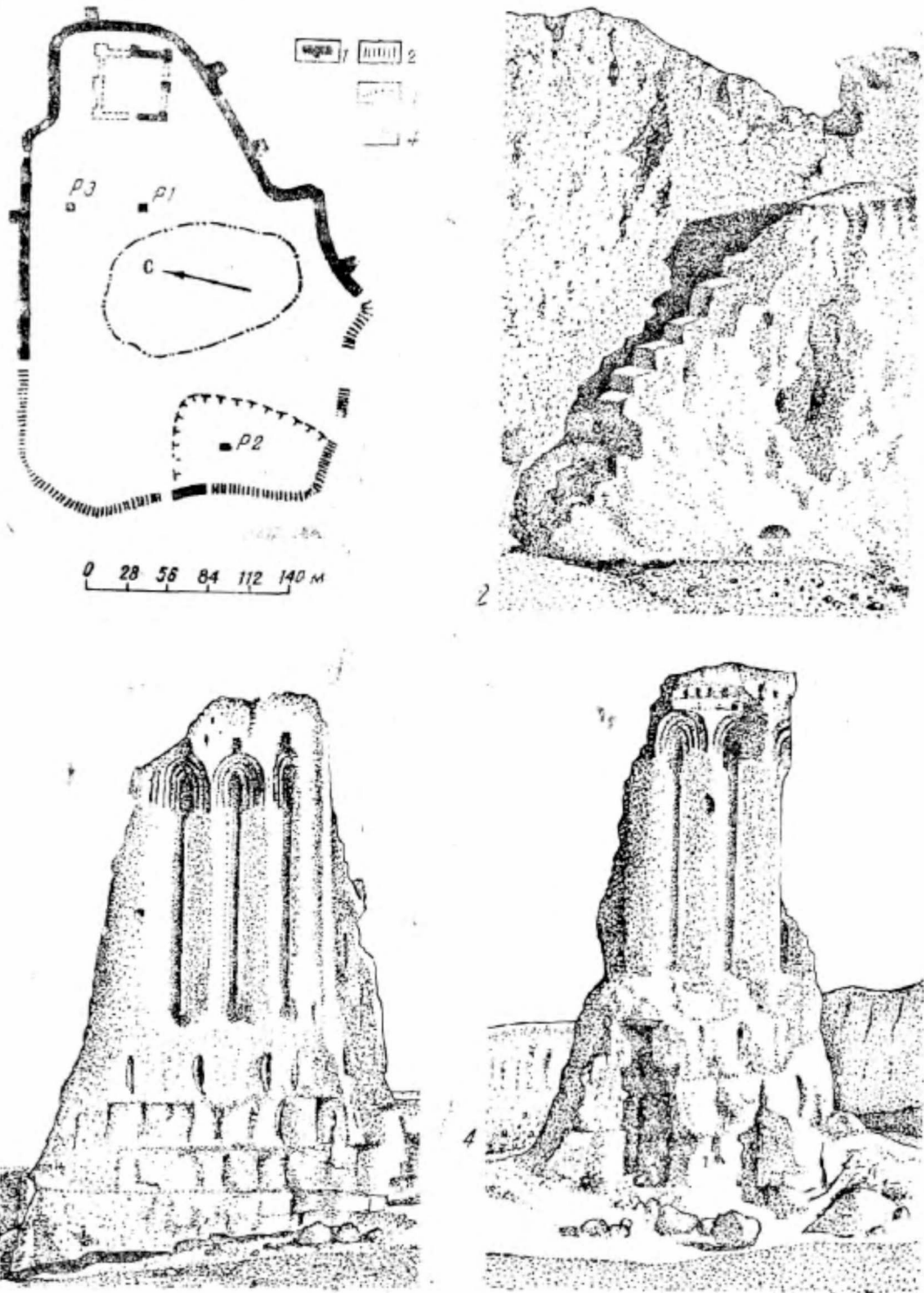

Рис. 1. Джанпык-кала

1 — схематический план:

1 — крепостная стена с башнями, 2 — разрушенные участки стен, 3 — границы современного кладбища; 4 — граница западной приподнятой части;

2 — лестница на южной стене;

3—4 — утолщения южной стены цитадели, украшенные сомкнутыми полуколоннами.

дами. Толщина стен по основанию (в местах проломов) равна 5,6—5,8 м, максимальная ширина по верху — 3,4—3,6 м. Внешние поверх-

ности стен имеют наклон к основанию 79° , внутренние — $87-88^\circ$. Поверху шла открытая стрелковая галерея шириной 2,8—3,0 м, защищенная снаружи бруствером шириной до 0,6 м.

На стрелковую галерею поднимались по лестницам, сделанным непосредственно на внутренней поверхности стен за счет их расширения. В восточной части городища на южной стене хорошо сохранилась лестница, имеющая 12 ступенек, ширина их колеблется от 0,2 до 0,4 м, высота равна 0,3—0,4 м (рис. 1, 2).

Стены, видимо, неоднократно ремонтировали. Пахсовые подпорки особенно хорошо прослеживаются на юго-восточной части городища. Весь юго-восточный угол отремонтирован глыбами камня на глиняном растворе. В ремонтных подпорках, высота которых достигает 4,5 м, попадаетесь значительное количество фрагментов сероглиняной средневековой керамики.

Во многих местах на внутренней поверхности стен имеются вытнутые по горизонтали ниши длиной 0,45—0,85 м, высотой 0,15—0,30 м и глубиной 0,20—0,32 м, реже отмечены ниши овальной формы размером в поперечниках $0,50 \times 0,46 \times 0,34$ м. Никакой закономерности в их расположении не наблюдается.

Большое значение в обороне отводилось башням и изгибам стен, которые давали возможность флангового обстрела. Сохранились шесть башен, отстоящих друг от друга на 70 м и более, такие же промежутки между башнями и углами поворотов стен. Указанное расстояние между башнями, вероятно, позволяло вести активные оборонительные действия.

В плане башни имеют трапециевидную форму. По краю верха башен проходит, как и на стенах, бруствер шириной 0,6 м. Ширина башен на уровне стрелковой галереи равна 4,8 м, длина — 7,25 м, по основанию соответственно — 8,4 и 9,05 м.

Близкие по форме башни укрепляют стены городищ Кят [12, с. 52; 13, с. 113], древнего Миздахкана [14, с. 191], Кызыл-калы [15, с. 123, рис. 65], Шемаха-калы. Только в башне, расположенной на восточной стене, имеется внутрибашенное помещение на уровне материка длиной 4 м, шириной 1,6 м и высотой 2,42 м. Остальные башни сплошные.

Въезды в город, вероятно, были в западной части. Один из них находился в северной стене и служил, в частности, выходом на кладбище. Он был отгорожен со стороны Амударьи каменной дамбой длиной около 84 м. Въезд, видимо, защищался находящейся здесь полуовальной башней или Г-образным изгибом стены. Вторые ворота могли находиться в южной стене и были обращены к Амударье и ее потокам.

В восточной, наиболее возвышенной части городища на одиннадцатиметровую высоту поднимался прямоугольник стен, построенных из пахсовых блоков. Блоки высотой 0,8—0,9 м были положены ровными горизонтальными рядами. Длина южной стены равна 62,9 м. Северная стена не сохранилась. Восточная стена прослеживается на протяжении 31,7 м, а западная — на 40 м. На высоте 1,3—2 м от основания в стенах имеются две прослойки камыша толщиной 5—6 см, разделенные одним рядом сырцового кирпича размером $38 \times 38 \times 11$ см.

В Хорезме камыш использовался против действия солей, в частности, на цитадели Гяур-калы Ходжелийской, относящейся к рубежу XI—XII вв. [14, с. 197; 15, с. 551—581], в мавзолее Халифа Ережеп в комплексе древнего Миздахкана [16, с. 39, 41, рис. 2]. Применялся камыш для гидроизоляции и в более позднее время [17, с. 48].

На высоте 4,6 м от основания западная стена украшена сомкнутыми полуколоннами диаметром 1 м. На восточной стене, обращенной к крепостной, гофрировка отсутствует. В средней части этой стены имеется утолщение протяженностью 6,2 м, выступающее по срав-

нению с остальной частью стены на 1 м. Расстояние от него до утолщения на юго-восточном углу составляет около 20 м.

Аналогичные утолщения стен длиной около 6,6 м отмечены и на южной стене цитадели, они толще по сравнению с остальной стеной на 0,9—1,0 м и украшены сомкнутыми полуколоннами (рис. 1, 3—4). На высоте 9 м гофры попарно венчались ступенчатыми перспективными арочками. Об устройстве верхней части стен говорить трудно в силу их плохой сохранности.

Обработка стен сомкнутыми полуколоннами была распространена в Средней Азии в V—VIII вв. [18, с. 36, 45; 19, с. 131—142; 20, с. 87—88]. Однако этот принцип обработки стен применялся и в более позднее время, вплоть до начала XIII в. [21, с. 61—62; 19, с. 216—218].

В Хорезме аналогиями являются цитадель XI—XII вв. Миздахкана [14, с. 191], цитадель Дэв-Кескена [22, с. 52—54, рис. 15], время возведения которой не определено, многие постройки XII—начала XIII в. в Каваткалинском оазисе [5, с. 160, табл. 61—63], городища Наиб-кала и Кыз-кала [5, с. 154—168], караван-сарай X—XIII вв., Мешекли в южном Хорезме. На трех последних памятниках гофрами украшены только башнеобразные утолщения по углам и в середине стен.

Вход или въезд в цитадель находился, вероятно, в середине западной стены. Ширина его в настоящее время равна 5 м. Для определения истинной длины западной и восточной стен важное значение имели обмеры восточной стены. Если наше предположение о том, что башнеобразное утолщение находилось именно в середине стены, правильное, то общая длина восточной стены будет равна около 58 м и она будет состоять из трех выступов по 6 м, расстояние между которыми равно около 20 м. Площадь цитадели в этом случае, по уточненным данным, равна 62,9×58 м.

Толщина стен цитадели в основании — 1,75 м, а на высоте 11 м — около 0,8 м. Для создания большей прочности на разных высотах в пахсу положены бревна диаметром 0,15—0,20 м и длиной до 3—4 м.

На юго-западном углу на высоте 7—8 м от основания сохранились бревна, концы которых заложены в разные стены. Использование бревен для укрепления стен широко применялось в строительстве в Хорезмском оазисе еще в недалеком прошлом [17, с. 50].

На внутренней поверхности восточной стены сохранились остатки гнезд балок перекрытия, свидетельствующие о двухэтажной постройке. Эта же стена была украшена нишами полуэллиптической формы. На высоте 5 м сохранилось 6 ниш высотой около 0,9 м и шириной около 0,65 м. Ниши, занимающие центральное положение, имеют полусферическую форму, ширина их около 0,4 м.

Постройки с нишами известны в Хорезме как на левом, так и на правом берегах Амударьи [22, с. 281, рис. 93; 23, с. 258, рис. 167; 24, с. 87—88, 92; 25, с. 56] и датируются хорезмшахским периодом. К этому же времени относятся здания с нишами в Султан-кале [26, с. 206—215; 19, с. 218—219] и в старом Термезе [28; 27, с. 142—143].

Назначение зданий с нишами — объект научной полемики [19, с. 218—219; 22, с. 282].

В золотоордынское время в Хорезме, по данным Ибн Батуты, ниши украшали стены жилищ знатных горожан. Приемная ургенчского хазн Абу Хафса Омара ал-Бекри была украшена «разостланными коврами, стены обиты сукном и со множеством углублений; а в каждом углублении — серебряные сосуды и иракские кувшины».

В самой высокой части городища, в непосредственной близости от крепостной стены расположен дворец или цитадель, подобным образом построены цитадели на Кыз-кале [28, с. 30], на Миздахкане [14, с. 190], на Дэв-кескене [22, рис. 14—15]. Культурный слой в цита-

дели, как и во всей восточной части памятника, смыт до выхода горных пород.

Середина городища занята современным казахским кладбищем. В этом месте толщина культурного слоя достигает более метра. Западная оконечность несколько приподнята над окружающей местностью. Пространство между кладбищем и приподнятой западной частью полностью смыто неоднократными разливами Амударьи.

Для выяснения стратиграфии и хронологии в разных частях городища заложены раскопы 1—3. Раскоп 1 площадью 160 м² находится в средней части памятника. В процессе раскопок выявлены 3 этапа одного хронологического периода.

К первому периоду относится ташна размером 1,3×2,8—3 м в юго-западном углу раскопа. В отдельных местах сохранилась выкладка из жженных кирпичей размерами 28×28×4 см и 25×25×4 см, положенная на песчаную подсыпку. Скальный грунт покрыт слоем плотной глины, которая выравнивала поверхность, изолировала от холода и сырости и являлась I полом, здесь найдены лишь сосуд-очаг в центральной части раскопа и стены в северо-восточном углу. Культурный слой над полом имеет бурый цвет, плотный, с многочисленными вкраплениями солей белого цвета. II пол находился выше первого на 0,20—0,25 м. Слой над ним толщиной до 0,15—0,25 м содержит значительное количество органических остатков (стебли растений, овечий навоз). Со II пола до материка пробито несколько хозяйственных ям разного диаметра.

Ко второму периоду обживания относится стена, ограничивающая раскоп с южной стороны, сложенная из обломков жженого, сырцового кирпичей и сланцевых плиток, она сохранилась на высоту 0,45—0,65 м. Основная масса керамики происходит из верхнего слоя. В нем много скорлупы грецкого ореха, косточек абрикосов и персиков, семян дыни, обрывков кожи, тканей грубого плетения, веревок, фрагментов дерева со следами спилов.

Раскоп 2 площадью 74,6 м² заложен юго-восточнее останца на западной стене. Раскопаны 4 помещения (рис. 2). Помещения 1 и 2 (раскопки 1971 г.) на первом этапе составляли одно целое, так как стена между этими помещениями поставлена на культурный слой толщиной около 0,15 м, состоящий из плотного желтовато-зеленоватого слоя навоза. К этому же периоду относится яма 5 в юго-западной части раскопа.

Во второй период возведены все стены в описываемых помещениях. В отдельных местах стены поставлены на специально выложенные подкладки из фрагментов керамики. Среди них преобладают ручки кувшинов, невысоко поднимающиеся над горловинами. Подкладками под стены служили также крупные камни. Со II пола вырублены в материковом грунте хозяйственные ямы 1 и 2 глубиной 0,85—0,95 м. В это время строились выкладки из камней у юго-западной стены помещения 2 и из жженого кирпича у юго-западной стены в помещении 1.

В северо-западной стене западного угла помещения 1 отрыта ниша шириной 0,26—0,28 м, высотой и длиной 0,6 м, боковые стороны ее обложены жженным кирпичом (28×28×4 и 25×25×4 см). Пол ниши наклонен в юго-восточную сторону. В яме под выходным отверстием находилось, видимо, истлевшее зерно. Кирпичный лоток с наклоном, вероятно, служил для засыпки зерна из одного помещения в другое. Культурный слой над полом рыхлый, темно-бурого цвета, с большим количеством органических веществ, белых комочков солей и мелких кусочков кирпича. Его толщина — 0,40—0,55 м.

III пол. Стена между помещениями 1 и 2 к этому времени перестала функционировать и помещение опять, как на уровне I пола, стало одним целым. К юго-западной стене пристроена подпорка из пахсы и камней. Вырыты ямы 3 и 4. Культурный слой над III полом содержит много золы и плотнослежавшихся стеблей растений. По

цвету он отличается от культурного слоя над вторым полом. III пол датируется медной монетой Джанибека 749 г. х. (1348—1349 гг.).

Отмеченные три пола в помещениях 1 и 2 относятся к одной исторической эпохе, верхняя граница которой определяется, вероятно, указанной монетой.

В восточном углу помещения 2 под юго-восточной стеной и в западном углу помещения 1 под юго-западной стеной обнаружены верх-

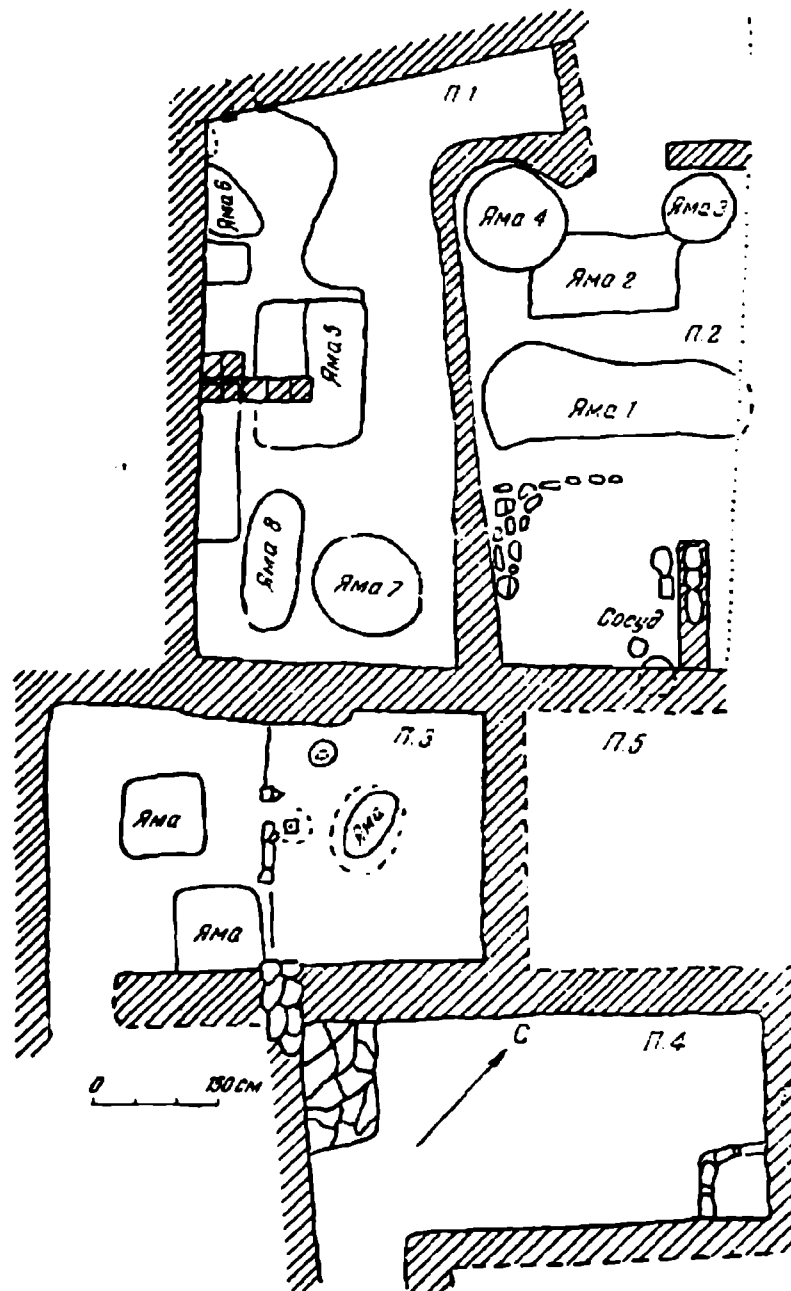

Рис. 2. Гордище Джэнык-кала. Раскоп 2, план.

ние части хумчей IX—XI вв. Однако слой IX—XI вв. в помещениях 1—2 не обнаружен.

Помещения 3—4 (раскопки 1973 г.) отличаются размерами от помещений 1—2.

Помещение 3 размером 5,25—5,30×3—3,25 м вытянуто с северо-востока на юго-запад. Юго-восточная стена построена из камней и пахсы, а остальные — из пахсы. В основание стен положены 1 или 2 ряда камней на глиняном растворе. К северо-западной стене при-

ставлена подпорка из камней на глиняном растворе. Юго-западная часть пола приподнята над северо-восточной на 0,2 м и является суфой. Ее край обложен частично камнями, положенными на растворе.

В центре помещения расположена ташнау. Тальковая плитка прямоугольной формы с отверстием в середине закрывала стоящий под ней кувшин с выбитым дном.

На суфе имеются две ямы прямоугольных очертаний размерами 0,95×0,95 м и 1×1 м. У северо-западной стены в небольшой ямке обнаружен кувшин, поверхность которого покрыта черным ангобом. На I полу перед суфой у юго-восточной стены найдены 23 рифленые бусины из голубого стекла и 2 бусины из кашина, покрытые голубой поливой. Вход находился в южном углу помещения.

Помещение 4 отделено от помещения 3 стеной шириной 0,5—0,6 м. Проход шириной 1 м находился в южном углу. Западный угол занят подпоркой под стену, построенной из камней (1,55×0,8 м). В восточном углу из камней построен заком размером 1,0×0,75 м. Пол помещения ровный. На всю высоту сохранившихся стен он заполнен слоем с большим содержанием соломы, веточек растений и т. д. В процессе раскопок в помещениях 1—4 найдены значительное количество сероглиняной керамики, обрывки кожи, тканей, костей рыб, фрагменты дерева, косточки персиков, семена дыни, коробочка хлопка и сверток бересты.

Раскоп 3 площадью 150 м² заложен у северной стены, где вскрыты три помещения одного дома и прилегающая к нему территория.

Помещение 1 размером 4,6×3,7 м оказалось жилым. К западной стене пристроена суфа шириной 0,9 м с керамическим очагом типа тандыра диаметром 0,70—0,75 м. Его стенки толщиной около 2 см прокалены докрасна, дно очага ровное и выложено плоскими плитками камня. В центральной части помещения находился керамический очаг подковообразной формы диаметром по верху около 0,25 м, по низу — около 0,35 м. Прямоугольная предочажная яма размером 0,7×0,6 м вытянута с запада на восток. У восточной стены выявлена поглотительная яма (ташнау), обложенная по краю половинками жженого кирпича. В юго-западном углу — небольшой заком. Это помещение связано с центральным коридором (помещение 2) размером 4,5×4,5 м. Вдоль южной стены пристроена суфа шириной 0,9 м и высотой над полом 0,30—0,35 м, по краю обложенная жжеными кирпичами размерами 28×28×4 см и камнями. На суфе 2 заглубленного очага диаметром 0,5 м.

В северной стене имелись 2 прохода: в северо-западном углу (ширина 0,95—0,98 м) и в северо-восточном (ширина 1,0 м) в помещении, оставшиеся нераскопанными.

С запада к центральному коридору примыкало проходное помещение 3 (5,9×2,4 м), боковые части которого были заняты суфами, края их обложены плитками обтесанного камня и жженого кирпича. Ширина прохода в западной стене — 1 м, в восточной — 0,95 м.

На полах всех помещений отмечены следы пожара. Внешние стены помещений возведены из песчаниковых плит на глиняном растворе, внутренние — из пахсы.

Раскоп 4 (работы 1978—1980 гг.) заложен у южной стены городища, восточнее современного кладбища. До раскопок казалось, что культурный слой в этом месте не сохранился, так как вся поверхность была покрыта слоем щебня. Однако при расчистках и раскопках оказалось, что стены и культурный слой смыты неполностью, в материковых ямах сохранился культурный слой.

В настоящее время по отдельно стоящим частям стен трудно понять первоначальную планировку, к тому же уровень полов различный, что связано с наклоном поверхности. Сильное разрушение культурного слоя вплоть до его полного смыва объясняется деятельностью дождевых вод.

На данном раскопе впервые удалось найти потревоженные слои XII — начала XIII в., не отмеченные нами ранее на других раскопах, хотя материалы этого времени уже встречались.

Керамический материал с городища относится к двум историческим эпохам — античности и средневековью.

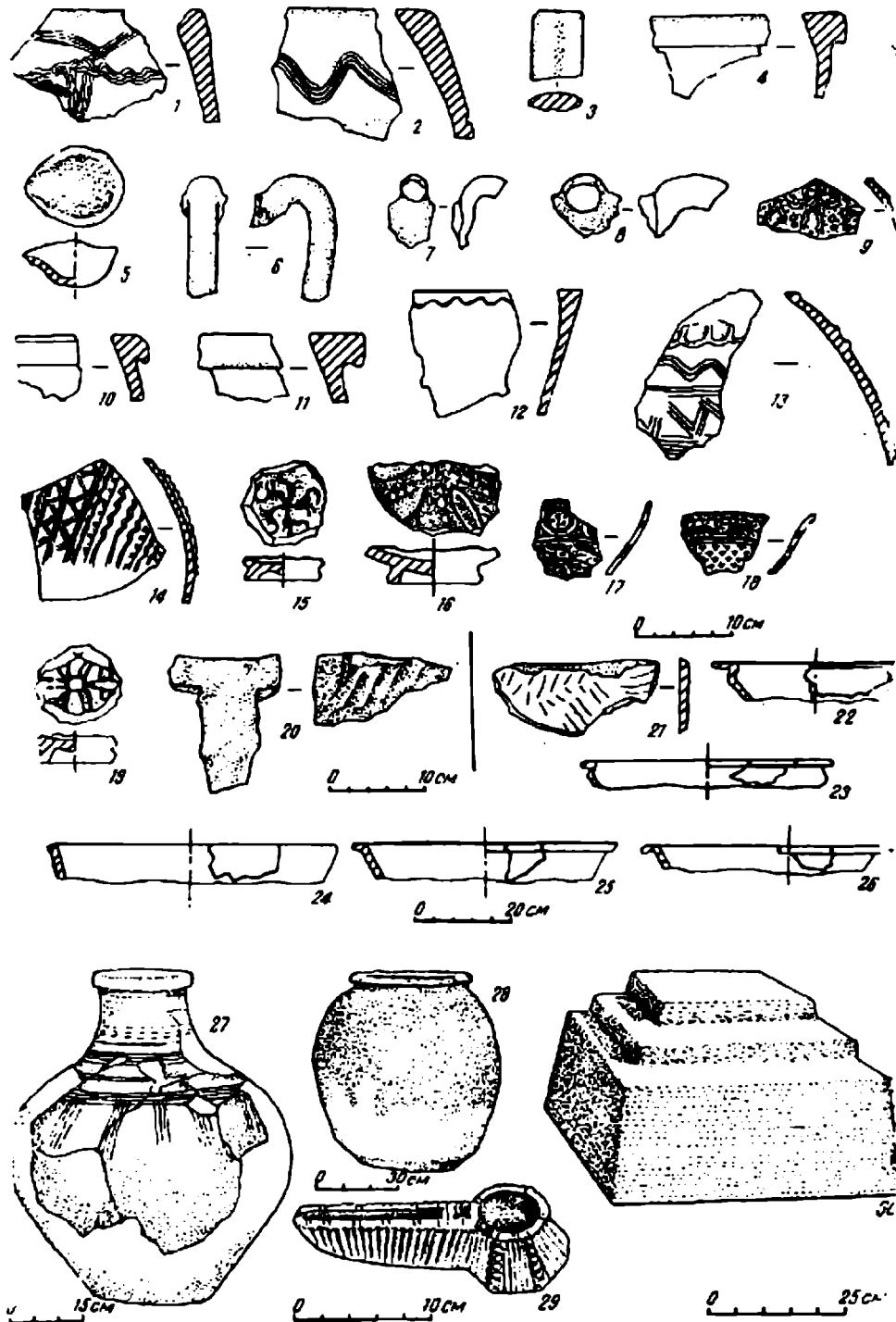

Рис. 3. Городище Джанлык-кала. Керамика и каменные изделия.

Коллекция наиболее ранней посуды незначительна. Сосуды этой группы изготовлены из глиняного теста, принявшего при обжиге ровный красноватый оттенок. На фрагментах керамики, найденных на I раскопе в переотложенных слоях, имеется выпуклый валик на пле-

чихах и следы красного ангоба. Такие детали характерны для посуды Хорезма IV в. до н. э.— I в. н. э. [29, с. 91—95].

Более многочисленна керамика, относящаяся к средним векам.

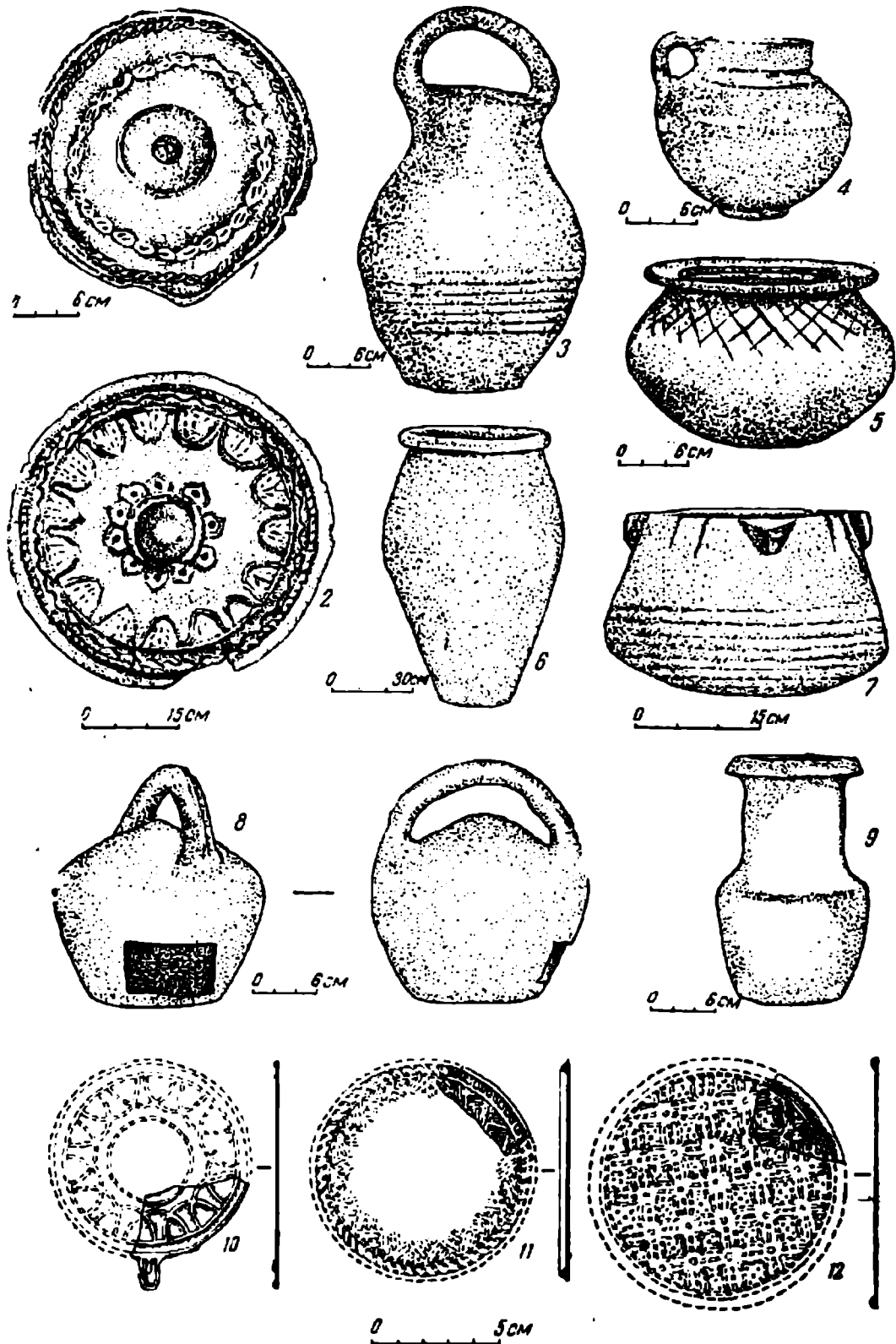

Рис. 4. Городище Джанпък-кала. Керамические, каменные и бронзовые изделия.

В подъемном материале и на 2 раскопе встречены сосуды IX—XI вв. Датирующими являются пластинчатые ручки водоносных кувшинов (рис. 3, 3), горшки с прорезным орнаментом, светло- и красноглиня-

ные хумы с прямой или немного стянутой внутрь горловиной. Поверхность этих хумов украшена разнообразным прочерченным орнаментом в виде дуг, волнистых линий и различных завитков (рис. 3, 12) [30, с. 276—278, рис. 1; рис. 8, 1; рис. 2, 4, 6, 9, рис. 18, 8—9; 31, с. 396; 32, с. 90—91, рис. 22; 12, с. 53]. Среди керамики этого времени следует выделить несколько фрагментов лепной посуды, на поверхности которой имеются грубо проведенные вертикальные полосы, образующие вертикальное рифление. На фрагментах венчиков есть вдавления. Тесто грубое, с большим количеством шамота. Подобная керамика характерна для Кердера и происходит, в частности, с городищ Хайван-кала, Ток-кала и других из слоя IX—XI вв. [33, с. 139; 34, с. 92—93].

Посуда хорезмшахского времени наиболее полно представлена в материалах раскопа 4.

Кроме широко известных форм хумов (рис. 4, 6), водоносных кувшинов, чаш, мисок и т. д. отмечены сосуды, менее известные по публикациям.

1. Крышка хумчи или жаровни диаметром 25,5 см (рис. 4, 1) с треугольным выступом на краю имеет в разрезе усеченно коническую форму. Ее венчает круглая ручка с конической вершиной. По краю крышки проходит выпуклый валик. Поверхность украшена по кругу налепной полосой с пальцевыми вдавлениями и полосой вдавлений, намеченных острой палочкой. Снаружи она покрыта черным ангобом.

2. Форма для изготовления крышек хума. Диаметр—0,51 м (рис. 4, 2). Изготовлена из глиняного теста с большим содержанием дресвы. По краю формы проходят 2 выпуклых валика с косыми насечками. В центре—выступ полусферической формы, окаймленный выпуклым валиком с косыми насечками. К нему примыкают выпуклые валики, имеющие форму полуовала, в середине которых находятся сквозные отверстия. По краю формы полуовалы в виде выпуклых валиков, внутри которых нанесены насечки.

3. Кувшин высотой 0,4 м с круглой в сечении ручкой, которая прикреплена к венчику (рис. 4, 3). Горловина слегка сплюснута под основаниями ручки и имеет форму овала. Дно диаметром 12,5—13 см немного вогнутое. Сосуд изготовлен не на гончарном круге с песчаной подсыпкой. Подобные кувшины встречены в подъемном материале Миздахкана, где они, вероятно, относятся к XIII—XIV вв.

4. Горшок высотой 15,8 см с небольшим поддоном кольцевидной формы имеет ручку (рис. 4, 4), толщина стенок—около 2 мм. Изнутри и снаружи покрыт черным ангобом. Наружная поверхность отполирована. Выпуклый валик на плечиках украшен косыми насечками, под которым проходит полоса вдавлений в виде тупого угла. Нижнюю часть тулова опоясывают 6 прямых полос. Диаметр горловины—9,6 см, дна—6,9 см. Аналогичные сосуды известны в материалах Каваткалинского оазиса.

5. Горшок (высота 13 см, диаметр горловины 17,3, диаметр дна 12 см) с полочковидным венчиком украшен полосой взаимнопересекающихся под углом линий. Дно немного выпуклое (рис. 4, 5).

6. Фонарь (высота 20,2 см, диаметр дна 11,5—12 см) в нижней части тулова имеет прямоугольное отверстие размером 7,5×5,5 см, прорезанное до обжига (рис. 4, 8). Круглая в сечении ручка возвышается над туловом и имеет в вертикальной плоскости небольшой изгиб для удобства держания. Немного выше уровня основания ручки с одной стороны проколоты 3 сквозные отверстия. Фонарь найден вместе с небольшим светильником, имеющим петлевидную ручку и длинный носик. Он частично покрыт зеленой поливой. Аналогичный фонарь найден в Ташкентском оазисе [35].

7. Высокая горловина сосуда (высота 21,5 см, диаметр горловины 10,5 см, диаметр дна 10 см) через покатые плечики переходит в

небольшое тулово высотой около 10 см (рис. 4, 9). Дно слегка вогнутое, со следами песчаной подсыпки.

8. Хумча высотой 0,64 м с шаровидным туловом и узкой горловиной диаметром 17 см, украшена по плечикам и горловине линиями, нанесенными зубчатым штампом (рис. 4, 27). Покрыт черным ангобом. Близкий по форме сосуд известен с городища Аджибай на Устюрте [36, с. 262—264, рис. 82, 13].

9. Тальковый котел (диаметр горловины 25 см, высота 21 см) по верхнему краю имеет 4 выступа-упора. Между ними расположены небольшие выступы клиновидной формы длиной 4,5 см. Нижняя часть котла подправлена по кругу ножом. На внутренних и наружных поверхностях стенок сохранились следы обработки орудием типа кайла (рис. 4, 7).

Из талькового камня известен светильник длиной около 18 см с длинным носиком и шестиугольным в плане резервуаром, наружная поверхность его украшена прорезными линиями, а углы — взаимопересекающимися. Ручка отломана (рис. 3, 29). Аналогичный светильник, но не орнаментированный, известен по материалам Каваткалинского оазиса (дом 9) [37].

В подъемном материале с городища найдено большое количество изделий из талькового камня, которое не всегда удается четко отнести к той или иной исторической эпохе. Среди этих находок отметим следующие.

1. «Ковш» диаметром около 12 см с небольшой ручкой и массивными стенками (рис. 3, 20). Аналогичные изделия известны с месторождений талькового камня Казантау в Султануиздаге и с городища Кават-кала [37]. По мнению Л. Б. Когана, такие «ковши» в силу хорошей огнеупорности талькового камня могли использоваться в качестве тиглей при обработке железа и других производствах, связанных с высокими температурами. Однако не исключено и другое его назначение.

2. Фрагмент диска диаметром 36 см и толщиной 1,8 см сохранял следы обработки орудием типа стамески, ширина рабочей части которой равна 1,6 см (рис. 3, 21). Возможно, он предназначался в качестве приставного дна котла при ремонте, что очень часто фиксируется при раскопках, или крышки сосуда.

Обнаружение на городище большого количества изделий из талькового и жернового камня незаконченной обработки, мелких кусочков кварца с примазками бирюзы, пород различных камней свидетельствует о том, что жители этого населенного пункта занимались горным промыслом, доведением до товарных кондиций поступающих к ним с месторождений полуфабрикатов и обогащением полудрагоценных камней.

Среди каменных изделий нельзя не упомянуть о базе колонны из серого султануиздагского мрамора (рис. 3, 30), ее размеры по основанию 51,5×51,5 см, высота — 35 см. Она найдена в верхних слоях западной части городища. Подобной формы базы неоднократно находили в Хорезме и во всех случаях они относятся к различным историческим периодам [38, с. 146, рис. 3; 39, с. 359—360, рис. 6—7; 40, с. 44—48, рис. 2, 6].

Из такого же мрамора изготовлена плита в выкладке пола помещения 3 дома 43 Каваткалинского оазиса [41, с. 54]. Серый мрамор широко применялся для изготовления различных архитектурных деталей (базы, капители, колонны) и бытовой посуды в античности [42, с. 210—212; 43, с. 143—144] и в XVIII—XIX вв. [17, с. 93—96].

Наиболее полно на памятнике представлены материалы XIII—XIV вв. Как и в предшествующий период, широко были распространены хумы яйцевидной формы с полочковидными венчиками [30, с. 302—304, рис. 19, 20; 44, с. 79, рис. 3, в-Г].

Хум (рис. 3, 28), найденный на мусульманском кладбище, види-

мо, следует отнести к менее распространенным типам. Его максимальная высота — 0,7 м, диаметр тулова — 0,5 м, а горловина — 0,42 м, изготовлен из глиняного теста с большим содержанием дресвы. Наружная поверхность покрыта черным ангобом. Аналогии неизвестны.

Экземпляры кувшинов многочисленны, они различной величины с приземистым туловом и невысоко поднимающейся над горловиной круглой в сечении ручкой. Плечики украшены прочерченными до обжига прямыми или волнистыми линиями, наклепными жгутами с поперечными вдавлениями (рис. 3, 6—8, 13—14). Подобной формы кувшины — частая находка на памятниках Хорезма золотоордынского времени [45, с. 187, рис. 11; 30, с. 304, рис. 21, 3—4, рис. 22; 44, с. 77, рис. 2, в-3-4].

Среди поливной керамики преобладают фрагменты чаш на кольцевом поддоне, изготовленных из светлой глины хорошего качества. Изнутри они расписаны полихромной подглазурной росписью теплых тонов (рис. 3, 16, 19). При росписи применены зеленая, белая и светло-коричневая краски. Дно одной из чаш украшено изображением пяти дерущихся петухов (рис. 3, 15).

Сосуды из кашина встречаются в подъемном материале и в керамике из раскопов. Посуда этого типа украшена сине-зеленой росписью по светлому фону. Отдельные элементы орнамента выделены рельефом. Роспись нанесена с двух сторон.

Среди изделий из кашина на памятнике отмечено значительное количество сосудов, покрытых синей краской и черной росписью (рис. 3, 17—18).

Очень редко в подъемных материалах встречались фрагменты кашинных изделий, покрытых бесцветной глазурью с проколами, выполненными техникой так называемого «рисового зерна». Такая керамика встречена на хорезмийских городищах Замах-шар, Ярбекир, Шемахакала и др. [30, с. 342]. За пределами Хорезма аналогичные сосуды найдены в городах южного Туркменистана и датируются в пределах XII—XIV вв. [26, с. 100; 46, с. 403, 416]. В городах Золотой Орды подобные сосуды были широко распространены в XIV в. [47, с. 148; 48, с. 247—254; 49, с. 122; 50, с. 78, рис. 2, б].

Светильники (рис. 3, 5) имеют вид небольшой площадки, один край которой оттянут в слив, изготовлен он из тщательно приготовленного теста, приобретшего при обжиге серый цвет. Близкие по форме светильники бытовали в Хорезме IX—XI вв. [30, с. 294, рис. 16, 5—6]. Аналогии нашему светильнику известны, например, с городища Миздахкан, где он датируется XIII—XIV вв.

Среди металлических изделий можно отметить фрагменты 3 бронзовых зеркал диаметром 8—10 см и толщиной 0,1 см с выпуклым валиком по краю. На обратной стороне по краям нанесен геометрический орнамент в виде переплетающихся полуокружностей, косых насечек, заштрихованных треугольников и четырехлепестковых розеток (рис. 4, 10—12). Аналогичные зеркала найдены в Хорезме на некрополе древнего Миздахкана [51, с. 105, рис. 49], на городище Шемахакала [45, с. 178, 181], на сельских поселениях близ Шахрлика [24, с. 150, 157], на памятниках низовий Сырдарьи [23, рис. 183, 5] и Поволжья [52, с. 78, рис. 13—14; 53, с. 246, 262, рис. 9—10], на каравансараях Устюрта [54].

Бусы преобладают кашинные с бирюзовой поливой цилиндрической формы с большими отверстиями, из голубой стеклянной пасты с продольным рифлением. Находки бус из камня единичны. Найдены единичные экземпляры крупных пастовых бус с наклепными круглыми цилиндриками, украшенных по белому фону коричневыми ресничками. Аналогичные бусы бытовали в золотоордынское время в Хорезме [45, с. 189, рис. 16].

Большое количество фрагментов кожи свидетельствует о хорошо развитом кожевенном производстве. По письменным источникам, Хо-

резм являлся экспортером кожи с X в. [55, с. 202]. В более позднее время в Хорезм из Нижнего Поволжья в большом количестве ввозили древесную кору для дубления кож [56, с. 151]. Об экономических связях свидетельствует и обнаруженная береста, которую могли ввозить из Волжской Болгарии или Руси. Свертки бересты известны также из раскопок Куны Ургенча [57, с. 528], Шемаха-калы [58] и Айаты.

Дата последнего периода обживания памятника определяется по нумизматическому материалу. Среди подъемного материала обнаружена серебряная монета Узбека 71(9) г. х. — (1319—1320 гг.) и медные — Джанибека 746 (1345—1346 гг.) — 747 г. х. — (1347—1348 гг.).

Есть основание предполагать, что жизнь в населенном пункте продолжалась до первых разрушительных походов Тимура на Хорезм. Дальнейшие раскопки, несомненно, позволят уточнить хронологические рамки жизни населенного пункта.

Таким образом, в настоящее время невозможно связать керамику античного периода с какими-либо постройками. Дворец и крепостные стены возникли в IX—XI вв. Однако слоя этого времени на городище пока не обнаружено. Раскопки слоев этого времени, несомненно, имели бы важное значение для восстановления данного периода в истории Хорезма, который до последнего времени изучен недостаточно.

В XIV в. вся территория внутри стен интенсивно обживалась, что отразилось на сохранности более ранних стен и культурных слоев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вамбери А. Очерки Средней Азии. М., 1868.
2. Барбот-Марни Н. П. Через Мангышлак и Устюрт в Туркестан.— Тр. Арало-Каспийской экспедиции, вып. 6, Спб., 1899.
3. Роскикова А. Е. По Аму-Дарье от Петро-Александровска до Нукуса.— Русский Вестник, т. 281 (октябрь), Спб., 1902.
4. Вактурская Н. Н., Воробьева М. Г. Хроника работ Хорезмской экспедиции АН СССР.— ТХАЭЭ, т. 1, М., 1952.
5. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
6. Архив отдела археологии ИИЯЛ КК ФАН УзССР, ф. 7, оп. 1, д. 6.
7. Маньлов Ю. П. Археологические памятники Султанунздага эпохи античности и средневековья.— АКД. Ташкент, 1972.
8. Маньлов Ю. П., Ходжайов Т. К. Средневековый мавзолей Джанпых-кала.— ВКФ, 1972, № 2.
9. Маньлов Ю. П. Раскопки городища Джанпых-кала.— АО—1973, М., 1974.
10. Маньлов Ю. П. Сигнальные башни Султанунздага.— ВКФ, 1966, № 3.
11. Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.— ТХАЭЭ, т. 2, М., 1958.
12. Маньлов Ю. П. К изучению городища Кят.— ВКФ, 1966, № 2.
13. Маньлов Ю. П. Городище Кят.— ОНУ, 1973, № 7—8.
14. Ягодни В. Н. К изучению топографии и хронологии древнего Миздахкана.— В сб.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
15. Якубовский А. Ю. Городище Миздахкан.— ЗКВ, т. 5, Л., 1930.
16. Гражданкина И. С. Строительные материалы мавзолеев Миздахкана.— В кн.: Архитектурное наследие Узбекистана. Ташкент, 1960.
17. Маньковская Л., Булатова В. Памятники зодчества Хорезма. Ташкент, 1978.
18. Нильсен В. А. Архитектура Средней Азии V—VIII вв. Ташкент, 1966.
19. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры южного Туркменистана эпохи рабовладения и феодализма.— ТЮТАКЭ, т. 8, М., 1958.
20. Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.
21. Пялявский В. И. Гофрированные постройки Средней Азии.— Архитектура СССР, 1941, № 5.
22. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
23. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
24. Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.).— ТХАЭЭ, т. 9, М., 1976.
25. Вишневецкая О. А. Археологические разведки на средневековых поселениях левобережного Хорезма.— МХЭ, вып. 7, М., 1963.
26. Асилов Т., Лунина С. Б. К вопросу о назначении средневековых зданий типа «каптар-хана».— ТЮТАКЭ, т. 14, Ашхабад, 1969.
27. Шишкин В. А. К исторической топографии старого Термеза.— Труды УзФАН СССР, сер. 1. ТАКЭ, 1936, Ташкент, 1940.
28. Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950.
29. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода.— ТХАЭЭ, т. 4, М., 1959.

30. Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.).— ТХАЭЭ, т. 4, М., 1969.
31. Неразник Е. Е. Археологическое обследование городища Куняуз в 1952 г.— ТХАЭЭ, т. 2, М., 1958.
32. Дьяконов М. М. Керамика Пайкенда.— КСИИМК, № 28, М.—Л., 1949.
33. Гудкова А. В. Ток-кала. Ташкент, 1964.
34. Ягодин В. Н. Городище Хайван-кала — раннесредневековый Кердер.— В сб.: Археологические исследования в Каракалпакии, Ташкент, 1981.
35. Протоколы заседаний Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент, 1908.
36. Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент, 1978.
37. Фонды Государственного музея искусств Каракалпакской АССР.
38. Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобля М. С. Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр I в 1958 г.— МХЭ, вып. 6, М., 1963.
39. Рапопорт Ю. А. Трудниковская С. А. Городище Гяур-кала.— ТХАЭЭ, т. 2, М., 1968.
40. Манылов Ю. П. Работы на городище Пиль-кала в 1963 г.— ОНУ, 1965, № 3.
41. Неразник Е. Е., Савицкий И. В., Манылов Ю. П. Раскопки в зоне средневекового канала Гавхорэ в 1971 г.— ВКФ, 1975, № 4.
42. Манылов Ю. П. Мраморные архитектурные детали из Султануздага.— СА, 1975, № 3.
43. Койкрылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.—IV в. н. э.— ТХАЭЭ, т. 5, М., 1967.
44. Ягодин В. Н. Маршрутные археологические исследования в левобережной части приаральской дельты Амударьи.— МХЭ, вып. 7, М., 1963.
45. Вактурская Н. Н. О раскопках 1948 года на средневековом городище Шемаха-кала Туркменской ССР.— ТХАЭЭ, т. 1, М., 1952.
46. Пугаченкова Г. А. Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв.— ТЮТАКЭ, т. 1, 1949.
47. Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976.
48. Булатов Н. М. О трех гончарных печах Селитренного городища.— СА, 1976, № 1.
49. Булатов Н. М. Классификация поливной керамики золотоордынских городов Поволжья и Северного Кавказа. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1969.
50. Шляхова В. И. Керамика с кобальтовой росписью в Золотой Орде.— СА, 1980, № 4.
51. Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.
52. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
53. Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг.— СА, 1964, № 1.
54. Манылов Ю. П. Археологические исследования караван-сарая центрального Устюрта.— В сб.: Археология Приаралья, вып. 1, Ташкент, 1982.
55. Ал-Макидиси. Асхан-Такасим фирмарифат ал-ахалим.— МИТТ, т. 1, М.—Л., 1939.
56. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950.
57. Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки квартала XV—XVII вв. на городище Таш-кала.— ТХАЭЭ, т. 2, М., 1958.
58. Архив Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. Шемаха-кала, 1948.

М. МАМБЕТУЛЛАЕВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК КАЛМЫККРЫЛГАН

Могильник находится в 1,5 км к юго-востоку от поселка Манаха, на землях колхоза «Правда» Хорезмской области. Границы могильника не поддаются точному определению, так как значительная часть его распахана. Сохранившаяся площадь могильника составляет около 2 га. На поверхности и вокруг могильника в изобилии встречаются фрагменты жженных кирпичей, человеческие кости, зафиксированы также фрагменты темно-серых чаш и кувшинов, близких тем, которые выпускали хорезмийские мастера в XII—XIII вв.

Площадь раскопа разбивалась на квадраты со стороной 200 см, стороны ориентированы по странам света. Раскопки и документация велись поквратно и послонно, а затем индивидуально по каждому отдельному погребению.

Раскоп заложен на сильно выровненной бульдозером поверхности холма, возвышающегося над уровнем окружающей местности на

0,7—1,2 м. Раскопки произведены на глубину до 1,27 м. Вскрытая толща представлена глинисто-песчаным перекопанным грунтом с белыми вкраплениями. В этом слое на площади 128 м² вскрыто 58 погребений (рис. 1, а).

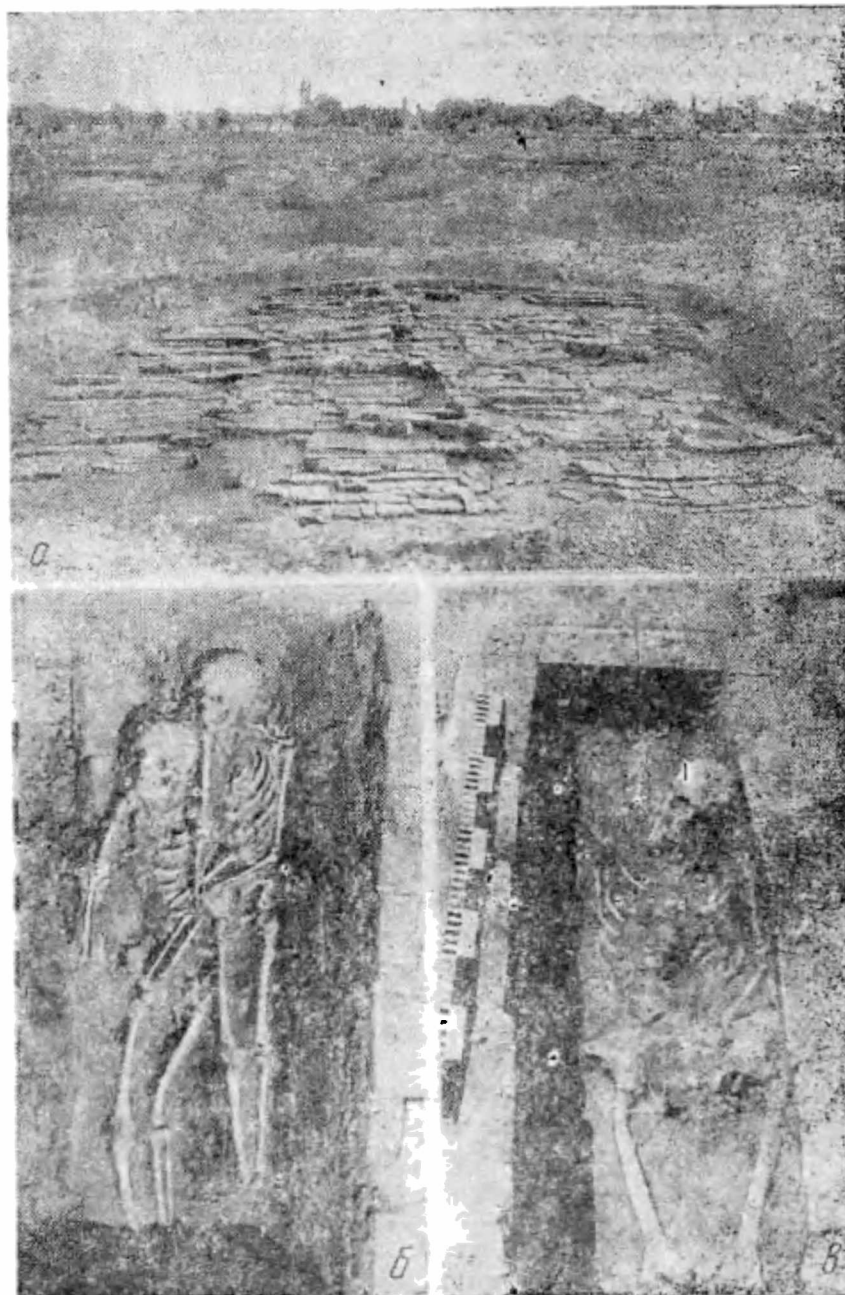

Рис. 1 Общий вид раскопа Калмыккрылгап. Погребение № 23 после вскрытия, тип I (б) и № 9 после вскрытия, тип III (в).

Описание исследованных погребений

Погребение № 1. Совершено в погребальной камере, размеры 180×32×40 см. Боковые выкладки состоят из пяти жженных кирпичей, уложенных ребром, хорошо подоогнанных друг к другу, размеры 36—38×46—48×3—5 см. На дне погребальной камеры находился человеческий костяк, лежавший на спине, головой на запад, костями лица чуть повернут на юг. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута, кисть уложена на тазе. Ноги вытянуты. Под костяк также уложены жженные кирпичи размером (36×46×3—5 см).

Погребение № 2. Захоронение совершено в погребальной камере, образованной путем обкладки боковых стен подпрямоугольной в плане ямы размером 162×32×37 см. Сверху камера перекрывалась жженым кирпичом (36×42×4—6 см). Погребенный лежал на спине, головой на запад, костями лица на юг. Ноги вытянуты. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте, кисть находится в области таза. Под костяк уложены жженные кирпичи размером 36×38×6 см. В области шеи обнаружено 9 экз. бус из гагата.

Погребение № 3. Щелевидная погребальная камера размером 181×32×37 см со всех сторон обложена квадратным жженым кирпичом размером 25×27×4—6 см. Сверху камера была перекрыта жжеными плитами размерами 36×52—56×5 см. На дне камеры лежал человеческий костяк на спине вытянуто, головой на запад. Около шейных позвонков обнаружено 15 стеклянных разноцветных бус.

Погребение № 4. Захоронение совершено в погребальной камере размером 193×36×33 см. Камера по бокам обложена двумя рядами квадратных жженных кирпичей размерами 24×25—26×3—4 см. Сверху камера имела перекрытие из 6 жженных кирпичей размером 37×49×4—5 см. Костяк лежал на правом боку вытянуто, головой на запад, костями лица на юг. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте, кисти в области таза. Между ногами обнаружена железная цепочка.

Погребение № 5. Погребение, ориентированное восток—запад, совершено в погребальной камере размером 146×45 см. Камера по бокам обложена жженым кирпичом. Южная часть обкладки камеры состоит из трех рядов, северная — из одного ряда кирпичей (33×187×3 см). Западная торцовая часть камеры тоже обложена половинками жженого кирпича. Сверху камера перекрывалась плитами размером 50×32×4—6 см, общая длина перекрытия 124 см. Костяк лежал на спине, черепом на запад, с вытянутыми ногами и руками, на груди лежал скелет ребенка. В погребении найдены 2 сердоликовые бусины — одна призматическая, семигранная, другая — битрапецеидальная.

Погребение № 6. Захоронение в погребальной камере, обложенной с боковых сторон жженым квадратным кирпичом размерами 24,5—27×24—27×4—5 см. С запада и востока камера выложена половинками кирпичей в один ряд. Костяк ориентирован черепом на запад и лежал на спине, вытянуто, кисти левой руки с правой стороны.

Погребение № 7 частично перекрывает погребение № 6. Сильно разрушено. Ширина камеры 42 см, обложена с боков половинками жженных кирпичей. Костяк лежал почти на современной дневной поверхности. Отсутствуют череп и бедренная кость левой ноги.

Погребение № 8. Захоронение совершено в погребальной камере размером 190×36×41 см, сверху было перекрыто плитой из жженого кирпича размером 54×34×5—6 см. С запада погребение ограждено вертикально стоящей плитой из жженого кирпича указанного размера, возвышающейся над перекрытием на 7 см. Аналогичное ограждение имеется в восточной части. По бокам камера обложена обломками жженных кирпичей, положенных в 1—2 ряда. Костяк лежал на спине в правильном анатомическом порядке с вытянутыми ногами и руками, черепом ориентирован на запад. На указательный палец правой руки были одеты два бронзовых перстня, хорошо сохранившиеся.

Погребение № 9 (рис. 1, в). Захоронение совершено в погребальной камере размером 192×56×20 см, обложенной со всех сторон жжеными кирпичами (36×47×3—5 см). Перекрытие провалилось. Погребенный лежал на спине, головой на запад, лицом вверх.

Погребение № 10. Сверху камера была перекрыта плитой размером 48—49×35×5—6 см. Часть перекрытия провалилась. Погребальная камера размером 187×37×39 см по бокам была обложена половинками жженных кирпичей. Костяк был ориентирован черепом на за-

пад, лежал на спине, вытянуто. Левая рука слегка согнута в локте. Концы длинных костей ног обрублены при совершении погребения № 8.

Погребение № 11. Захоронение совершено в погребальной камере размером 181×52×44 см, по бокам обложенной квадратным жженым кирпичом размерами 26×27×3—4 см. Сверху камера перекрыта плитой 36×52—54×5—6 см.

Человеческий костяк лежал на дне камеры на правом боку, черепом на запад. Лицевая часть черепа обращена на юг. Правая рука вытянута вдоль тела, левая слегка согнута, кисти в области таза. Ноги вытянуты. Дно камеры было выложено такими же плитами, как и перекрытие.

Погребение № 12. От перекрытия сохранились обломки жженных кирпичей, рухнувшие внутрь камеры (размером 180×32×23 см). Боковая обкладка от камеры сохранилась только с северной стороны в западной части. Обкладка лежит в один ряд и состоит из половинок и обломков жженных кирпичей. У изголовья вертикально поставлены обломки кирпичей. Погребенный лежал на спине, черепом на запад, вытянуто. Кисть левой руки лежала на бедренной кости левой ноги.

Погребение № 13. Захоронение совершено в погребальной камере размером 111×36×37 см. Перекрыто двумя плитами размерами 48—52×36×3—5 см. На дне камеры находился скелет подростка на правом боку. Ноги слегка согнуты в коленях.

Погребение № 14. Погребальная яма размером 192×58×38 см обложена со всех сторон половинками жженных кирпичей. Скелет ребенка лежал на дне камеры, вытянуто, головой на запад.

Погребение № 15. С боковых сторон погребение ограждено вертикально стоящими кирпичами размерами 38×50×26 см. В обкладке использованы квадратные жженные кирпичи и их обломки. Погребенный лежал на спине, головой на запад, лицом вверх. Руки и ноги вытянуты.

Погребение № 16. Погребальная камера размером 226×30×4 см с боковых сторон обложена половинками жженных кирпичей. На дне камеры на спине лежал человеческий костяк черепом на запад, вытянуто, костями лица вверх. Правая рука вытянута вдоль тела, кисть левой руки лежит в области таза. При снятии костей обнаружена одна стеклянная бусина.

Погребение № 17. Захоронение совершено в погребальной камере размером 162×42 см. Скелет ребенка лежал на спине, головой на запад, лицом вверх, вытянуто. Перекрывал погребения № 13, 23.

Погребение № 18. Боковые стороны погребальной камеры размером 234×42×20 см обложены четырьмя рядами жженных квадратных кирпичей (28×28×4 см). На дне камеры лежал человеческий костяк, на спине, головой на запад, лицом вверх. Правая рука вытянута вдоль тела, левая слегка согнута. В области шеи найдены 2 бусины из гешира и подвеска из черной пасты с бронзовыми петельками для подвешивания. На одну сторону подвески нанесен сложный орнамент, на нижней стороне прочерчен знак. Скелет женский, старческого возраста.

Погребение № 19. Совершено в погребальной камере, размером 200×48×27 см. Сверху камера была перекрыта кирпичами размерами 29×50×4—5 см. Камера, видимо, была обложена сырцовым кирпичом, но в сыром грунте он не различим. На дне камеры находился костяк, лежавший на правом боку, головой на запад, лицом на юг. Правая рука вытянута вдоль тела, левая — полусогнута в локте, кисть ее положена на правое бедро. Под черепом найдены парные серьги в виде колечка, на которые нанизана бусина.

Погребение № 20. Погребальная камера размером 163×45—48×15 см с боковых сторон обложена половинками жженных кирпичей. Костяк лежал почти на современной дневной поверхности, на спине,

головой на запад, костями лица вверх, вытянуто. Перекрывал погребение № 21.

Погребение № 21. Погребальная камера размером 160×38×30 см с боков ограждена квадратными жжеными кирпичами, на которых лежало перекрытие, оно слегка провалилось. Размеры кирпичей от перекрытия 31—34×51—54×4 см. Боковые обкладки из половинок жженого кирпича положены в 2—3 ряда. Под половинки жженого кирпича положены 2 ряда сырцовых кирпичей. Костяк лежал на правом боку, головой на запад, лицом на юг. Ноги слегка согнуты в коленях. Перекрыто погребением № 20.

Погребение № 22. Погребение совершено в погребальной камере (размеры 126×36×20 см), сверху перекрытой 6 жжеными плитами размером 31×51×4 см, которые лежали на боковых обкладках из половинок жженого кирпича. У изголовья вертикально уложены жженные кирпичи указанных размеров. С востока погребение ограждено половинками жженных кирпичей. Погребенный лежал на правом боку, головой на запад, лицом на юг. Руки вытянуты вдоль тела, ноги слегка согнуты в коленях. Около коленной чашечки лежал шейный позвонок, а два ребра находились около бедренных костей.

Погребение № 23 (рис. 1, б). Совершено в погребальной камере размером 187×88×68 см, перекрытой погребением № 3. Перекрытие и обкладки погребения отсутствуют. На дне ямы находились два скелета. Правый лежал на 20 см ниже левого. Оба лежали на правом боку, головой на запад, лицом на юг. Руки и ноги вытянуты. Под правым костяком до уровня тазовой кости уложены жженные кирпичи размерами 35×36×5 см. Между ног у левого костяка обнаружены фрагменты бронзовых изделий.

Погребение № 24. Скелет ребенка потревожен, раздавленный череп лежал лицом вниз. Конструкцию погребального сооружения определить не удалось.

Погребение № 25. Погребальная камера размером 90×30×28 см имела обкладку из сырцового кирпича, из-за плохой сохранности установить размеры их не удалось. Сверху яма была перекрыта двумя жжеными кирпичами размерами 32×33×5 см. На дне камеры на спине, вытянуто, головой на запад, лежал скелет ребенка.

Погребение № 26. Погребальная яма размером 85×31×25 см обложена половинками сырцовых кирпичей, сверху была перекрыта тремя жжеными плитами размерами 42×32×5 см. На дне ямы находился скелет ребенка, на правом боку, ноги слегка согнуты в коленях. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте.

Погребение № 27. Погребение нарушено. Над погребением в беспорядке лежали семь жженных кирпичей размерами 25—27×25—27×4 см. Погребение совершено в погребальной яме, которая вытянута с запада на восток. Боковые выкладки ямы сложены из четырех рядов половинок жженных и сырцовых кирпичей. Костяк не сохранился.

Погребение № 28. Погребение нарушено. Совершено оно в погребальной яме размером 187×37×15 см. Яма, видимо, была ограждена с боковых сторон выкладкой из сырцового кирпича. Перекрытие не сохранилось. Костяк лежал на спине, головой на запад, лицом на юг, близко к дневной поверхности, поэтому сохранность его плохая. Ноги вытянуты. Бедренная кость левой ноги отсутствует. Вероятно, рука была положена на грудь, так как фаланги пальцев лежали около лучевой кости правой руки.

Погребение № 29. В погребальной камере размером 192×40×17 см перекрытие отсутствовало. Костяк слегка повернут на правый бок, лежал вытянуто, головой на запад, лицом на юг. Перекрыто погребением № 30.

Погребение № 30. Погребальная камера размером 191×32×28 см со всех сторон обложена вертикально поставленными жжеными плитами размерами 50×36×5 см и их половинками. Сверху камера была

перекрыта аналогичными плитами. На дне камеры лежал костяк головой на запад, лицом на юг. Руки положены на таз. Перекрывал погребение № 29.

Погребение № 31. Боковые обкладки погребальной ямы были из половинок сырца, сохранились частично только на южной стороне. Перекрытие не сохранилось. Костяк лежал на правом боку, головой на запад. Череп лицом повернут к югу. Правая рука при захоронении была положена под спину.

Погребение № 32. Погребение нарушено. Совершено в погребальной яме. По фрагментам кирпича видно, что яма была обложена сырцом. Костяк лежал почти на поверхности, на правом боку, головой на запад, лицом на юг. Череп раздавлен. Кости правой руки отсутствуют, ноги слегка согнуты.

Погребение № 33. Захоронение совершено в камере, перекрытой плитами, размерами $49 \times 34 \times 5$ см, которые опираются на обкладки из жженого кирпича ($29 \times 29 \times 4$ см). Перекрытие провалилось в камеру шириной $43-45$ см. На дне камеры лежал костяк ребенка, который занимал $1/2$ часть камеры. У северной стены за костями левой ноги лежала большая берцовая кость другого костяка, который при совершении погребения ребенка был сдвинут в западный угол камеры.

Погребение № 34. Захоронение совершено в яме размером $87 \times 40 \times 28$ см. Для перекрытия использованы жженные плиты размерами $58-48 \times 38 \times 4-5$ см. На дне ямы лежал скелет ребенка головой на запад. Правая рука вытянута вдоль тела, левая слегка согнута в локте, кисти лежали в области таза.

Погребение № 35. Захоронение совершено в камере размером $260 \times 42 \times 26$ см. Перекрытие осуществлено шестью плоскими жжеными кирпичами $53-56 \times 36 \times 4-5$ см. На дне камеры лежал на спине человеческий костяк, вытянуто, черепом на запад, костями лица вверх. Перекрыто погребением № 36.

Погребение № 36. Захоронение совершено в камере размером $210 \times 54 \times 19$ см, боковые стенки которой обложены 3 рядами жженных кирпичей ($36 \times 52 \times 5$ см). В обкладке использованы половинки жженных кирпичей размером $25 \times 11-13 \times 4$ см. Костяк лежал на спине, вытянуто. Перекрывал погребение № 35.

Погребение № 37 разрушено.

Погребение № 38. Захоронение совершено в камере размером $177 \times 46 \times 33$ см, боковые стенки которой обложены поставленными на ребро жжеными кирпичами размером $50 \times 36 \times 4-5$ см. Перекрытие провалилось внутрь камеры. В камере человеческий костяк лежал на спине вытянуто, головой на запад, костями лица вверх. Руки вытянуты, ноги лежат одна на другой.

Погребение № 39. Захоронение совершено в камере размером $238 \times 67 \times 43$ см. Боковые стенки камеры на высоту 52 см обложены обломками жженных кирпичей. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на запад, лицом на юг.

Погребение № 40. Захоронение совершено в погребальной камере размером $72 \times 28 \times 15$ см. Перекрытие осуществлено двумя жжеными кирпичами размером $36 \times 37 \times 5$ см. Для обкладки камеры использованы обломки жженных кирпичей. На дне камеры на правом боку, вытянуто, головой на запад, костями лица на юг, лежал костяк ребенка. Перекрывал погребение № 41.

Погребение № 41. Захоронение совершено в камере размером $130 \times 40 \times 16$ см, боковые стенки ее обложены сырцовыми кирпичами, перекрытие не сохранилось. На дне камеры лежал человеческий костяк на спине, вытянуто, головой на запад, костями лица вверх. Перекрыто погребением № 40.

Погребение № 42. Захоронение совершено в погребальной камере $182 \times 38 \times 24$ см, боковые стенки на высоту 12 см обложены обломками жженных кирпичей. Перекрытие не сохранилось. В камере находился

человеческий костяк, лежавший на спине, вытянуто, головой на запад, костями лица на юг.

Погребение № 43. Захоронение совершено в погребальной камере $88 \times 27 \times 23$ см. Перекрыто двумя жжеными плитами размером $49 \times 30 \times 5$ см, которые упираются на обкладки из жженого кирпича. На дне камеры лежал скелет ребенка головой на запад, лицом на юг. Руки вытянуты, ноги широко раскинуты. Правая нога слегка согнута. Большая и малая берцовые кости отсутствуют.

Погребение № 44. Боковые стенки погребальной камеры размером $62 \times 28 \times 18$ см обложены обломками жженных кирпичей. Перекрытие отсутствует. В камере находился скелет ребенка, лежавшего на спине, вытянуто, головой на запад, костями лица вверх.

Погребение № 45. Захоронение совершено в погребальной яме размером $182 \times 79 \times 35$ см. Боковые стенки ямы на высоту 20 см обложены жженым кирпичом.

В правой половине камеры на спине лежал вытянуто скелет ребенка, головой на запад, лицом вверх. Судя по размерам камера рассчитана на парное захоронение.

Погребение № 46. Все стенки погребальной камеры размером $207 \times 42 \times 27$ см обложены жженым квадратным кирпичом размерами $25 \times 26 \times 3-4$ см. Человеческий костяк лежал на спине вытянуто, черепом на запад, костяком на юг. У изголовья найден фрагмент намогильника в виде резного жженого кирпича.

Погребение № 47. Сверху камера размером $187 \times 42 \times 37$ см перекрыта плитами размерами $54 \times 36 \times 5-6$ см. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на запад, костями лица вверх. Скелет потревожен при совершении погребения № 46.

Погребение № 48. Верхняя часть боковых стен разрушенной погребальной камеры размером $207 \times 36 \times 22$ см обложена 4 рядами половинок жженных кирпичей, костяк не сохранился.

Погребение № 49. Погребальная камера размером $80 \times 26 \times 20$ см была перекрыта 3 жжеными кирпичами размерами $30 \times 29 \times 4$ см. Обнаружен скелет ребенка, лежавшего на спине, вытянуто, головой на запад, костями лица вверх.

Погребение № 50. Боковые стенки погребальной камеры размером $192 \times 52 \times 38$ см на высоту 38 см обложены жжеными кирпичами размерами $36 \times 42 \times 5$ см. Скелет подростка лежал на правом боку, вытянуто, головой на запад, костями лица на юг.

Погребение № 51. Верхняя часть боковых стен погребальной камеры размером $220 \times 46 \times 42$ см обложена 3 рядами жженных кирпичей размером $26 \times 27 \times 3-4$ см. В камере человеческий костяк лежал на спине, вытянуто, головой на запад, костями лица на юг. Под костями уложены жженные кирпичи размером $27 \times 26 \times 3$ см. У изголовья погребения найден вертикально поставленный намогильник. Перекрыто погребением № 49.

Погребение № 52. Верхняя часть боковых стен погребальной камеры размером $202 \times 52 \times 32$ см обложена двумя рядами жженных кирпичей размерами $26 \times 27 \times 3$ см. В камере находился человеческий костяк, лежавший на спине, вытянуто, головой на запад, костями лица вверх. Перекрыто погребениями № 50, 53.

Погребение № 53. Боковые стенки погребальной камеры размерами $196 \times 42 \times 32$ см обложены поставленными на ребро жжеными плитами размером $50 \times 40 \times 4-5$ см. Костяк лежал на спине, головой на запад, костями лица вверх. Руки слегка согнуты, кисти уложены на тазе.

Погребение № 54. В погребальной камере размером $175 \times 43 \times 30$ см костяк лежал на правом боку, вытянуто, головой на запад, костями лица на юг. Перекрыто погребением № 53.

Погребение № 55. Верхняя часть боковых стен погребальной камеры размером $188 \times 42 \times 34$ см обложена жженым кирпичом размера-

ми 30×27×4 см. Перекрытие не сохранилось. На дне камеры лежал человеческий костяк на правом боку, черепом на запад. Под костяком уложены жженые кирпичи указанных размеров.

Погребение № 56. Захоронение совершено в погребальной камере размером 191×45×32 см. Перекрытие осуществлено шестью жжеными плитами размерами 50×32×5 см. Боковые стены камеры на высоту 32 см обложены жжеными кирпичами размерами 26×27×3 см. На дне камеры на спине, вытянуто, лежал человеческий костяк, головой на запад, костями лица на юг. У изголовья погребения найден намогильник.

Погребение № 57. Боковые стены погребальной камеры размером 210×32×34 см обложены поставленными на ребро жжеными кирпичами размером 52×36×4—5 см. Сверху камера перекрыта плитами указанных размеров. На дне камеры на правом боку, вытянуто, черепом на запад, костями лица вверх лежал человеческий костяк.

Погребение № 58. Захоронение совершено в погребальной камере размером 254×40×37 см. Боковые стены камеры обложены поставленными на ребро жжеными кирпичами 26×27×3 см. Перекрытие осуществлено шестью жжеными плитами 50—52×36—38×4—5 см. В камере на спине, вытянуто, лежал человеческий костяк, принадлежавший взрослому субъекту, головой на запад, костями лица на юг. Под костяком уложены жженые кирпичи размерами 36×27×3 см. Перекрыто погребением № 48. У изголовья найден намогильник.

КОНСТРУКЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КАМЕР, ОБРЯД ПОГРЕБЕНИЯ И ХРОНОЛОГИЯ

Из приведенного краткого описания исследованных погребений видно, что при внешнем единообразии по устройству погребальные камеры неодинаковы, можно выделить три типа погребений.

Тип I. Вскрыты десять погребений (рис. 2, 1). Это подпрямоугольные в плане щелевидные камеры, ориентированные длинной осью с востока на запад, размерами 175—260×37—70 см, глубиной 37—42 см. Дно некоторых камер выложено жжеными кирпичами размерами 35—36×36—38×3—6 см. Камеры перекрыты прямоугольными жжеными кирпичами, положенными плашмя, размерами 36—58×27—40×3—5 см. Почти все погребенные лежали на спине и на правом боку, в вытянутом положении, головой на северо-запад, кости лица повернуты на юг. Часто под голову был подложен кирпич. Подобные захоронения найдены на мусульманском кладбище в северной части городища Афрасиаб, где они датированы XI — началом XIII в. [1, с. 3].

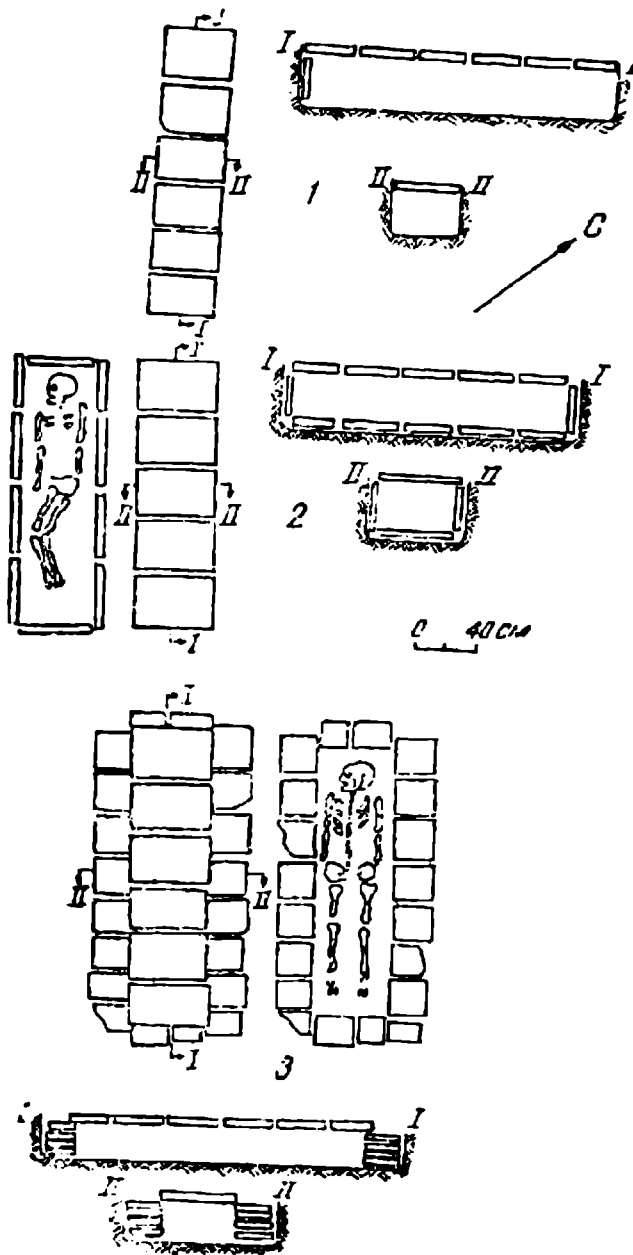
Труположения в грунтовых могилах и камеры с перекрытием из сырцового кирпича известны на некрополе Миздахкана. Этот тип (А—III—1/3) по устройству погребения с плоским перекрытием из сырцового кирпича напоминает устройство Калмаккрылганских погребений. В. Н. Ягодян датирует их второй половиной VIII—X вв. [2, с. 56, рис. 22, А]. В отличие от Миздахканских, Калмаккрылганские погребения перекрыты жжеными, а не сырцовыми кирпичами. Жженые кирпичи со стороной 26—32 см, толщиной 3—5 см применялись в погребальной практике Хорезма с XI в. Все это дает возможность определить хронологические рамки I типа — XI—XIII вв.

В женском захоронении № 2 в области шеи было обнаружено 9 бус из гагата. Их можно разделить на три типа: I — круглая с широким цилиндрическим каналом (рис. 3, в, 5, 13), II — с бочкообразными, остро срезанными краями (рис. 3, в, 6) и последняя — грушевидная с цилиндрическими каналами (рис. 3, в, 11, 14).

Круглая бусина из гагата отмечена в подъемном материале из Джанбас-калы [3, с. 108, 117]. Близкие по форме бусы найдены в Кават-кале (XII—XIII вв.) [3, с. 117]. Описанные формы бус найдены на памятниках XI—XIII вв. в Туркмении [4, с. 63, 64, рис. 1]. На Се-

верном Кавказе подобные бусы встречались в VI—IX вв. [5, с. 144, от-дел I, тип а, рис. 5, 35]. Описанные бусы, судя по аналогиям, имеют широкий хронологический диапазон, что не позволяет использовать их в качестве материала для датировки.

Тип II. К данному типу отнесены семь погребений (рис. 2, 2). Это прямоугольные камеры длиной 177—196 см, шириной — 32—50 см, глубиной 26—40 см.

Дно и стенки ямы обкладывали жжеными кирпичами, создавая как бы каменный ящик. В этой узкой камере осуществлялось захоронение в позе, описанной для I типа. Сверху камеры перекрывались горизонтально положенными керамическими плитками размерами 36—40×46—52×3—5 см. Возможно, прямоугольные плитки изготовлялись специально для погребений, аналогии их находят в некрополе Миздахкана, где они датируются XI—XII вв. [2, с. 20, Б]. Сходные типы плоских перекрытых ящиков известны в Семиречье, где они датируются XII — началом XIII в. [6, с. 34, 35]. Погребения же в «ящике» следует относить к тому же времени, что и погребения I типа, так как они находились в одном и том же стратиграфическом слое, имеют одинаковое труположение и ориентировку, почти одинаковые размеры кирпичей и перекрытий.

Тип III. Погребения этого типа встречаются на могильнике часто, их вскрыто 41 (рис. 2, 3). Этот тип захоронения отличается от предыдущих размерами кирпича, здесь иногда применяли и сыровые кирпичи. Захоронения совершались в щелевидных погребальных камерах, образованных путем обкладки нижней части боковых стен подпрямоугольной в плане могильной ямы, кирпичами размерами 27—47×26—52×3—6 см. В торцовых частях погребений вертикально устанавливали жженые кирпичи (как и в погребении II типа). Кирпичную кладку камеры иногда выводили над ямой. Перекрытие состояло из нескольких жженных кирпичей, положенных поперек боковых стен камеры. Кирпичи прямоугольной формы толщи-

Рис. 2. Типы погребений:

1 — погребение № 35. Тип. I. План и разрез; 2 — погребение № 53. Тип. II. План и разрез; 3 — погребение № 18. Тип. III. План и разрез.

леvidных погребальных камерах, образованных путем обкладки нижней части боковых стен подпрямоугольной в плане могильной ямы, кирпичами размерами 27—47×26—52×3—6 см. В торцовых частях погребений вертикально устанавливали жженые кирпичи (как и в погребении II типа). Кирпичную кладку камеры иногда выводили над ямой. Перекрытие состояло из нескольких жженных кирпичей, положенных поперек боковых стен камеры. Кирпичи прямоугольной формы толщи-

ной 3—6 см, шириной 32—47 см, длиной 47—57 см. Почти все костяки в погребениях этого типа лежали на спине или на правом боку в вытянутом положении, ориентация здесь та же, что и в предыдущих типах.

По конструкции, строительному материалу и обряду захоронения этот тип погребений ничем не отличается от типов А—II—2, исследованных в некрополе Миздахкана, где они по стратиграфическим данным датируются XIII—XIV вв. [2, с. 110]. Аналогичные типы погребений известны на некрополе Ток-калы (XIII—XIV вв.) [7, с. 49, рис. 5, б].

За пределами Хорезма сходные типы погребений обнаружены в среднем ярусе мусульманского кладбища в северной части Афраснаба. По стратиграфическим данным, они датированы XI—началом XIII в. [1, с. 111]. Аналогии этого типа встречаются в раннемусульманском кладбище Куйрыктобе (XI—XII вв.) [8, с. 88—89]. На могильнике не встречено сложных по исполнению надгробий или надмогильных сооружений, выполненных высококвалифицированными мастерами. Как известно, ортодоксальный ислам осуждает сооружение над могилой какого-либо надгробия. Тем не менее, на могильнике Калмыккрылган над погребениями № 46, 56, 58 обнаружены вертикально стоящие выточенные фигурные жженые кирпичи, которые, видимо, служили намогильниками. Аналогичные намогильники были установлены на погребениях типов А—I—1, А—II—1 (XIII—XIV вв.) на некрополе Миздахкана. Резные фигурные намогильники из жженных кирпичей использованы на средневековом кладбище Хурмузфарра в Мервском оазисе (XI—XII вв.) [9, с. 252, рис. 6].

Таким образом, по аналогиям погребения III типа датируются XII—XIV вв.; поскольку они часто перекрывали предыдущие типы, эту дату можно ограничить XIII—XIV вв.

В погребении № 18 найдена подвеска шестиугольной формы из черной пасты с бронзовыми петельками для подвешивания (рис. 3, в, 4) длиной 5,5 см, шириной 2 см, толщиной 1 см. На лицевой стороне имеются вертикально прочерченные параллельные линии, образующие три прямоугольника, верх которых покрыт геометрическим орнаментом в виде заштрихованных треугольников, которые имеются и по бокам подвески. На оборотной плоской стороне прочерчены несколько линий, на нижней стороне — знак, видимо, тамга. Сверху подвеска сильно залощена вследствие длительного пользования. Гагатовые подвески с острым нижним концом известны по античным памятникам Керченского полуострова [10, с. 154, табл. IV, 8, 19]. Подвески-амулетки ромбической формы найдены в кочевнических погребениях XI—XIII вв. в Южно-русских степях [11, с. 17]. Подвеска, видимо, служила украшением и имела магическое значение. По древним поверьям, подобный талисман защищал от зла и опасности, обеспечивал успех, приносил счастье [12, с. 312, 320].

В женском погребении № 8 в области пальцев правой руки найдены два бронзовых перстня (рис. 3, в, 1—2), один пластинчатый (рис. 3, в, 2), диаметром 15 мм и толщиной 3 мм. Подобные перстни обнаружены в подъемном материале Тешик-калы (VII—VIII вв.) [13, с. 142, рис. 84], а также на некрополе Миздахкана в погребении А—II—1, датированном XIII—XIV вв. [2, с. 106, рис. 49, 2]. В погребении № 19 под черепом найдены парные серьги в виде колечка, на которое нанизана бусина (рис. 3, в, 17). Серьги, подобные нашим, найдены на поселении Дарьялык-куль в слоях XII—XIII вв. [21, с. 105—107, рис. 60, 14].

В погребении № 3 около шейных позвонков лежали 15 разноцветных бус, из них 13 — шарообразной формы белого цвета (рис. 3, в, 15-а). Аналогичные бусы часто встречались на памятниках VI—IX вв. в юго-восточной Европе [5, с. 221, 222] и в слое VII—VIII вв. на городище Кува [15, с. 64]. Стекланные бусы аналогичной формы найдены

в столице древней Монголии Кара-Коруме (XIII—XIV вв.) [16, с. 113, табл. 1]. Аналогии другой бусины длиной 2 см и диаметром 4 мм грушевидной формы с черно-белыми глазками (рис. 3, в, 9) встречаются в юго-восточной Европе на памятниках VI—IX вв. [5, с. 226]. Сердоликовые бусины — длиной 7 мм, диаметр отверстия — 1 мм, одна призматическая, семигранная (рис. 3, в, 15, в), а другая — битрапещидальная (рис. 3, в, 16) обнаружены в погребении № 5. Сердоликовые бусы описанной формы — распространенный тип, известный в памят-

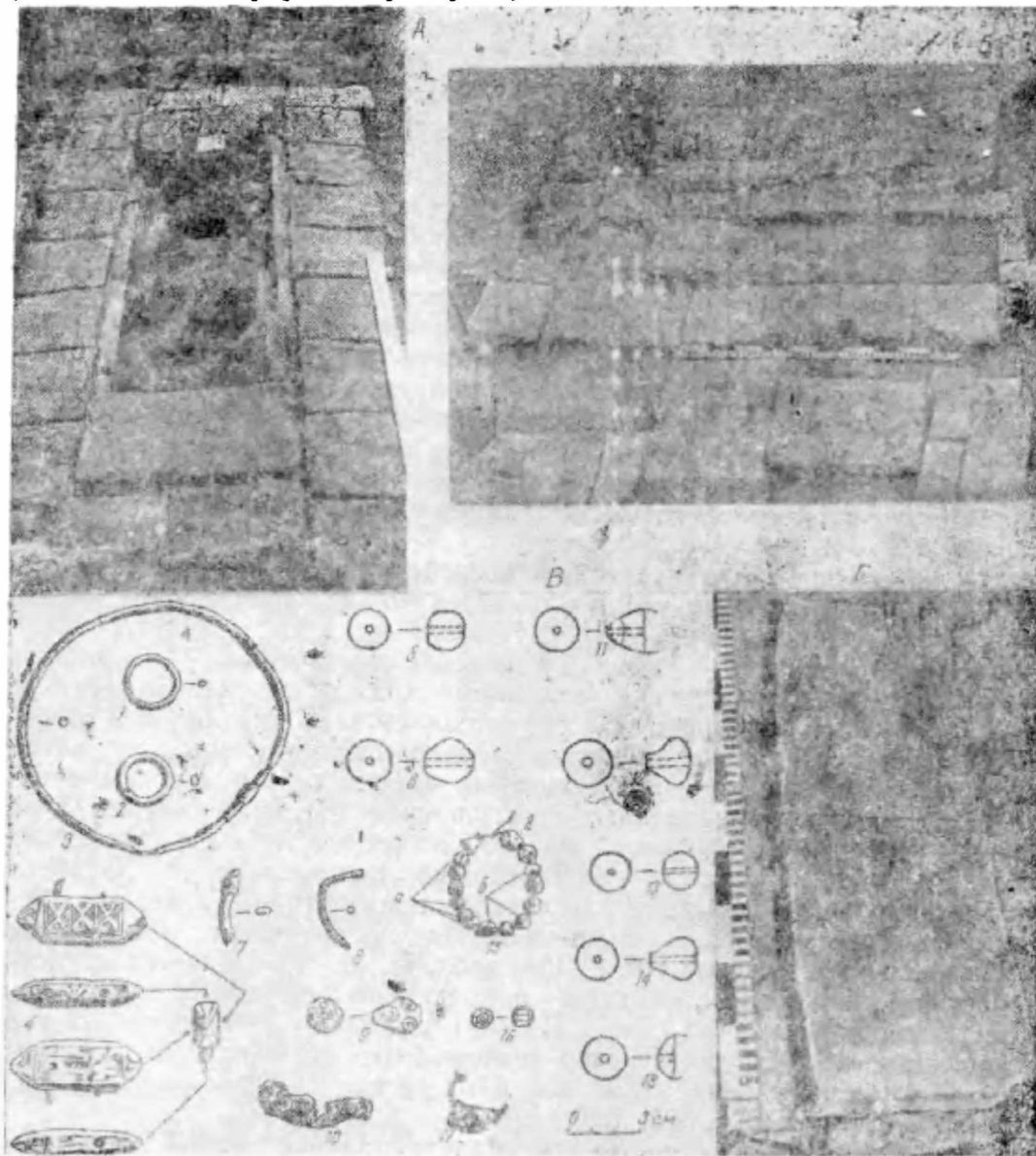

Рис. 3. Виды погребений до вскрытия. Погребальный инвентарь.

а — погребение № 50 (тип III); б — погребения № 4, 5 (тип III); в — перстни из погребения № 8 (1—2); гривна, находка вне погребения (3), подвеска из погребения № 18 (4); бусы из погребения № 2 (5—6, 11—14, 18); бусы из погребения № 3 (15); бусина из погребения № 5 (16); фрагмент цепочки железной, погребение № 4 (10); фрагменты бронзовых браслетов, находка вне погребения; серьга из погребения № 19 (17).

никах Туркмени V—VI и XII — начала XIII в. [18, с. 118, рис. 42, 1]. Подобные бусы обнаружены в памятниках VI—IX вв. Центрального и Восточного Предкавказья [5, табл. 4], в Хорезме известны в материалах городищ Топрак-кала [19, с. 123], Кават-кала [3, с. 108, 117], Шахрлик [20, с. 52, рис. 7, 17; 18, с. 52, рис. 7, 17, 18] и с поселения Дарьялык-куль [21, с. 104, рис. 58, 3]. Бронзовая шейная круглопроволочная и с утолщенными концами гривна, к сожалению, обнаружена вне раскопа (рис. 3, в, 3).

Описанные погребальные вещи имеют широкий ареал и хронологический диапазон, поэтому не могут служить надежным датировочным материалом, тем более в погребениях они представлены единичными экземплярами.

Таким образом, обнаруженный в погребениях инвентарь немногочислен. Ислам строго запрещал захоронение с покойником его личных вещей. Однако в средние века с погребенными мусульманами иногда клались различные предметы. Например, в захоронениях X—XIV вв. в некрополе Миздахкана у покойника обнаружен погребальный инвентарь — сосуд, перстень, бусы [2, с. 101—108].

В большинстве склепов ансамбля Шахи-Зинда (XIV—XV вв.) также найдена различная посуда [29, с. 134, рис. 8]. Этот пережиток доисламских погребальных обрядов в мусульманской среде в самых разных формах сохраняется на некоторых современных кладбищах Средней Азии [23, с. 107—113; 22, с. 123—124]. В Хорезме до сих пор существует обычай оставлять на могилах различную посуду. С пережитками домусульманских верований, очевидно, связано и наличие вещей в некоторых погребениях Калмыккыргана.

Ориентировка покойников на могильнике Калмыккырган очень устойчива. Строгое соблюдение ориентации большинства покойников головой на северо-запад обусловлено исламом.

В погребении № 5 типа III обнаружено захоронение с младенцем. Погребение № 45 предназначено для парного захоронения. Обнаруженный единственный костяк, лежащий на правом боку, находился на северной половине погребения. Южная половина погребения пустовала. Кроме того, обнаружены два костяка на дне могилы № 23 типа I, одинаково ориентированные, здесь отсутствуют признаки сдвигания скелетов. Однако уровень северного костяка на 20 см ниже южного, что может свидетельствовать о одновременности захоронения.

Таким образом, мы имеем факты парного захоронения в одной могиле двух-трех покойников. Этот обычай сохранился у узбеков Хорезма до наших дней [22, с. 147]. Несколько захоронений в одной и той же могиле не является местной особенностью Хорезма. Аналогичная традиция наблюдается в погребальном обряде таджиков [23, с. 86].

Некоторые погребения объединяются в комплексы. Погребения № 31—36, 44, 48, 50, например, пристроены друг к другу, ограждены небольшими стенками (высотой 29—33 см), сложенными из половинок жженных кирпичей, которые ограничивались одним прямоугольником. Ограждения могил родственников — явление довольно распространенное. Ограждения могил стенами встречаются и в других мусульманских могильниках, в частности на Ак-тепе [24, с. 221], в средневековом могильнике у городища Пулжай [25, с. 93]. Много огражденных погребений в Хорезме, где до сих пор распространен обычай хоронить родственников по отцовской линии в одном ряду (катор) в тесно пристроенных друг к другу могилах [26, с. 65—67].

Обычай захоронения умерших на родовом кладбище имеет аналогию и у некоторых других народов, сохранивших родоплеменное деление. Этот обычай, несомненно, связан с доисламским представлением о том, что души людей в загробном мире соединяются в такие же родственные и социальные группы, какие существовали на земле [27, с. 15]. Поэтому, где бы ни умер человек, его старались привезти на свое родовое кладбище.

У таджиков односельчанина называли товарищ по кладбищу, потому что, где бы ни пришлось человеку умереть, родственники обязательно привозили его тело, чтобы оно покоилось в родной земле [28, с. 97].

У каракалпаков и туркмен до сих пор покойников везут издалека, чтобы похоронить на кладбищах, принадлежавших мелким племенным подразделениям, родственников хоронят рядом, в результате чего на

кладбищах создаются отдельные семейные участки. Подобные участки выделяются и на исследованном нами средневековом могильнике Калмыккрылган.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брусенко Л. Г., Бурякова Э. Ю., Филанович М. И. К истории сложения мусульманского кладбища Афрасиаба.— В сб.: Афрасиаб, вып. 4, Ташкент, 1975.
2. Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.
3. Пташникова И. В. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма. — ТХАЭЭ, т. 1, М., 1952.
4. Дресвянская Г. Я. Бусы с городища Старого Мерва.— ТЮТАКЭ, т. 14, Ашхабад, 1969.
5. Деопик В. Б. Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв.— МИА, № 144, М., 1963.
6. Бернштам А. М. Древние города Чуйской долины.— Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина».— МИА, № 14, М.—Л., 1950.
7. Бижанов Е., Мамбетуллаев М. Раскопки некрополя Ток-калы в 1968 г.— В сб.: Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Ташкент, 1973.
8. Нурмуханбетов Б. Н. Раннемусульманское кладбище близ городища Кунрыктобе.— В сб.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974.
9. Пилипко В. И. Средневековое кладбище городища Хурмузафара в Мервском оазисе.— ТЮТАКЭ, т. 14, Ашхабад, 1969.
10. Алексеева Е. М. Классификация бус некрополя у деревни Ново-Отрадное.— МИА, № 155, М., 1970.
11. Плетнева С. А. Древности черных клубуков.— САИ, вып. Е1—19, М., 1973.
12. Семенов С. А. Из области воззрений мусульман Средней и Южной Азии на качество и значение некоторых благородных камней и минералов.— Мир ислама, т. 1, № 3, Спб., 1912.
13. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
14. Неразик Е. Е. Раскопки Якке-Парсана.— МХЭ, вып. 7, М., 1963.
15. Булатова В. А. Древняя Кува. Ташкент, 1972.
16. Левашева В. П. Бусы из Кара-Корума.— В сб.: Древнемонгольские города. М., 1965.
17. Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Мухамедиев А. Г. Археологические исследования царевного городища (Новый Сарай) в 1959—1966 гг.— В сб.: Поволжье в средние века.— МИА, № 164, М., 1960.
18. Атагарриев Е. Результаты раскопок на городище Чугондор (1967—1969 гг.).— КП, Ашхабад, 1970.
19. Трудновская С. А. Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-кала 1945—1948 гг.— ТХАЭЭ, т. 1, М., 1952.
20. Вактурская Н. Н. О средневековых городах Хорезма.— МХЭ, вып. 7, М., 1963.
21. Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). Из истории жилищ и семьи. Археолого-этнографические очерки.— ТХАЭЭ, т. 9, М., 1976.
22. Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
23. Литвинский Б. А. Курганы и Курумы Западной Ферганы. М., 1972.
24. Марков Г. Е. Средневековое кладбище Ак-тепе.— ТИИАЭ АН ТуркмССР. Ашхабад, 1958.
25. Ягодин В. Н. Маршрутные археологические исследования левобережной части Приаральской дельты.— МХЭ, вып. 7, М., 1963.
26. Снесарев Г. П. Большие семейные захоронения у оседлого населения левобережного Хорезма.— КСИЭ, вып. 33, 1960.

М.-Ш. КДЫРНИЯЗОВ

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ ХОРЕЗМА

Хорезм в средние века был одной из культурных областей Средней Азии. Наивысшего расцвета он достиг в период правления последних хорезмшахов Текеша (1147—1199) и Алауддин Мухаммеда (1200—1220). Во время монгольского владычества в Средней Азии, особенно в его начальный период, торговые связи Хорезма заметно сократились. В конце XIII—XIV вв. после создания централизованного государства монголов — Золотой Орды и вхождения большей части Хорезма в его состав стали вновь развиваться культурные и торговые связи Хорезма с соседними и отдаленными странами (рис. 1).

О наиболее ранних в эпоху средневековья связях свидетельствуют данные письменных источников и находки хорезмийских монет за пределами Хорезма. Так, на Северном Кавказе в районе современного Кисловодска найдена серебряная хорезмийская монета Савашфана, правившего в Хорезме в середине VIII в. [1, с. 188; 2, с. 4]. В VI—IX вв. через Хорезм на Кавказ и в Византию проходил знаменитый «шелковый путь», который начинался в городах Согда и Китая, проходил через низовья Амударьи, следовал по берегу Аральского моря и севернее Каспия выходил в дельту Волги, отсюда шел на Кавказ и в Причерноморье [3, с. 148, 155; 4, с. 72; 5, с. 44; 6, с. 140—144]. В результате на Северный Кавказ поступали согдийские, китайские шелковые ткани и среднеазиатские, в том числе хорезмийские, серебряные сосуды [7, с. 146—147]. Например, в Мошевой Балке, Хасауте близ Кисловодска найдены шелковые ткани, а в Азове и Дагестане — серебряные сосуды. Эти материалы свидетельствуют о связях хорезмийцев с Кавказом, Крымом и Византией. Значение данной торговой трассы сохранилось и в последующие эпохи.

Интенсивное развитие культурных связей Хорезма с Западом наблюдалось в первой половине XIV в., когда западноевропейские дельцы в поисках сбыта своих товаров посещали Хорезм. В результате в Хорезм попадали западноевропейские товары, о чем свидетельствует Франческо Пеголотти [8, с. 22]. В Хорезме найдены монеты, чеканенные в Азаке [9, с. 180, табл. 1]. По мнению А. М. Чиперяса, из Средней Азии, в том числе и из Хорезма, в XIV в. в Тану и Кафу вывозилась поливная керамика [10, с. 98, 99; 11, с. 27]. Арабский автор Ибн Арабшах писал, что «выезжали из Хорезма караваны на телегах спокойно, без страха, без опаски, вплоть до Крыма» [12, с. 460].

Хорезмийцы, как и другие среднеазиатские народы и племена, с древнейших времен поддерживали культурные и торговые связи с городскими центрами Поволжья и Южного Урала.

В домонгольское время Хорезм поддерживал с Восточной Европой не только экономические, но и политические связи. Восточные авторы свидетельствуют, что хорезмийцы находились в состоянии дружеского военного союза с Хазарией. Так, в 663 г. хазары приняли ислам в знак благодарности за военную помощь, оказанную им хорезмийцами [13, с. 36]. Была создана хорезмийская военная колония в Хазарии, члены которой активно участвовали в политической жизни хазарского кагана [14, с. 243], а хазары организовали в Хорезме свою колонию. Плано Карпини пишет, что накануне монгольского нашествия в составе христианской колонии Ургенча наряду с аланами, русскими были и хазары [15, с. 46].

Связи Хорезма с Восточной Европой прослеживаются по археологическим материалам. Хорезмийские изделия встречаются в культурных слоях памятников Волжской Булгарии. При исследованиях Муромского и Сухореченского селищ (Куйбышевская область) обнаружены сфероконусы, сумачи и фрагменты поливной посуды с бирюзовой, синей и бесцветной поливой с подглазурной росписью или без росписи и обломки других изделий, являющихся подражанием хорезмийской керамике [16, с. 40].

Интенсивные культурные связи между Хорезмом и Восточной Европой наблюдались в эпоху Золотой Орды. В течение двух веков хорезмийские города находились под властью золотоордынских ханов. Строителями монгольских центров на Волге были болгарские, иранские, закавказские, крымско-византийские, русские и хорезмийские ремесленники. Мастера Хорезма участвовали в создании керамической школы столиц Золотой Орды и городов Северного Кавказа (маджар). А. Ю. Якубовский [17, с. 28—48], Л. П. Матвеева [18, с. 218—227], Н. С. Гражданкина, Э. В. Ртвеладзе [19, с. 127—139] выявили, что отдельные типы изразцов керамики нижневолжских и северо-кавказских городов тождественны хорезмийским, в частности это сходство обнаружено в майоликовых и мозаичных изразцах. Архитектурная кера-

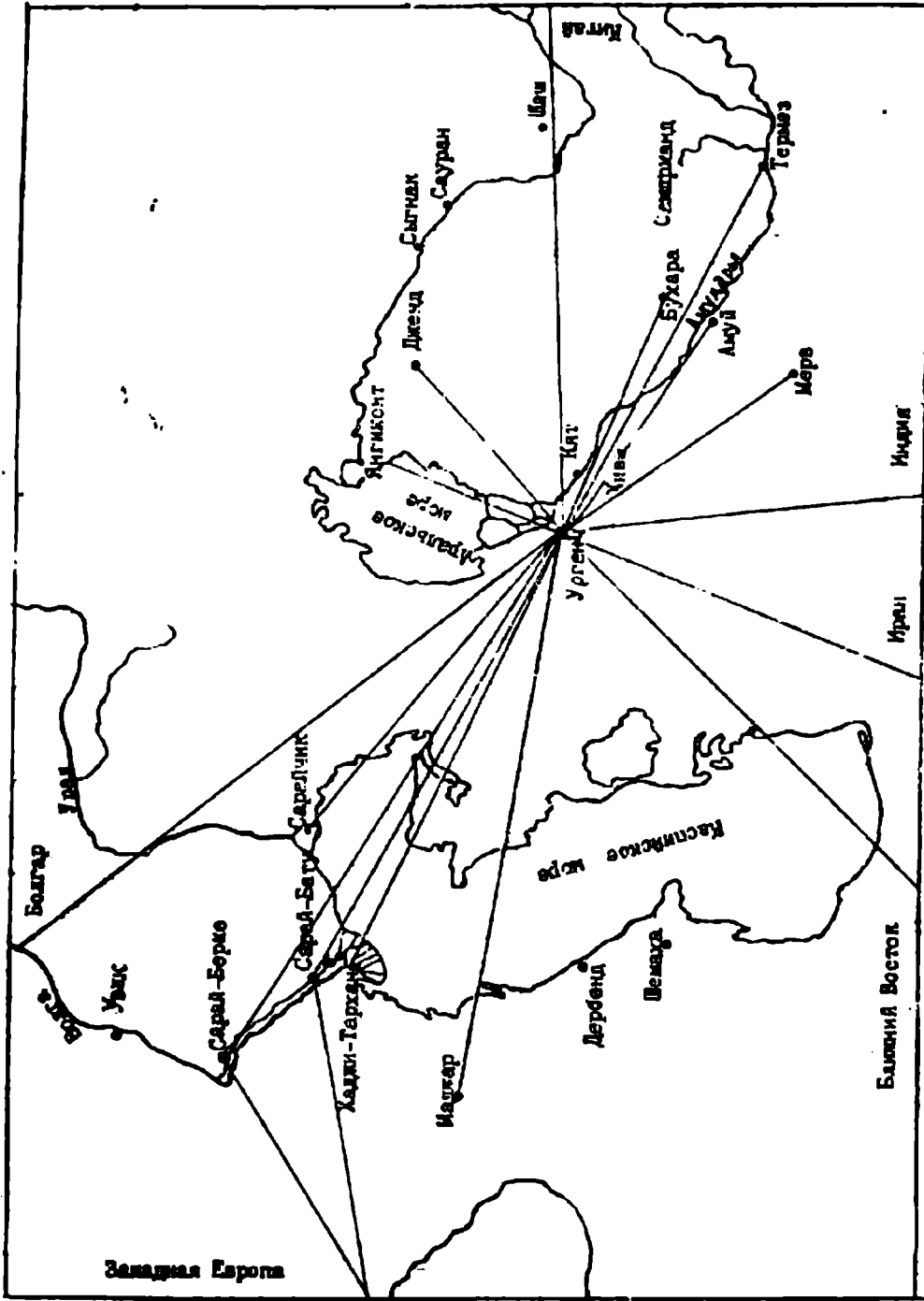

Рис. 1. Схематическая карта. Торговые и культурные связи средневекового Хорезма.

мика Болгара XIII—XIV вв. по техническим показателям близка декору Ургенча [18, с. 225—226]. В XIV в. в майолике и мозаике Хорезма и Золотой Орды в отличие от изразцов городов Мавераннахра применялись поливы красного цвета и обильная высококачественная позолота [20, с. 142; 21, с. 573, 18, с. 220]. По мнению исследователей, золочение поверхности поливных изразцов в золотоордынских городах зарождалось под влиянием византийского искусства декорации [22, с. 26].

В золотоордынских городах Нижнего Поволжья и Северного Кавказа при участии ремесленников Хорезма появились новые типы поливной керамики так называемого «ургенчского образца» на кашинной основе — это керамика с прозрачной глазурью, полихромной подглазурной росписью и рельефом; изделия с синей непрозрачной поливной полихромной надглазурной росписью; посуда с ультрамариновой и прозрачной бирюзовой поливой и подглазурной черной росписью [17, с. 33—37; 19, с. 127—130]. Основные орнаментальные сюжеты глазурованной керамики Хорезма и европейской части Золотой Орды близки друг другу. К подобным изображениям относятся прежде всего растительные (веточки из двух, четырех побегов и шестилепестковая цветочная розетка), геометрические (рельефные «арочки», расцвеченные синими точками) и другие декоративные приемы. Кроме того, керамике хорезмийских и восточно-европейских городов Золотой Орды свойственно использование изображений птиц (особенно уток и павлинов), животных (заяц, газель) [23, рис. 110; 24, с. 100—101; 25, рис. 29, 5; 32, 6].

В городах Северного Кавказа и в столицах Золотой Орды мало посуды керамического материала с изображением животных, т. е. эти мотивы в XIII—XIV вв. не получили особого развития. В Хорезме же, Южной Туркмении и Иране орнаментальный мотив птиц и животных был очень развит [26, рис. 19, 37; 27, рис. 1, 14; 28, рис. 635; 29, рис. 61—62; 30, рис. 21, 6]. В Хорезме изображение животных, особенно павлинов, уток, зайцев, встречается в таких памятниках домонгольского времени, как Замахшар [14, рис. 91, 5], Шах-Санем [31, рис. 14], Кават-кала [32, табл. 10; 33, рис. 1] и урочище Дарьялыккуль [34, рис. 39, 1]. Эти животные отображены на каменных рельефах, металлических и керамических сосудах.

Однако большое количество находок с изображением животных относится к памятникам XIII—XIV вв. Для этого времени в Хорезме характерны мотивы изображений уток и «павлиньих глазков», отражающие одну из черт хорезмийской поливной керамики. На сосудах изображалась крупная утка в окружении стилизованных листьев и многократно повторяющихся «павлиньих глазков» (рис. 2). Единичные экземпляры сосудов с подобным изображением найдены в Самарканде [35, рис. 24], в Казахстане [36, с. 36], северном Кавказе [19, рис. 1, 2], Белореченских курганах Кубани [37, рис. 85, а, б] и золотоордынских городах Поволжья [23, рис. 110]. Отметим, что изображенные на них утки и стилизованные листья, «павлиньи глазки» точно повторяют изобразительные мотивы хорезмийской керамики, поэтому исследователи золотоордынской поливной керамики Э. К. Кверфельд [38, с. 90], А. Ю. Якубовский [17, с. 28 и сл.], Н. М. Булатов [24, с. 100—101], Н. С. Гражданкина, Э. В. Ртвеладзе [19, с. 128] видят в них влияние керамистов Хорезма. О проникновении элементов хорезмийской керамики в соседние области вплоть до Северного Кавказа, Южной Туркмении и некоторых районов Казахстана свидетельствует цвет поливы и форма сосудов. Переходящей между этими регионами формой поливной посуды стали полусферические и сегментовидные чаши на кольцевом поддоне типа «каса» или «пиала». Одним из часто встречающихся изделий являются горшковиные открытые сосуды, оформленные с наружной стороны рельефными шишечками с кувической надписью [25, рис. 35, 5; 39, с. 197]. Эти изделия в отличие от

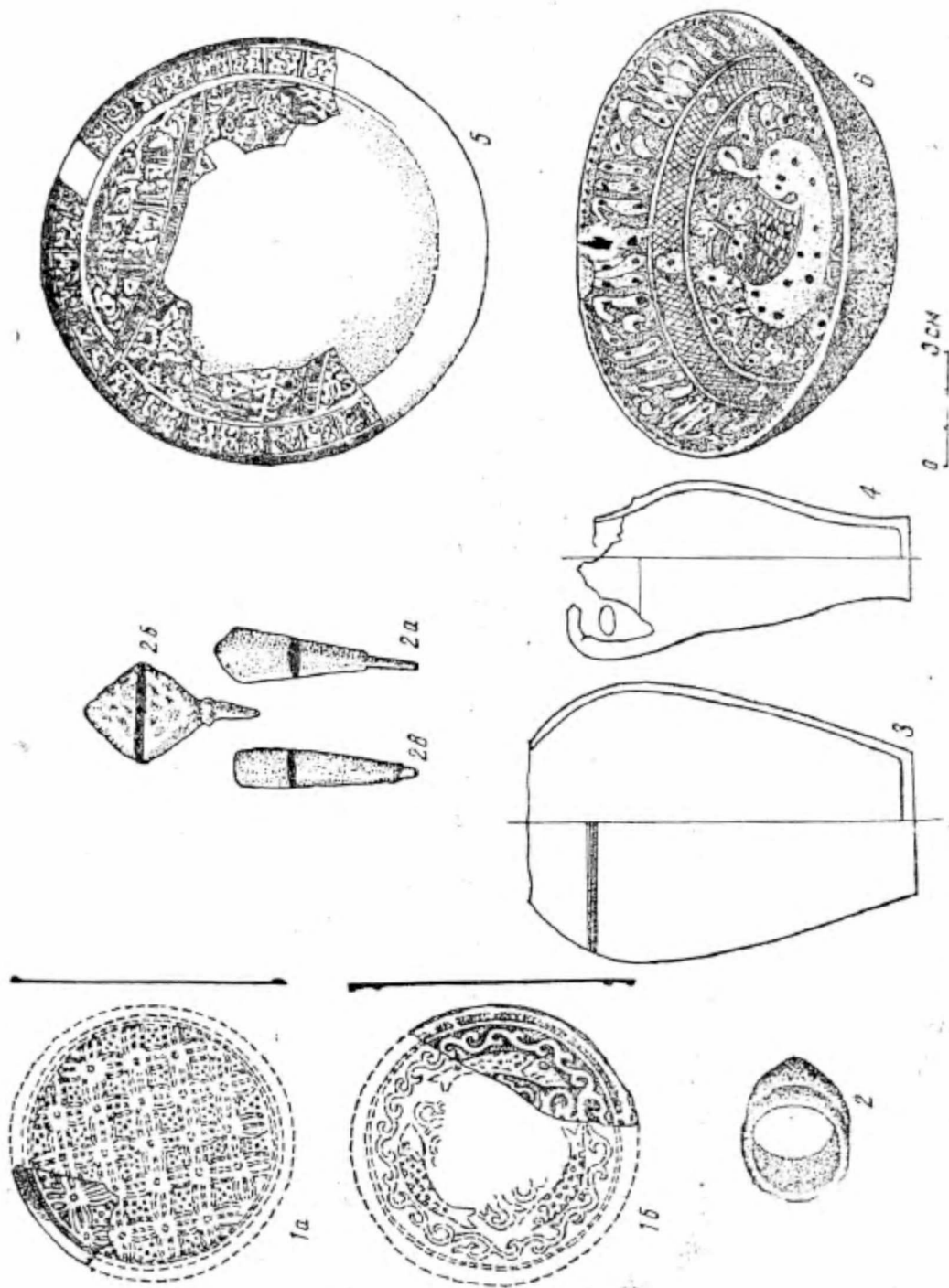

Рис. 2. Находки со средневековых археологических памятников Хорезма:

1 — бронзовые зеркала Миздахка; 2 — железные наконечники стрел. Пиль-ка-ла; 3 — костяное кольцо для натягивания лука. Куня-Ургенч (фонд ХАЭЭ); 4 — красноглиняные неполированные кувшины (караван-сарай Булак, Косбулак); 5 — костровое блюдо. Кават-кала XIII в. (фонд ГМИ КК АССР); 6 — кашинная чаша. Куня-Ургенч (фонд ГМИ КК АССР).

обычной бытовой керамики выполнены чрезвычайно изящно с большим художественным вкусом. За пределами Хорезма подобные сосуды найдены в памятниках золотоордынского времени на Маджаре [рис. 19, 14, 4], Сарае и Старом Орхее [40, с. 296—298]. Детали украшения, форма сходны с хорезмийскими сосудами и встречаются на Северном Кавказе, Молдавии и Поволжье впервые в XIII—XIV вв. Вероятно, мастера-керамисты восточноевропейских городов Золотой Орды заимствовали у хорезмийских мастеров не только отдельные типы бытовой керамики, но и образцы высокохудожественных изделий. В Золотой Орде и Хорезме применялась двух или трехслойная глазурь, химические составы поливы сходны [19, с. 134].

Тесные культурные и торговые связи городов Поволжья способствовали появлению в северных районах Хорезма новых типов неполивной красноглиняной керамики, наиболее распространены кувшинообразные сосуды различных типов и вариантов (рис. 2, 3, 4). Форма их несколько отличается от формы хорезмийских сероглиняных кувшинов. Многие сосуды имеют резко выраженную остросереберную форму и узкое плоское дно и уплощенно-овальную ручку, характерную для неполивных красноглиняных кувшинов Поволжья [41, с. 125] и Пруто-Днестровья (Костешты) [42, с. 116—117] XIII—XIV вв. В Хорезме эти изделия часто встречаются в материалах Шемаха-калы и устиуртских караван-сараев золотоордынского времени. Подобные формы неизвестны в домонгольских памятниках в Хорезме.

В конце XIV — начале XV в. для Хорезма характерны контакты с городами Мавераннахра. В 60—70 гг. XV в. в Средней Азии появились новые политические группировки, возглавляемые джагатаидскими феодалами. После успешной борьбы со своими противниками Тимур фактически овладел властью во всем Мавераннахре и Хорезме. В результате ученые и ремесленники Хорезма были переселены в Шахрисябз и Самарканд [43, с. 155; 44, с. 519]. При активном участии хорезмийских ремесленников построены великолепные дворцы Шахрисябза. Так, в оформлении архитектурных элементов мавзолея Джехангира (Даруссиадат) во дворце Ак-Сарай, мечети Кок-Кумбез [45, с. 11, 19, 23, 25] и мавзолее Чашма-Аюб в Бухаре [46, с. 87] чувствуется влияние Хорезма. Декоративные купола, «ячеистые» сталактиты и многогранные барабаны почти копируют технические приемы зодчих Хорезма.

В период расцвета городской культуры в Мавераннахре при Тимуридах в керамическом производстве городов Хорезма применяются некоторые способы изготовления «тимуридской» керамики, о чем свидетельствуют обнаруженные на Ташкале и Дэвкескене фрагменты поливной керамики с ярко-синей росписью с «резервом». Изображенные на этих обломках листья с резными контурами связаны с мотивами росписи самаркандской архитектурной керамики первой половины XV в. [25, с. 337—338].

Для воссоздания полной картины и связей архитектурной школы средневекового Хорезма с соседними областями необходимо упомянуть и памятники низовий Сырдарьи. Проанализируем архитектуру ныне разрушенного мавзолея Коккесене в Сыгнаке [47, с. 309—310], который датируется XV в., в его конструкциях явно повторяются традиции хорезмийской архитектуры XIV в. [46, с. 81].

Большое значение для изучения культурных связей хорезмийских городов в средние века имеют находки люстровой и местной керамики в культурных слоях исследованных городищ. Люстровая керамика известна в Хорезме с домонгольского времени. За пределами Хорезма в Средней Азии люстровые изделия изготавливались значительно раньше и зарегистрированы в городах Мавераннахра в IX в. [48, с. 23, 36, 39], Южной Туркмении — XI—XII вв. [27, с. 101, 104]. О местном производстве изделий этого типа на территории Средней Азии свидетельствует находка бракованных сосудов в Мерве [49, с. 84—86]. До последнего

времени в Хорезме находили единичные экземпляры люстровых изделий. Однако по археологическим работам последних лет на средневековых памятниках Хорезма получены новые образцы люстровой керамики, происходящей из культурных слоев Куня-Ургенча, Шемаха-калы [25, с. 324, 326], Джанлык-калы, Кават-калы [50], Ербуруна [51], Кызыл-калы [72], Шах-Сенема [31, рис. 13, 7], Даргана [27, с. 98] и сельских поселений близ Дарьялык-куля [34, с. 90, 100, 117, рис. 117]. В XII—XIV вв. люстровые изделия были распространены в Средней Азии, в том числе в городах Хорезма. Ибн Баттута упоминает о бытовании люстровых изделий в Хорезме в XIV в. [12, с. 310].

Изобразительные мотивы люстровой керамики Хорезма сходны с керамикой средневековых городов Ирана и Южной Туркмении. Это тождество особенно отчетливо видно на открытых сосудах типа блюдец. Сюжеты декоративной композиции на подобных изделиях — реалистические изображения человека (особенно всадников), животных и эпиграфические надписи (рис. 2, 5). Эти декоративные элементы встречаются в двух вариантах: одиночные и вереницы фигур, многократно повторяющиеся на внутренней стороне сосуда. Подобная керамика имеет аналогии в городах Южной Туркмении и Ирана [29, фиг. 59, 61, 62; 27, рис. 5]. Совпадение изобразительных мотивов, форм и красок изделий позволяет предположить влияние иранских, в частности, южнотуркменских керамистов на мастеров люстровой керамики Хорезма. Кроме того, в развалинах средневековых памятников Хорезма встречаются фрагменты посуды, покрытой с двух сторон непрозрачной белой поливой, и поверхностью, украшенной надглазурной росписью — красной, коричневой и сине-зеленой красками. По мнению исследователей, этот тип художественных изделий сложился в керамических центрах Средней Азии как подражание иранской керамике «минай» [52, с. 191—192].

О связях Хорезма с Ираном свидетельствуют архитектурные, нумизматические материалы средневекового Хорезма, в частности, изображение льва. Так, львы украшают портал карван-сарая Белеули [14, рис. 89]. Изображение львов на монетах Хорезма и других городов Улуса Джучи пришло в золотоордынскую чеканку из монет Сельджукидов и Хулагидов [53, с. 190].

Проникновению иранских изделий и некоторых сюжетов иранского искусства в Хорезм способствовало прежде всего вхождение Хорезма, Золотой Орды и Ирана в единое монгольское государство. С другой стороны, из-за плодородных земель Азербайджана неоднократно возникали военные конфликты между наследниками Хулагу и Джучи [54]. В это время Кавказская дорога, связывающая Иран с Золотой Ордой, закрылась и оживились торговые пути через Хорезм в Низовья Волги, а также древняя караванная дорога из Хорезма в Мерв [55], по которым провозились товары и поддерживались культурные связи. По-видимому, часть товаров оседала в хорезмийских городах и служила образцом для местных ремесленников.

В XIII—XIV вв. поддерживалась связь хорезмийских городов с Китаем, о чем свидетельствуют китайские изделия, встречающиеся на территории средневековых городов Хорезма, особенно фарфоровая посуда типа «кобальт» и «селадон». Образцы китайского фарфора часто встречаются среди археологических материалов Куня-Ургенча, Миздакана, Дэв-кескена и других памятников Хорезма. На дно или поддоны большинства из них нанесены надписи китайскими иероглифами, а также изображения цветов, лотоса, хризантем, фруктов, драконов и рыб — излюбленные мотивы китайских мастеров [56, рис. 4]. Некоторые орнаменты китайской привозной посуды встречаются в золотоордынской керамике. В результате большого спроса на них в городах Золотой Орды и Хорезма в XIV в. появились сосуды типа «псевдоселадон» и «кобальт» [57, с. 135; 58, с. 16, 20]. Росписи и манера исполнения на этих изделиях мало отличаются от китайской керамики. Одна-

ко, по мнению Н. Н. Вактурской, исследователя средневековой керамики Хорезма, «хорезмийские гончары не слепо подражали последним (китайским мастерам,— *М.-Ш. К.*), а творчески перерабатывали их на своем местном материале, учитывая выработанные веками традиции и существующие вкусы» [56, с. 32].

О торговых и культурных связях хорезмийских городов свидетельствуют некоторые виды изделий из металла. В результате связей хорезмийцев с кочевниками евразийских степей проникли в Хорезм бронзовые проволочные вопросовидные серьги, нижняя часть их украшена дополнительной проволочной обмоткой (иногда к концу надеты круглые бусинки). Они были найдены в кыпчакских погребениях Восточной Европы и городах Золотой Орды [59, с. 40—41, рис. VI, *a—e*]. Важным доказательством связей хорезмийцев со средневековыми кочевниками степей Евразии является находка черешкового железного наконечника стрел подромбовидной формы из погребения близ городища Пилькала (рис. 2*a*). Наконечник принадлежит к одному из наиболее характерных типов стрел тюркского и монгольского времени, распространенных в Средней Азии [60, с. 254, рис. 1], Восточной Европе [59, рис. III, В III], Сибири [61, табл. III, 74—77]. Наличие кочевнических вещей в хорезмийских памятниках XIII—XIV вв., возможно, связано с непосредственным проникновением кочевников в городские центры Хорезма. Появление привозных изделий в Золотой Орде дало толчок к воспроизведению некоторых их видов хорезмийскими мастерами. К подобным изделиям относятся круглые металлические зеркала, в оформлении которых повторяются характерные орнаментальные элементы дальневосточных мастеров. На обратной стороне этих изделий даются рельефные изображения рыб или стилизованных драконов. Бронзовое зеркало XIV в. с бортиком в виде дугообразной каймы, с рельефным изображением сложных завитков и рыб среди них, найдено В. Н. Ягодиным во время раскопок наземных помещений мавзолея Мазлумхан-сулу (рис. 2, *1a, 1б*). Подобные зеркала на территории Хорезма встречены впервые, а в золотоордынских городах Поволжья их находят повсеместно [59, рис. 13]. Аналогии таких зеркал обнаружены на территории Дальнего Востока в памятниках XII—XIII вв. [62, рис. 6].

Возможно, население хорезмийских городов пользовалось не только привозными бытовыми изделиями из металла, но в столицах Золотой Орды [23, с. 166] изготовляло бронзовые и серебряные зеркала по дальневосточным образцам. В интерьере хорезмийского жилого помещения в золотоордынскую эпоху появилась отопительная система кан. В раскопках наземных помещений мавзолея Мазлумхан-сулу и караван-сарая Белеули обнаружены остатки дымоходов-канов. Подобные устройства были распространены в жилищах золотоордынских городов Поволжья [63, с. 186], Северного Кавказа [64], Казахстана [65, с. 64—69] и Дальнего Востока [23, 59, 66]. До последнего времени считалось, что каны отсутствовали в памятниках Хорезма XII—XIII вв., по-видимому, они были заимствованы у народов Центральной Азии.

В средние века населения хорезмийских городов и соседних стран тесно контактировали и в области духовной культуры. В разные исторические эпохи в Кяте, Ургенче работали и творили известные ученые Востока Мухаммед ибн Муса ал-Хорезми (795—857), Абу Райхан Мухаммед ибн Ахмад ал-Беруни (973—1048), Абу Али ибн Сина (980—1037) и др.

При золотоордынских ханах Берке (1256—1266 гг.), Узбеке (1312—1349 гг.) усилилось проникновение ислама через Хорезм в золотоордынское Поволжье. В результате Сарай стал новым очагом ислама, куда стекались шейхи из многих городов мусульманского мира, но более всего из Хорезма [17, с. 10, 14], по-видимому, стали проникать и погребальные обряды из Хорезма в Поволжье. Мусульманские пог-

ребенка с простыми ямами, облицованные жженым кирпичом, обнаружены на некрополе древнего Миздахкана [67] и в центрах Золотой Орды [68, с. 10, 14]. По конструкции и ориентации костяков они однотипные, идентичен и погребальный инвентарь — деревянный гроб, немногочисленные украшения (перстни, браслеты, серьги).

В XIII—XIV вв. хорезмийские города вновь стали центрами науки, литературы и богословской учености. Поэты Хорезма активно участвовали в культурной жизни Золотой Орды (например, Хорезми — автор поэмы «Мухаббет-намэ», Кутба — создатель хорезмийской версии поэмы Низами «Хосров и Ширин») [69, с. 12]. В литературе Золотой Орды стали использоваться тюркские наречия, многие произведения писались на кипчакском языке. Наряду с тюркской в литературных произведениях Хорезма, Золотой Орды встречались и элементы персидской литературы. Подражанием лучшим творениям персидской поэзии является упомянутая поэма Хорезми, где несколько газелей написаны на фарси. На надгробиях мавзолея Мазлумхан-сулу в Миздахкане погребальные эпитафии написаны по-персидски шрифтом «наси» [70, с. 593—598].

Таким образом, указанные материалы свидетельствуют о культурных связях Хорезма с соседними областями, странами Востока и Запада в эпоху средневековья, что обуславливалось, с одной стороны, обширными торговыми связями Хорезма, с другой, — созданием сильной государственной власти в эпоху Хорезмшахов и Золотой Орды, способствовавшей развитию торговли, ремесел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
2. Ртвеладзе Э. В. Из истории городской культуры на Северном Кавказе в XIII—XIV вв. — АКД. Ташкент, 1975.
3. Дьячков-Тарасов А. Н. Неизвестный древний торговый путь из Хорезма в Византию через Кавказ. — Новый Восток, кн. 28, М., 1930.
4. Иерусалимская А. А. О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье. — СА, 1977, № 2.
5. Даркевич В. П. Аргонавты средневековья. М., 1976.
6. Фехнер М. В. К истории торговых связей Руси со странами Востока в домонгольское время (по материалам шелковых тканей). — В кн.: Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1981.
7. Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М., 1976.
8. Pegolotto V. F. La pratica della Mercatura. Ed by A. Evans. Cambridge—Massachusetts, 1936.
9. Маньялов Ю. П., Юсупов Н. Караван-сарай Центрального Устюрта XIV в. — СА, 1982, № 2.
10. Чиперис А. М. К вопросу о торговых связях Средней Азии с Крымом и с Восточной Европой в XIII—XIV вв. — УзТГУ, вып. 31, Ашхабад, 1964.
11. Чиперис А. М. Среднеазиатская поливная керамика в Крыму. — ПТ, № 1 (11), Ашхабад, 1971.
12. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1. Спб., 1884.
13. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 1. М., 1967.
14. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
15. Карпини Джовани дель Плано. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. М., 1957.
16. Матвеева Г. И. Связи Волжской Булгарии со Средней Азией, Ираном и Закавказьем (по материалам Муромского городка). — Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Препринты докладов и сообщений. Уфа, 1976.
17. Якубовский А. Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке. — ИГАИМК, т. 8, вып. 2—3, 1931.
18. Матвеева Л. П. Поливные изразцы из Болгар. — СА, 1959, № 2.
19. Гражданкина Н. С., Ртвеладзе Э. В. Влияние Хорезма на керамическое производство города Маджара. — СА, 1973, № 1.
20. Денике Б. П. Искусство Востока, Казань, 1923.
21. Якубовский А. Ю. Городище Миздахкан. — ЗКВ, т. 5, Л., 1930.
22. Носкова Л. М. Мозаики и майолики из средневековых городов Поволжья. — В кн.: Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.
23. Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976.
24. Булатов Н. М. Классификация кашанной поливной керамики золотоордынских городов. — СА, 1968, № 4.

25. Вактурская Н. Н. Классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XIV вв.).— ТХАЭЭ, т. 5, М., 1959.
26. Веймарн Б. В. Искусство арабских стран и Ирана VII—XVII вв. М., 1974.
27. Атагарьев Е., Бяшимова Н. Кашинные изделия Мьянмана.— КД, вып. 8, Ашхабад, 1979.
28. Pore A. U. The ceramic art in Islamic time. SPA. London—New-York, 1939, vol. II.
29. Wilkinson Ch. Iranian ceramic [catalogue of an exhibition selected By Charles K. Wilkinson and shown in the Galleris of Asia Hause]. New-York, 1963.
30. Grube S. E. Umenie sveta. Bratislava, 1973.
31. Рапопорт Ю. А. Раскопки городища Шах-Санем в 1952 г.— ТХАЭЭ, т. 2, М., 1952.
32. Государственный музей искусств Каракалпакской АССР. Альбом. М., 1976.
33. Мамылов Ю. П. Бронзовая накладка со сценой охоты из Хорезма. —В сб.: Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
34. Неразик Е. Е. Сельское жилище Хорезма (I—XIV вв.). М., 1976.
35. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1966.
36. Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древние города Казахстана. Алма-Ата, 1971.
37. Кверфельд Э. К. Керамика Ближнего Востока. М., 1947.
38. Пугаченкова Г. А. Орнаментированный сосуд из Куны-Ургенча.— Труды ТашГУ, вып. 17, 1960.
39. Абызова Е. Н. Кашинный сосуд из Старого Орхеля.— СА, 1981, № 2.
40. Михальченко С. М. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья.— СА, 1973, № 3.
41. Полевой Л. И. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. Кишинев, 1969.
42. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М., 1941.
43. МИТТ. Т. 1. М.—Л., 1939.
44. Маньковская Л. Архитектурные памятники Кашкадарьинской области. Ташкент, 1971.
45. Пугаченкова Г. А. Зодчество Центральной Азии. Ташкент, 1976.
46. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950.
47. Шивкина Г. В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.
48. Пугаченкова Г. А. К открытию люстровой керамики Мерва.— ИАН ТуркмССР. Сер. общ. наук, 1960.
49. Фонды Каракалпакского государственного музея искусств.
50. Фонды отдела археологии Каракалпакского филиала АН УзССР.
51. Вактурская Н. Н. Иранский сосуд из Ургенча.— МХЭ, вып. 4, 1960.
52. Федоров-Давыдов Г. А. Нуимзатика Хорезма золотоордынского периода.— НЭ, т. 5, М., 1965.
53. Али-заде А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку 1956.
54. Массон М. Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр.— ТЮТАКЭ, т. 13, Ашхабад, 1966.
55. Вактурская Н. Н. К вопросу о культурных связях средневекового Хорезма с Китаем.— В сб.: Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.—Л., 1959.
56. Булатов Н. М. Кобальт в керамике Золотой Орды.— СА, 1974, № 4.
57. Кдырниязов М.-Ш. Города Хорезма золотоордынского времени (в низовьях Амударьи).— АКД. Нукус, 1979.
58. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов (Археологические памятники). М., 1966.
59. Пугаченкова Г. А. Погребение монгольского времени в Халчаяне.— СА, 1967, № 2.
60. Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
61. Шавкунов Э. В. Клад Чжурдженских зеркал.— МИА, № 86, М., 1960.
62. Егоров В. Л. Жилище Нового Сарая.— В сб.: Поволжье в средние века. М., 1970.
63. Городцов В. В. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджара в 1907 г.— Труды XIV Археологического съезда, т. 3, М., 1911.
64. Ахвижанов С., Ерзакович Л. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье.— ИАН КазССР. Сер. общ. наук, 1972, № 2.
65. Древнемонгольские города. М., 1966.
66. Ягодни В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.
67. Яблонский Л. Т. Население средневековых городов Поволжья (по материалам мусульманских могильников).— АКД. М., 1980.
68. Фазылов Э. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV в. Т. 2. Ташкент, 1971.
69. Некрасов А. А. Надписи на надгробиях мавзолея Мазлумхан-сулу в Миздахкане.— ЗКВ, т. 5, 1930.

70. Дженкинсон А. Путешествие в Средней Азии 1558—1560 гг.— Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1938.

71. Фонды отдела археологии КК ФАН УзССР. Материалы археологических раскопок 1981 г. на Кызыл-кале.

Б. С. САЯПАНОВ

ИЗ ИСТОРИИ ХОРЕЗМА КОНЦА XII ВЕКА

История государства хорезмшахов последней четверти XII в. освещена недостаточно в сохранившихся письменных источниках. В. В. Бартольд отметил, что «исторические сочинения, написанные для хорезмшахов (Ануштегинидов.— Б. С.), не дошли до нас; история этой династии известна нам только по компиляциям XIII в... Показания дошедших до нас источников крайне противоречивы; установление хронологии даже важнейших событий представляет большие трудности. Между тем, события этой эпохи имели важное значение в истории мусульманских народов...» Здесь имелось в виду падение господства сельджукидов и усиление династий хорезмшахов на востоке мусульманского мира [1, с. 77]. В связи с отсутствием письменных источников об этом государстве необходимо изучение нумизматического материала и учет всех относящихся к нему данных.

В статье мы рассматриваем историю государства хорезмшахов последней четверти XII в. по нумизматическим данным.

9 раджаба 567 г. х. (7 марта 1172 г.) в Гургандже скончался хорезмшах Тадж ад-дин Аль-Арслан вскоре после похода каракитаев на Хорезм. Против вторжения каракитаев была принята обычная мера, т. е. пути их продвижения были наводнены — средство, к которому не раз прибегали владетели Хорезма [2, с. 404]. После смерти Иль-Арслана преемником его был провозглашен младший сын Султан-шах Махмуд. Старший Текеш (от другой жены) в то время был наместником Дженда. Султан-шах вступил на престол с помощью своей матери Малики-Турхан, которая надеялась сама управлять страной (мудаббир). Текеш отказался подчиняться Султан-шаху, война между братьями стала неизбежной. Однако Текешу пришлось бежать к каракитаям [2, с. 404; 445].

Очевидно, когда Султан-шах на короткое время стал правителем Хорезма, ему важно было выпустить монеты, чтобы продемонстрировать свои права на престол отца. Известно, что правители средневекового Востока особенно дорожили правом чеканки монет, вместе с хутбою, как свидетельством верховной власти. До нас дошло небольшое количество золотых монет, чеканенных от имени Султан-шаха. Приведем описание одной из интересующих нас монет.

1. Султан-шах. Обозначения места и года чеканки не сохранились [3].

Л. ст. В двойном линейном круге, разделенном четырьмя кружочками, в поле: «Нет бога, кроме Аллаха! Мухаммед посол Аллаха! Ал-Мустади... Иллахи».

Вверху —

Круговая легенда частично стерта и частично обрезана.

Об. ст. В круглой линейной рамке, в поле: «Аллаху (хвала)! Государь величайший | величие земного мира и | веры. Султан-шах | Махмуд, сын Иль-Арслан». Круговая легенда частично стерта и частично обрезана.

Диаметр — 22,5 мм, вес — 3,62 г.

Учитывая годы правления халифа ал-Мустади (566—576 г. х./ 1170—1189 гг.), имя которого помещено на лицевой стороне монеты, можно предположить, что описанный динар был чеканен в Хорезме в период правления Султан-шаха. Государством каракитаев в то время правили дочь первого гурхана и ее муж Фума. Текеш обратился

к ним за помощью, обещая им платить ежегодную дань. Каракитайское войско во главе с Фумой привело Текеша в Хорезм. Многочисленность этого войска испугала Султан-шаха и его мать, они без боя покинули столицу. 22 раби 11 568 г. х. (11 декабря 1172 г.) Текеш торжественно вступил на престол. Каракитайское войско и их предводитель Фума с надлежащими почестями вернулись обратно [2, с. 404; 445].

Восстановив свою власть в Хорезме, Текеш, естественно, не мог допустить обращения монет, чеканенных от имени его противника Султан-шаха, поэтому таких монет очень мало. В литературе о них упоминается два раза [4, с. 297, № 4; 5, с. 131, № 15], видимо, они были изъяты из обращения. В Хорезме стали чеканиться монеты от имени Текеша. Приведем описание интересующей нас монеты.

2. Ала ад-дин Текеш. Хорезм, XXI г. х. (1173—1174 гг.) [6, с. 93, № 7].

Л. ст. В поле, в двойном линейном круге: «Нет бога, кроме Аллаха! Мухаммед посол Аллаха! | ал-Мустади би-Амри | Иллахи».

Вверху —

Круговая легенда сохранилась частично: «...в Хорезме в году XXI».

Об. ст. В поле в линейном круге: «Аллаху (хвала)! | Государь величайший, | высота земного мира и веры | победоносный Текеш! [сын] Иль-Арслана».

Круговая легенда частично стерта и частично обрезана.

Диаметр — 22,9 мм, вес — 4,95 г.

Нумизматические материалы отражают острую междуусобную борьбу среди членов династии в государстве хорезмшахов, начавшуюся в 1172 г. после смерти Иль-Арслана. В денежное обращение поступали монеты, чеканенные главными претендентами на престол, причем каждый из них именовал себя «маликом». По монетным данным известно, что Иль-Арслан впоследствии стал величать себя громким титулом «султан величайший» [7, с. 116—119].

Султан-шах с матерью бежали в Хорасан, к малику Муайду Ай-Аба. Он был одним из главных эмиров при султানে Санджаре, носившем титул «Муайд ад-давле» (помогающий государству). К 60-м годам XII в. он сумел захватить наибольшую часть хорасанских владений Сельджукидов и носил титул «властитель Хорасана, царь Востока» [1, с. 398, прим. 3]. Султан-шах обратился к нему с просьбой о помощи, обещая ему уступить часть территории Хорезма. Муайд собрал по областям войско и с Султан-шахом и его матерью выступил походом на Хорезм. Текеш ждал врагов на краю степи, близ города Сурбурны, в 20 фарсах от столицы Хорезма — Гурганджа [2, с. 404]. (По С. П. Толстову, Сабурны (мыс воды) — развалины городища Шах-сенем [8, с. 181; 9, с. 167; 10, с. 397—420]). Первый отряд во главе с Муайдом был уничтожен хорезмийцами. Муайд попал в плен и был убит 9 зу-л-хиджа 569 г. х. (11 июля 1174 г.). Султан-шах и его мать бежали в Дахистан. Текеш взял город силой. Султан-шах спасся бегством, а его мать попала в плен и была убита. Предводители части войск Муайда, вернувшись в Нишапур, посадил на престол его сына Туган-шаха Абу-Бекра. Султан-шах остановился в Шадьяке, в предместье Нишапура. Поскольку Туган-шах был не в состоянии оказать ему помощь, Султан-шах отправился к гурскому султану Гияс ад-дину, который оказал ему пышный прием и привлек его на свою сторону [2, с. 404, 445].

В это время обострились отношения Текеша с каракитаями. Послы каракитаев настойчиво напоминали Текешу о невыполнении данных им обещаний. Каракитайские чиновники и сборщики податей ста-

ли притеснять народ. Высокомерие послов гурхана оскорбляло не только вассальных владетелей, но и религиозное чувство мусульман. Поэтому все население Средней Азии, находившееся в вассальной зависимости от каракитаев, было враждебно настроено к ним. Текешу тоже не нравилась зависимость от каракитаев, хотя с их помощью он пришел к власти в Хорезме. По словам историков, «из ревности к достоинству престола и веры» Текеш убил посла каракитаев, находившегося в родстве с гурханом, а своим вельможам приказал перебить всех спутников посла, и никто из них не спасся [2, с. 405, 445]. Тем самым хорезмийцы уничтожили договор между ними и царем каракитаев. Султан-шах считал этот момент самым выгодным для себя. Гурский султан стал поддерживать Султан-шаха, дал ему снаряжение, но предупредил своих вельмож о том, что этот человек много причинит неприятностей [11, с. 120]. Дальнейшие события показали, что слова эти были пророческими. Султан-шах убедил каракитайскую царицу, что население и войско Хорезма предпочитает его управление. Каракитайское войско во главе с Фумой было отправлено в Хорезм для возвращения престола Султан-шаху. Население Хорезма по приказу Текеша затопило водами Амударьи всю местность, лежавшую на их пути, тем самым были затруднены действия каракитайских войск. Сам хорезмшах в столице деятельно готовился к отпору. Убедившись во враждебном отношении населения Хорезма к Султан-шаху, Фума вынужден был отступить [2, с. 405; 445—446].

Потерпев неудачу в борьбе за хорезмский престол, Султан-шах с отрядом каракитайских войск выступил против Хорасана. При Серахсе он нанес поражение местному гузскому владетелю Динару и завладел Мервом, после чего каракитайский отряд вернулся в свое государство. Султан-шах из Мерва продолжал нападать на Серахс. Динар отправил посла к Туган-шаху с просьбой обменять Серахс на Бистам, на что последний согласился. Однако Динар долго не мог удержаться в Бистаме, так как Текеш, выступив походом на Иран, достиг Гургана. Динар вынужден был оставить свое владение и присоединиться к Туган-шаху. Султан-шах ждал случая расторгнуть мирное соглашение с Туган-шахом, который, узнав, что Султан-шах готовит мятеж, сам предпринял поход против него. 26 зу-л-хиджа (13 мая 1182 г.) в местечке Асия-и-Хафс произошла битва, окончившаяся полным поражением превосходящих сил Туган-шаха. В результате этой победы Султан-шах овладел не только Серахсом, но и Тусом, Замом и их округами. Победителю досталась большая добыча — деньги и имущество. По свидетельству средневековых историков, Султан-шах был человеком волевым и воинственным, не в пример Туган-шаху — другу бубна и лютни. В результате постоянных набегов Султан-шаха войско Туган-шаха расстроилось, эмиры и вельможи его перешли на сторону Султан-шаха. По образному выражению историков, «у его владения померк блеск». Туган-шах неоднократно обращался за помощью к гурскому султану и хорезмшаху, даже сам лично прибыл в Герат, где у Гияс ад-дина просил военной помощи для отражения набегов Султан-шаха, но переговоры не имели успеха [2, с. 405; 446].

В конце 1181 — начале 1182 г. гурский султан и Текеш обменялись посольствами для переговоров о хорасанских делах. Хорезмшах обещал весной 1182 г. прибыть с войском в Хорасан на свидание с Гияс ад-дином. Это, видимо, было связано с просьбой Туган-шаха, так как Султан-шах чуть не завладел Нишапуром. Текеш потребовал от брата жить в мире с Туган-шахом. Очевидно, в этих трудных для себя условиях Туган-шах признал себя вассалом Хорезмшаха, за что получил округ Нису в качестве икта. Это подтверждается и письменными источниками [11, с. 108 и сл.; 12, с. 111] и данными нумизматики. На своих монетах Туган-шах поместил имя Текеша выше своего, называя его «султаном величайшим», а себя, Туган-шаха, титуловал «маликом». Приведем описание этой монеты.

3. Туган-шах (от имени хорезмшаха Текеша). Обозначения места и года чеканки не сохранились [13].

Л. ст. В поле, в линейном круге: «Нет бога, кроме | Аллаха | Мухаммед | посол Аллаха! Ан-Насир Ли-д-дин | Иллахи (Аллахи)».

Вверху —

Круговая легенда полностью обрезана.

Об. ст. В поле, в линейном круге: «Султан | величайший, высота
земного мира и веры. | победоносный Текеш сын | Хорезмшаха. Го-
сударь | справедливый Туган-шах сын | ».

Круговая легенда полностью обрезана.

Диаметр — 19 мм, вес — 1,48 г.

В мае 1182 г. Текеш совершил поход на Хорасан и предпринял осаду Серахса. Завладеть городом ему не удалось, о чем свидетельствует письмо Текеша к Гияс ад-дину.

В одном из писем, между прочим, сообщалось, что в Дженд явились с покорностью многочисленные отряды кипчаков, еще не принявших ислам, во главе с Алп-Кара-Ураном. Последний отправил для переговоров к хорезмшаху посольство, состоящее из «сыновей югоров», во главе которых находился его старший сын Кыран. Хорезмшах принял кипчаков в свое подданство и со своим сыном Мелик-шахом, наместником Дженда, направил их против каракитаев, давнишних врагов Хорезма. Об успехе этого похода говорилось в письмах хорезмшаха к Джехан-Пехлевану Мухаммеду Ильдегизиду [14, с. 144], где добавлялось также, что Алп-Кара готов снова оказать свои услуги, ему удалось освободить от ига неверных обширные области до самого Тараза [1, с. 404—405].

В январе 1183 г. Текеш в письме к Гияс ад-дину, извинялся в том, что намеченное свидание опять не состоялось, так как ему необходимо было совершить поход на Мавераннахр [1, с. 404—405]. Поход на Мавераннахр завершился взятием Бухары. После взятия города Текеш официально поблагодарил бухарского имама за его преданность, проявленную во время похода хорезмийцев на Бухару. Текеш утвердил в качестве мудarrisа, имама, хатиба и муфтия Бедр ад-дина, назначенного на эту должность еще садром Бурхан ад-дином, и предписал упоминать в хутбе после имени халифа имя хорезмшаха [1, с. 405—406]. Следует оговорить, что сведения о походах Текеша на Мавераннахр очень противоречивы. В некоторых сводных трудах делались выводы, что поход хорезмшаха на Мавераннахр оказался безуспешным [15, с. 243; 16, с. 388—389]. Если хутба читалась на имя хорезмшаха, то, естественно, и монеты должны были чеканиться от его имени. Однако монеты, чеканенные от имени хорезмшаха с обозначением «Бухара», пока неизвестны. Найдена единственная монета, чеканенная якобы от имени Текеша в Самарканде. П. С. Савельев, называя опубликованную им монету «самаркандской», поставил вопросительный знак [17, с. 90, № 109]. Эта монета нам неизвестна. В дальнейшем это положение может подтвердиться в результате находок монет чекана хорезмшаха, если, конечно, они выпускались в городах Мавераннахра.

В раби II 579 г. х. (июль 1183 г.) Текеш опять был с войском в Хорасане. Поводом для похода послужило то, что Султан-шах своими набегами сильно теснил царя Гура. В письме к Гияс ад-дину, отправленном в конце июля, Текеш извещал его о своем выступлении с многочисленным войском для оказания ему помощи, и называл его не «братом», как прежде, а «сыном» хорезмшаха. Будучи политически дальновидным правителем, Текеш решил воспользоваться создавшейся обстановкой, чтобы обеспечить первенствующее положение своего государства в восточной части мусульманского мира. Называя «сыном», Текеш ясно показывал свое намерение сделать вассалом и Гияс ад-ди-

на [1, с. 406]. Однако гуриды сумели нанести поражение войскам Султан-шаха [18, с. 262—263].

По данным письменных источников, смута в Хорасане снова возобновилась после смерти совершенно неспособного к государственным делам Туган-шаха, последовавшей 12 мухаррема 581 г. х. (15 апреля 1185 г.). В ту же ночь на престол был возведен его малолетний сын Санджар-шах. Но фактическим правителем страны стал его воспитатель (атабек) Менгли-Тегин. Большинство эмиров Туган-шаха перешли на сторону Султан-шаха, а малик Динар с частью хорасанских огузов вынужден был уйти в Керман. Большую часть владений Туган-шаха захватил Султан-шах. Однако дальнейшим захватам воспрепятствовали хорезмшах и гурский султан. В начале 582 г. х. (апрель — май 1186 г.) Текеш совершил поход на Хорасан. Султан-шах, воспользовавшись отсутствием Текеша, отправился с войском в Хорезм. Однако, вопреки ожиданию, Султан-шаха в Хорезм не пустили. Надежда на помощь населения также не оправдалась. Султан-шах, оставив свое войско в Амуре, с пятидесятью опытными воинами ночью проник в город. Текеш, узнав об этом, снял осаду и отправился в Шадьях, где осаждал Санджар-шаха. После двухмесячной осады был заключен мир, по которому Санджар-шах обязался признать себя вассалом хорезмшаха, читать хутбу и чеканить монету с именем Текеша [2, с. 405; 447]. Эти события хорошо отражены в нумизматическом материале. Приведем описание интересующей нас монеты.

4. Санджар-шах. (От имени хорезмшаха Текеша). Обозначения места и года чеканки не сохранились [19, с. 21].

Л. ст. В поле «Нет бога | кроме Аллаха! Мухаммед | посол Аллаха | Ан-Насир би-Амри | Иллахи». Круговая легенда полностью обрезана.

Об. ст. В поле «Султан | великий, высота земного мира и веры, победоносный Текеш сын | хорезмшаха. Государь! справедливый Туган-шах сын | клиента государь победоносный | Санджар».

Круговая легенда большей частью обрезана, сохранилась: «Мухаммед посол Аллаха...».

Как видно из описанной монеты, Санджар-шах поместил имя Текеша с титулом «султан великий». Еще прежде его отец Туган-шах поместил на своих монетах имя хорезмшаха с громким титулом «султан величайший» (см. динар № 3). Дальнейшие события свидетельствуют о том, что признание верховной власти Текеша Санджар-шахом было формальным. По словам Джувейни, Текеш отправил в Нишапур посольство в составе хаджиба Шихаб-ад-дина Мас'уда, Хансалара Сейф ад-дина Мардан-шира и секретаря Бега ад-дина Мухаммеда Багдади для завершения условленного договора. Однако Менгли-Тегин заковал послов и отослал их к Султан-шаху, где они находились в заключении до подписания мирного договора между братьями в 1189 г. В мухарреме 583 г. х. (в марте 1187 г.) Текеш снова предпринял поход на Хорасан, осадил Нишапур. Однако был заключен мир. По просьбе Менгли-Тегина, посредниками между воюющими сторонами выступили имамы и сейды города. Хорезмшах согласился простить мятежников, но после взятия города велел казнить Менгли-Тегина. Нельзя было доверять человеку, изменившему присяге. На матери Санджар-шаха женился Текеш, а сам правитель был увезен в Хорезм. Теперь хорезмшах не довольствовался положением сюзерена. Он начал систематически уничтожать местные феодальные династии, заменяя их своими сыновьями и родственниками. Так, Нишапур был вверен управлению старшего сына Текеша Насир ад-дина Мелик-шаха, бывшего наместника Дженда, которого хорезмшах объявил наследником [2, с. 405; 447]. В Нишапуре теперь монеты чеканились от имени Текеша и, конечно, в хутбе упоминалось его имя. Имеются золотые динары хорезмшаха, чеканенные в Нишапуре. Приведем их описание.

5. Текеш. Нишапур, 5XX [19, P. 21, № 9346—9348].

Л. ст. В поле, как на л. ст. № 3. Круговая легенда сохранилась частично: «Во имя Аллаха . . . в Нишапуре... пятьсот».

Об. ст. В поле: «Аллаху (хвала)! | Султан величайший | высота
земного мира и веры, | победоносный Текеш | сын хорезмшаха».

Вверху — орнамент.

Круговая легенда полностью стерта.

Чтение легенд дано по всем трем экземплярам.

После снятия осады Текешом Султан-шах напал на Шадьях. Большая часть крепостной стены была разрушена осадными машинами. Мелик-шах не мог оказать сопротивление и послал в Хорезм гонцов за помощью. При внезапном появлении Текеша с войском Султан-шах удалился в свое владение. Восстановив стены Шадьяха, Текеш отправился на зиму в Мазандеран, а к весне возвратился в Хорасан. Успехи Текеша в борьбе с Султан-шахом и другими мелкими владельцами Хорасана привлекли на его сторону многих хорасанских эмиров. 18 джумаде 585 г. х. (14 июля 1189 г.) в местечке Родикан близ Туса между братьями был заключен мир, по которому Мерв и Серахс были утверждены за Султан-шахом [2, с. 405; 447].

Решительный перелом в судьбах государства хорезмшахов произошел в 90-х годах XII в., когда Текешу представился случай вмешаться в дела Западной Персии. Поводом для вмешательства послужила борьба между султаном иракских сельджукидов Тогрулой и его соперником атабеком Кутлуг-Инанчем [14, с. 144]. В 1192 г. войска хорезмшаха заняли Рей. По Ибн ал-Асиру, Текеш получил известие о походе Султан-шаха на Хорезм и вынужден был отступить [2, с. 405]. По словам Джувейни, вследствие дурного климата в Рее у хорезмшаха погибло много людей. Оставив в Рее эмира Тамгаджа, Текеш отправился в Хорезм и по дороге получил донесение о походе Султан-шаха на Хорезм [2, с. 447]. Узнав о приближении Текеша, Султан-шах снял осаду Хорезма и отступил на Хорасан. Весной 1193 г. Текеш совершил поход на Хорасан. Теперь Султан-шах приложил максимум усилий, чтобы мирным путем уладить все спорные вопросы. Но мирные переговоры, начавшиеся в Абиверде между братьями, затянулись. Комендант (кутбал) Серахса Бедр ад-дин Джагар перешел на сторону Текеша и сдал крепость. По словам Джувейни, «белый день обратился для Султан-шаха в черный», от неприятностей, вызванных потерей Серахса, он умер два дня спустя, — в последний день рамазана 589 г. х. (29 сентября 1193 г.). Текеш получил в наследство и владения, и казну, и войско своего мятежного брата Султан-шаха [2, с. 447—448]. Таким образом, владение Султан-шаха в Хорасане просуществовало до его смерти и было источником постоянных смут, тревог и конфликтов. Только смерть Султан-шаха положила конец более чем двадцатилетнему спору за господство в Хорезме. По просьбе своего старшего сына Мелик-шаха Текеш перевел его наместником Мерва, а наместником Нишапура был назначен его брат Кутб ад-дин Мухаммед. Но через год из-за дурного климата Мелик-шах был переведен в Нишапур, а наместничество в Мерве было поручено Мухаммеду [2, с. 448].

Сложным представляется денежное хозяйство во владении Султан-шаха. Чеканились ли монеты от имени Султан-шаха в монетных дворах Мерва и Серахса, неизвестно. Если они и выпускались, то, видимо, были изъяты из обращения Текешом. Присоединив к Хорезму владение Султан-шаха, Текеш вряд ли допустил бы обращение монет, чеканенных от имени своего соперника, доставившего ему много волнений. Однако среди зарегистрированных монетных находок на юге Туркменистана упоминается один обломок золотой монеты чекана Султан-шаха [5, с. 131, № 115]. По данным письменных источников, Мерв и Серахс во второй половине XII в. были пустынными местностями [2, с. 340, 423; 21, с. 288]. Нумизматические материалы

свидетельствуют о вхождении Термеза во владения Султан-шаха. Имеется золотой динар, чеканенный от имени Султан-шаха в Термезе. Этот факт не отмечен в сохранившихся письменных источниках. Приведем описание интересующей нас монеты.

6. Султан-шах. Термез, обозначение года чеканки стерто [20, 4, с. 297, № 4].

Л. ст. В поле, в линейном круге: «Нет бога, кроме Аллаха | Мухаммед посо | Л Аллаха! Ан-Насир | ли-д-дин Иллаха».

Вверху — внизу — Круговая легенда большей

частью стерта, сохранилось: «...проявить ее выше».

Об. ст. В поле, в линейном круге: «Хакан высочайший | величие земного мира и веры, Султан-шах Махмуд» | .

Вверху —

Круговая легенда частично стерта, частично обрезана, сохранилось: « чеканен этот в Термезе ».

В тексте ошибка. На л. ст. В поле, последняя буква «Лям» от слова — «посол» — перенесена со второй строки в начало третьей строки.

Диаметр — 24 мм, вес — 3,75 г.

По археологическим данным, Термез после Саманидов, именно в XI—XII вв. достиг большого расцвета [22, с. 95—97].

Очевидно, помимо золотых монет, были еще более мелкие денежные единицы из недорогих металлов, чеканенных от имени Султан-шаха, которые пока не обнаружены. Известно, что в местной рыночной торговле использовались эти монеты.

В 1094 г. хорезмшах предпринял еще поход в Западную Персию. На этот раз к Текешу обратился сам аббасидский халиф Насир. Владение последнего как светского государя территориально было невелико, он обладал лишь частью Ирака. Халиф стремился использовать ослабление сельджукидских султанов для расширения границы своего государства. Это и привело к столкновению между ним и сельджукидским правительством. Еще атабек Мухаммед Пехлеван-Джехан, отец Кутлуг-Инанча, подстрекал султана Тогрула отнять у халифа светскую власть. По словам Равенди, сторонники Тогрула говорили о том, что власть халиф-имама должна ограничиваться делами религии, а политическую власть необходимо передать султанам [1, с. 410—411]. Тогрул не мог пользоваться расположением не только духовенства, но и тогдашнего общества, так как аббасидский халиф, как духовная глава ислама, пользовался большим авторитетом во всем мусульманском мире. Возмущенный халиф обратился с просьбой о помощи к хорезмшаху. 24 раби 1 590 г. х. (19 марта 1194 г.) войска хорезмшаха в решающем сражении под Реем нанесли поражение войскам Тогрула, который пал в бою. Таким образом, в начале 1194 г. прекратила существование иракская ветвь сельджукидов. Персидский Ирак с Реем и Хамаданом перешли во владение хорезмшаха, который назначил своего сына Юнуса наместником Хамадана. Победа хорезмшаха была столь полная, что в первое время вся Мидия полностью покорялась ему [1, с. 411; 23, с. 530]. Халиф, содействовавший падению султана Тогрула, потребовал более крупную часть добычи, чем желал отдать ее хорезмшах. Везир Муавийд ад-дин в крайне высокомерном тоне предъявил Текешу требования халифа, говорил, что хорезмшах обязан своим положением багдадскому правительству и что потому он при встрече с представителями «высокого дивана» должен сходить с коня и первым встречать его. Все требования халифа были

отвергнуты Текешем. Однако везир должен был уступить, ибо произошло столкновение между войсками халифа и хорезмшаха.

Изменник Кутлуг-Инанч также мечтал о награде. Эмиры Пехлеванидов тоже не хотели распрощаться со своими мидийскими владениями. Однако хорезмшах не мог долго удержаться в Рее и Хамадане. Последний был передан правителю Азербайджана Абу-Бекру, как васалу. Наместником Рея был назначен Юнус. Новые осложнения на востоке владений заставили Текеша поспешно вернуться в Хорезм. После отступления Текеша халиф послал в восточные районы Ирака свои войска, которые разграбили все, что осталось после хорезмийцев [1, с. 411—412; 23, с. 530; 24, с. 64].

По словам Джувеини, кочевники начали теснить хорезмшаха на востоке. Текеш под предлогом священной войны (газава) отправился на Сыгнак, правителем которого был Кайр-Туку-хан, вынужденный отступить перед превосходящими силами хорезмшаха. В войске хорезмшаха был отряд из кипчакского племени Урани, к которому принадлежал хан. Они известили хана о своем намерении помочь ему и изменить Текешу. 6 джумаде 11 591 г. х. (19 мая 1195 г.) произошла битва, где хорезмийское войско потерпело поражение. Текеш через 18 дней с трудом вернулся в Хорезм. К концу 1195 г. Алп-Дерек, племянник Кайр-Туку-хана, не поладив со своим дядей, обратился к хорезмшаху с просьбой о помощи. Текеш вызвал из Нишапура своего сына Мухаммеда, и в раби 1 594 г. х. (январь 1198 г.) царевич вместе с Алп-Дерекком был отправлен против хана. Последний потерпел поражение и в раби 11 (февраль) со своими вельможами был приведен в цепях в Хорезм. Однако союзник хорезмшаха Алп-Дерек, подчинив себе владение своего дяди, вскоре сделался для Хорезма таким же беспокойным соседом, каким был Кайр-Туку-хан, поэтому последний был отправлен против Алп-Дерека. Хан одержал победу над своим племянником и был восстановлен хорезмшахом в своих правах [2, с. 448; 1, с. 406—407].

Халиф Насир, воспользовавшись отсутствием Текеша, занял восточный Ирак и дошел до Рея. В 592 г. х. (1196 г.) хорезмшах совершил поход на Ирак. В июле хорезмийцы нанесли поражение багдадскому войску. Халиф и после этого поражения продолжал требовать у хорезмшаха, чтобы тот очистил западные области Персии и довольствовался Хорезмом. Текеш ответил послу халифа очень вежливо и просил передать свои пожелания правительству Багдада в следующих словах: «Повелевать надлежит эмиру верующих (Халифу), а я только его наместник (шахне), но у меня много врагов, и я не могу быть без армии. Сто семьдесят тысяч человек состоят на учете в диване «арз», и они этим куском прокормиться не могут. Окажите милость и пожалуйте мне Хузистан, чтобы мои услуги были полностью удовлетворены» [25, р. 285].

Еще в 1195 г. Текеш передал Хамадан правителю Азербайджана Насир ад-дину Абу-Бекру, который сумел объединить земли Западной Мидии и создать маленькое княжество. Хорезмшах не старался уничтожить это княжество, так как оно было «буфером» между его государством и государством властолюбивого халифа Насира. С завоеванием Западной Персии государство хорезмшахов территориально увеличилось более чем в два раза и стало непосредственным соседом с одной стороны Гуридов, а с другой — аббасидского халифа. Последний был сильно обеспокоен неожиданным возникновением новой силы. Хорезмшах не замедлил сделаться для правительства халифа таким же опасным противником, как прежде сельджукидские султаны. Каракитай и гуриды не могли также восхищаться неожиданными успехами хорезмийского правительства. Каракитай ограничивались ежегодной данью, и нападения с их стороны хорезмшаху нечего было опасаться. Грозным соперником хорезмшаха оказался

гуридский султан Гияс ад-дин, который имел больше шансов создать большое государственное объединение на Среднем и Переднем Востоке. К тому же государство хорезмшахов имело довольно длинную пограничную линию с государством Гуридов. Хорезмшах ясно видел преимущество последних в предстоящей борьбе за первенство на востоке мусульманского мира. В 80-х годах XII в. хорезмшах и гуридский царь вместе выступили против общих врагов. В начале 90-х годов весь Западный Хорасан был присоединен к Хорезму. Столкновение за овладение Восточным Хорасаном стало неизбежным. К тому же халиф Насир подстрекал Гияс ад-дина предпринять поход на Хорасан против Текеша.

В 594 г. х. (1198 г.) Гияс ад-дин по желанию халифа совершил поход на Хорасан. Текеш обратился за помощью к каракитаем. Войска каракитаев под предводительством Таянку вторглись в Гузганан, но потерпели поражение. Хорезмшах, отменив поход на Герат, куда он намеревался напасть из Туса, вступил в переговоры с Гияс ад-дином. Переговоры увенчались успехом. Текеш выразил халифу покорность и согласился оказать помощь населению территорий, пострадавших при нашествии каракитаев. Требование царя каракитаев о выплате 10000 динаров на каждого убитого каракитайца, Текеш не удовлетворил и отразил нападение на Хорезм. Каракитаян отступили, а хорезмшах преследовал их до Бухары и осадил город. Бухарцы сохранили верность каракитаем и защищались от хорезмийцев, но затем должны были сдаться. Подчинив своей власти Бухару, Текеш вернулся в Хорезм. Показания Ибн ал-Асира о завоевании Балха Гияс ад-дином, о его войне с каракитаем, а также о походе Текеша на Бухару, В. В. Бартольд считает весьма сомнительными [1, с. 408—409].

В 595 г. х. (1199 г.) Текеш совершил поход в Западную Персию для усмирения эмира Абу-Бекра. Хорезмшах не стремился уничтожить это небольшое княжество. При появлении войск хорезмшаха Абу-Бекр выразил преданность Текешу, который оставил его правителем Западной Мидии, но он обязался признать себя вассалом хорезмшаха, читать хутбу и чеканить монету с именем Текеша. Это событие хорошо отражено в нумизматическом материале. Приведем описание интересующей нас монеты.

7. Абу-Бекр (от имени хорезмшаха Текеша). Обозначения места и года чеканки не сохранились [26, р. 24, № 7].

Л. ст. В поле: «Нет бога кроме Аллаха! | Мухаммед посол Аллаха | Ан-Насир ли-д-дин иллахи | повелитель правоверных».

Круговая легенда: коран, IX, 33., сохранилась частично: «...Аллаха, пославшего его с прямым путем и религией...».

Об. ст. В поле: «Текеш | Хакан справедливый | опора земного мира и веры | Абу-Бекр сын Беказвина».

Круговая легенда сохранилась частично: «Во имя Аллаха чеканен этот динар...».

Постоянные военные походы и столкновения отражались на мирных жителях. Хорезмийские отряды, состоявшие в основном из кочевников-тюрков, беспрепятственно опустошали занятые ими земли, хотя являлись туда в качестве освободителей. По словам современника этих событий Ревенди, хорезмийцы совершали такие бесчинства, каких не делали гузы в Хорасане и впоследствии монголы в Ираке. Солдаты выгоняли жителей из домов и забирали все их имущество. Даже медресе и вакфы были обложены огромными контрибуциями. В последний год своей жизни Текеш вынужден был прислушаться к населению и устранил от должности полководца Маячука, а по прибытия в Хорезм приказал его казнить [25, р. 209, 255]. По словам Ибн ал-Асира, Текеш в конце своего царствования требовал от халифа, чтобы в самом Багдаде была введена хутба на его имя [23, с. 531]. «Таково было начало вражды между Аббасидами и Хорезмшахами,—

отметил В. В. Бартольд, — оказавшейся потом одной из причин гибели обеих династий» [1, с. 412].

По данным Джувейни, Текеш умер 19 рамазана 596 г. х. (3 июля 1200 г.) [2, с. 448]. По словам Равенди, при первом же известии о смерти Текеша жители Западной Персии восстали и перебили все хорезмийские гарнизоны и лишь немногие спаслись бегством. Многие области, покоренные Текешом, отделились от Хорезма и стремились стать самостоятельными государствами [25, с. 285].

При Текеше достигнуты наибольшие успехи династии Ануштегинидов в области создания большого государственного объединения. Понимая интересы своей династии, он энергично продолжал политику своих предшественников по созданию сильного и независимого государства хорезмшахов. Его можно признать наиболее талантливым правителем Хорезма после Иль-Арслана, особенно деда Атсыза, сумевшего в трудных условиях обеспечить первенствующее положение своего государства на востоке мусульманского мира. Однако ошибкой в его политике было покровительство кочевой тюркской военной аристократии, которая, пользуясь симпатиями жены Текеша, Турхан-хатун, стремилась оказывать влияние на дела государственного управления. Это вмешательство тюркской военной аристократии в государственные дела принесло много зла при сыне Текеша хорезмшахе Мухаммеде. Отмечая сильные и слабые стороны деятельности хорезмшаха Текеша, В. В. Бартольд писал: «...ему удалось значительно увеличить могущество своей династии, но уже при нем было положено начало тем сторонам государственной жизни Хорезма, которые оказались столь губительными для его сына. Находясь в открытой вражде с халифом, хорезмшахи не могли опираться на авторитет духовенства; приняв к себе на службу кипчакских князей и вступив с ними в родство, Текеш создал сильное военное сословие, которое способствовало его военным успехам, но уже при его жизни, как мы видели выше (В. В. Бартольд имеет в виду события 1195 г.), оказалось очень ненадежным в борьбе со степными врагами. Под главенством такой умной женщины, как Турхан-хатун (жена Текеша и мать Мухаммеда), влияние этой военной аристократии скоро пошатнуло авторитет престола; кипчаки могли беспрепятственно опустошать занятые земли, хотя они и явились туда в качестве освободителей, и делать имя своего государя предметом ненависти населения» [1, с. 412—413].

Таким образом, военные успехи хорезмшахов были обусловлены распадом власти аббасидских халифов и феодальной раздробленностью территории Среднего и Переднего Востока. Мелкие феодальные и полуфеодальные династии и владения, образовавшиеся во второй половине XII в. на обломках Восточно-Сельджукидского султаната, не могли представлять серьезного препятствия для хорезмшахов и были ими быстро завоеваны. Следовательно, в состав этого государственного объединения вошли различные и в отношении общественного развития, и в политическом устремлении силы. Таковы основные факторы, способствовавшие созданию империи хорезмшахов в восточной части мусульманского мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч.: В 9-ти т., т. 1, М., 1963.
2. Материалы по истории туркмен и Туркмении: В 2-х т., т. 1, М.—Л., 1939.
3. Колл. ГЭ, инв. № 1318.
4. Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. Спб., 1896.
5. Аляхамова З. А. Зарегистрированные монетные находки в южном Туркменистане с 1884 по 1946 г. (по опубликованным данным).— Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949.
6. Ходжанязов Т. Клад золотых монет XII в. из Куля-Ургенчского района Туркменской ССР.— ЭВ, 20, 1971.

7. Сайпанов Б. С. Новые данные к политической истории Хорезма конца XI—70-х годов XII в. (опыт историко-этнографического исследования).— В сб.: Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент, 1981.
8. Толстов С. П. Древности Верхнего Хорезма.— ВДИ, 1941, № 1.
9. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
10. Рапопорт Ю. А. Раскопки городища Шах-сенем в 1952 г.— ТХАЭЭ, т. 2, М., 1958.
11. Семенов А. А. К истории города Нисы в XII в. (по актам того времени).— ТЮТАКЭ, т. 5, Ашхабад, 1955.
12. Массон М. Е. Городища Нисы в селении Багир и их изучение.— ТЮТАКЭ, т. 1, Ашхабад, 1949.
13. Колл. ГЭ, инв. № 4214.
14. Лан-Пуль. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. Перевел с английского с примечаниями и дополнениями В. В. Бартольд. СПб., 1899.
15. История таджикского народа: В 6-ти т., т. 2, ч. 1, М., 1964.
16. История Узбекской ССР, т. 1, Ташкент, 1968.
17. Савельев П. С. О жизни и ученых трудах Фрека. СПб., 1855.
18. Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана: В 2-х т., т. 1, М., 1964.
19. Rodgers W. India museum, t. 1, London, 1927.
20. Колл. ГЭ, инв. № 1317.
21. Бартольд В. В. К истории Мерва. Соч., т. 4, М., 1966.
22. Массон М. Е. Городища старого Термеза и их изучение.— Тр. УзФАН СССР, сер. 1, вып. 2. ТАКЭ, 1936, Ташкент, 1940.
23. Бартольд В. В. Текеш. Соч., т. 2, ч. 2, М., 1964.
24. Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.
25. Muhammad ibn Ali ibn Seliyman ar-Rawandi. Ruhāt-us-surur wa Ayhat-us-Surur. Being a history of the Seljuks. Leiden-London, 1921.
26. Soret F., Lettre A. M. Lelewel sur quelques medailles orientales inedites et offrant des types inusites.— Revue de la numismatique Belge. 2-e serie, t. IV, Bruxelles, 1854.
27. Мюллер А. История ислама с основания до новейших времен. т. 3./Перевод с немецкого Медникова Н. А. СПб., 1896.
28. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
29. Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.
30. Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
31. Босворт Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии./Перевод с английского и примечания Грязневича П. А. М., 1974.
32. История Туркменской ССР. Т. 1, Ашхабад, 1955.
33. История Каракалпакской АССР: В 2-х т., т. 1, Ташкент, 1976.
34. Бартольд В. В. Хорезмшах. Соч., т. 2, ч. 2, М., 1964.

М. Е. МАССОН

ИЗ ИСТОРИИ ДИКИХ КУЛАНОВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Куланов относят к подотряду непарнокопытных, семейству лошадей (Equidae), роду Equus. Их подрод по давно установленной и широко распространенной терминологии часто именуется Asinus (т. е. ослы или полуослы). Иногда произвольно (особенно не специалистами, в том числе В. В. Бартольдом) употреблялся греческий термин ονάγρουα (в латинской транскрипции onagrus, i или onager, i), хотя им обозначался именно дикий осел, а по существу он является частью сложных научных названий некоторых из его подвидов. В 1931 г. К. К. Флеров на основании пяти краниологических признаков, отличающих лошадей от ослов и полуослов, подчеркивал различия кулана с лошадьми и сходство их с ослиами [1, с. 237, прим. 3]. Тем не менее, куланы по общему складу — типичные лошади.

Упоминания о них не столь уж малочисленны. Они встречаются в устном творчестве народов Востока, в художественных произведениях, в описании отдельных стран у средневековых восточных авторов и более близких к нашему времени европейских путешественников (начиная с фламандского Рубруквиса или Рубрука XIII в.), но при этом отличаются фрагментарностью. Наблюдения же чисто биологического характера до последнего столетия были чрезвычайно скудны-

ми и к тому же часто противоречивыми. Вот поэтому принимаемая разными авторами та или иная их генеалогия [2, с. 65] и ряд выдвинутых прежними зоологами гипотез нуждается в серьезном пересмотре и проверке.

На огромных территориях Азии, где одомашнение различных диких животных у кочевников и у оседлого населения издревле протекало достаточно интенсивно, обитало несколько подвидов рассматриваемого подрода, не говоря уже о проживавших сравнительно недавно в южных европейских степях и оставшихся пока невыясненными в смысле их точного происхождения. Документально известно, что представители так называвшегося подрода *Asinus* своими естественными качествами давно привлекали к себе внимание различных азиатских племен и народов. До нас дошло древнее римское упоминание, что в Передней Азии так называемых тогда тамошних диких ослов, истребленных уже за последние столетия до н. э., местные жители одомашнили раньше обычных лошадей и даже запрягали в колесницы.

Диких куланов при внимательном рассмотрении нетрудно было отличить друг от друга. Между тем, долгое время водившийся на Тибете на север до Кукунора, в Ладаке, Непале и Сиккиме кианг (*Equus hemionus kiang*) отождествлялся в европейской научной литературе с джигетаями и другими среднеазиатскими куланами. В действительности он резко отличался от них более крупными размерами, более темной окраской и некоторыми присущими ему повадками, что давно было известно коренным тибетским жителям.

В свое время из-за игнорирования опроса коренного населения о водившихся в их районах диких ослах, недоучета данных исторического порядка среднеазиатских куланов (قولان) отождествляли с монгольскими джигетаями (چفتى), ранее обитавшими и в южном

Забайкалье. Между тем, местные жители не только выделяли их как особые породы или расы, но еще в первой половине XIX столетия даже указывали границу тогдашнего расселения — Джунгарию. Голод в результате резких климатических изменений (например, наступление гололедицы) заставлял в ту пору куланов на короткое время эмигрировать на восток в Заилийский край, но с обязательным возвращением весной на свои прежние пастбища [3, с. 398].

Происхождение широко распространенного в быту и в литературе термина кулан связано с тюркоязычными племенами, некогда обитавшими, а частично населяющими Среднюю Азию и теперь казахами, киргизами, узбеками и др. У туркмен он звучит как гулан, гулон с кратко произносимыми гласными, а в диалектах кулан¹. Этим термином туркмены обозначают северный персидский подвид. Сами персы этих диких животных, в том числе и водившихся в южных районах Ирана, в средние века и позднее именовали гор, гур или гурфар. В древней языческой согдийской среде до арабского завоевания Средней Азии и до широкого вхождения в обиход тюркских наречий куланов как будто именовали хар и, может быть, хараш (?). На большей части современной Таджикской ССР и прилегающих к ней ближайших территорий если и водился когда-либо кулан, то давно исчез, поэтому в разговорной речи нынешнего коренного населения Таджикистана собственный термин для обозначения этого животного не сохранился.

Куланы считаются принадлежащими к кочующим животным, но бродили они обычно в пределах определенных обжитых ими районов. Отдельные группы их встречались иногда в предгорьях (даже в горах), но преимущественно они обитали в изобиловавших различными хорошими кормовыми травами степях, песках, в том числе холмистых

¹ Об этом мне любезно сообщал В. Н. Пялико со слов туркменского лингвиста Е. Аганизова.

песках. Кочевали в зависимости от времени года. Весной в ряде районов двигались в северном направлении, а осенью возвращались на свои южные территории, где сбивались порой в большие стада в несколько сот особей.

Бывший еще в XIX столетии ареал куланов в теперешней Советской Средней Азии в общих чертах более или менее установлен². Начинаясь он обширными территориями от восточных отрогов Южного Урала (иногда, видимо, даже от Волги) и степей Западной Сибири в южных частях Акмолинского, Атбасарского, Каракамышского и Зайсанского районов, охватывая Кызылкумы (в которых, однако, к середине XIX в. куланов уже не было) и плато Устюрт между Аральским морем и Каспием до залива Кара-Богаз-Гол и Красноводского плато. Один из полуостровов в северной части Аральского моря до сих пор называется Куланды. Куланами была обжита большая часть песков Каракум. Встречались они даже в предгорьях Казанджика, Кызыларвата и Геокдепе. После проведения закаспийской железной дороги группы куланов, с любопытством наблюдавших издали за движением поездов, можно было видеть из окон вагонов на восточном отрезке рельсового пути чуть ли не с самого Ашхабада. Были ли это казахстанские куланы, более крупные по размерам и относительно темной окраски, или они принадлежали к более мелкому и светлому персидскому подвиду, точно не установлено. Значительное число последних обитало на участке между реками Теджен и Мургаб, южнее Мары, включая весь Бадхыз с озером Еройлан на советской стороне и прилегающей части в пределах Афганистана.

Юго-восточная оконечность хребта Каратау, откуда берет начало река Терс, по проживавшим в прилегающей равнине казахстанским куланам, называлась населением Гора кулан. На том же основании один из западных боковых притоков реки Талас к юго-востоку от Джамбула и сейчас именуется Кулан-сай (6, с. 5). Балхашская котловина и Илийская степь в середине XIX в. изобиловали куланами, которых тогда не было у Иссык-Куля.

Слово кулан в топонимике Средней Азии до сих пор встречается довольно часто³. Это еще один показатель их бывшего широкого распространения здесь. В ряде случаев пережиточно существующий в наше время данный термин появился в некоторых местах по крайней мере в раннем средневековье до арабского завоевания, о чем можно судить по дошедшим сведениям из исторических письменных источников.

Наглядным примером служит одноименный тюркский город Кулан, существовавший на большом пути из Таласа в Восточный Туркестан. Его руины расположены в предгорьях северного склона Кыргызского хребта на отрезке упомянутой дороги между теперешним Джамбулом (б. Аулиеата) и городом Фрунзе (б. Пишпек), в районе селения Луговое, где раньше была станция русского верненского почтового тракта Тарты. Развалины самого города Кулан находились примерно в 3 км к северо-востоку от указанной станции. Сведения об этом городе, относящиеся к первой половине VII в., известны из китайского маршрутного описания пути через него (именуемого в транскрипции Цзюйлань) и помещены в истории династии Тан. В Кулане около 740 г. был убит Ашын Синь, сын и преемник тюркского кагана Ашина Худайдас. В 810 г., по Ибн-ал Асиру, арабы предприняли поход против этого города [8, с. 33; 9, с. 260].

² Заслуживает внимания, что, по П. И. Рычкову, в XVIII в. куланов, водившихся на зайицкой степи, около реки Сарысу, а иногда и по Эмбе, бывших ростом выше тарпанов, именовали также «турханы». Может быть, там обитал особый подвид [4, с. 206; 5, с. 141—142].

³ С. Атанязов отмечает в разных местах Туркменской ССР тридцать топонимов со словом «кулан» [7, с. 90—91]. Немало подобных топонимов на территории Кыргызской, Казахской ССР и Каракалпакской АССР. Представляется целесообразным составление картограммы Средней Азии, фиксирующей все топонимы со словом «кулан».

К концу IX в. относится арабское маршрутное описание пути, проходившего через город Кулан, до которого от Тараза считалось 14 фарсахов. Дорога пролегла по песчаной степи, также носившей название Кулан. Она изобилвала ядовитыми змеями и примыкала к современным пескам Муюнкум. От города Кулан до расположенного восточнее селения Мирки (в транскрипции *مرکی*) было 4 фарсаха [10].

В 1223 г. в той части этой равнины, которая именовалась тогда Кулан-баш (*قولان باش* — начало Кулана) все лето провел Чингизхан с частью своих войск. Эта же местность упоминается у Джувейни в рассказе о путешествии ильхана Аргуна (1284—1291), четвертого правителя персидской династии монгол. Позднее в XV в. Ибн-Арабшах, приводя географическое название Кулан-чук, считал, что это самая холодная местность края.

В. В. Бартольд допускал, что это тот самый перевал Кулан (*عقبه قولان*), через который перешел тимурид Мухаммед Султан на пути к Ашпаре. Вместе с тем, Абд-ар-Раззак, говоря о событиях 1411 г., помещает Кулан-башу между Янги (Балас) и Саураном. Это дало покойному академику повод считать, что перевалом Кулан называлось пространство между хребтами Каратау и Таласским Алатау на пути из Чимкента в Аулиеата [9, с. 522, прим. 3; 11, с. 80, 93].

Изучение города Кулана началось почти сто лет назад. В середине 80- годов прошлого столетия при землемерной съемке более или менее обжитых районов Семиреченской области землемер-топограф В. В. Андреев нанес на план в районе Тарты городище Кулан. С тех пор, особенно в начале 90-х годов, об этом памятнике немало говорили (в частности Е. Т. Смирнов) и даже его посещали, в том числе В. В. Бартольд и В. А. Каллаур. Довольно подробно его описал сопровождавший В. В. Бартольда в его северном маршруте 1893 г. по Средней Азии художник С. М. Дудин [12, с. 21]. Из нескольких статей В. А. Каллаура для нас представляет интерес та, в которой упоминаются им урочища Кулан-кобы по восточной стороне городища и Кулан-сюеге на севере от него в сторону песков [13, с. 2]. К концу прошлого столетия городище около Тарты и средневековый город Кулан отождествлялись русскими и зарубежными учеными, в том числе В. Томашеком. Уже при советской власти это было подтверждено исследованиями А. Н. Бернштама.

Заслуживает внимания свидетельство арабских географов X в., что прозвище «город дикого осла» (или «диких ослов») носил тогда крупный населенный пункт, второй по величине в Шаш-Илакской области Харкет (*خرکت*) или по одной из транскрипций Харашкет (*خرشکت*). Он был расположен на отрезке большой дороги из Бинкета (Ташкент) в Самарканд после перехода ее на левый берег Чирчика, не доходя одного фарсаха до находившегося на правом берегу Сырдарьи разрушенного позднее монголами Бинакета. Причина появления приведенного прозвища пока остается неизвестной⁴.

Внимание среднеазиатских земледельцев и кочевников, безусловно, давно привлекали местные быстрые в беге (до 60 км в час), отважные дикие куланы. Не могло остаться незамеченным, что сильных ударов копыт этих со смелым нравом животных боялись даже волки, не осмеливавшиеся нападать на взрослых особей куланов и поэтому вредившие им меньше, чем другим копытным. В отличие от пренебрежительного, в отношении людей почти ругательного слова осел (ишак)⁵, прозвище по любому подвиду куланов на Востоке долгое время счита-

⁴ Как установлено мною в 1934 г., развалинам Харкета или Харашкета соответствует городище Кавка [14, с. 105—114].

⁵ В Европе бранным словом было «полуосел» (*hemleiblus*).

лось не только почтительным, но даже почетным. Показательно, что член династии Сасанидов, надолго ставший после смерти одним из любимейших отважных персонажей иранских романтических фольклорных произведений, олицетворяющих мужскую силу, а именно Бахраму (420—435), даже при наличии некоторых неудачных последствий своей внешней политики носил почетное прозвище «Гур» (غور) — так именовался персидский подвид кулана. Второй сын Чингиз-хана был наречен именем Джигетай (или Джагатай) в смысле «храбрый», как назывался монгольский подвид кулана.

Очень трудное, но достаточно удачное одомашнение таких крупных животных, как дикие двугорбые азиатские верблюды (*Camelus Bactrianus*), не могло не стимулировать попытки использовать как-то в хозяйстве меньших по размерам, стройных и достаточно умных куланов. Разные народности пробовали приучить маленьких сосунков всякими способами. Те охотно сосали молоко приставленных к ним домашних лошадей, быстро усваивали дававшиеся им клички и отзывались на них. В первые год-два были совсем ручными. Но затем, когда подрастали, превращались в упрямых, злых, диких и свирепых животных.

Заслуживает внимания упоминание, что в Тибете самцы диких кианг и домашние лошади не питают отвращения друг к другу, как домашние ослы и кобылы в Средней Азии. Мулы, порожденные от скрещивания киангов с домашними лошадьми, якобы иногда давали потомство [15, с. 540]. Неоднократно было замечено, что случайно отбившиеся от стада домашних лошадей кобылы приставали к куланам, те охотно их принимали в свою среду, и эти лошади постепенно дичали, даже скрещивались с самцами куланов. Среди казахов в середине прошлого столетия бытовало устное предание, будто маленький сын Джанибек-хана (первого потомка казахского хана Берке из династии Джучи-хана) погиб от того, что лошадь, на которой он учился ездить, сманили в свое стадо куланы. В отместку Джанибек-хан распорядился вырыть большой ров от Тарбагатай до Или, велел загнать в него всех обитавших тогда в Джунгарии куланов и истребить их там. Спасся якобы только один самец кулан со своей кобылой.

Как любезно сообщил мне в письме академик А. Х. Маргулан, в восточной части Казахстана есть два крупных старинных рва, по-видимому, предназначенные для облавной охоты на куланов: один — в горах Хан-тау, носящий название Кулан-кырылган (истребление куланов), и второй тянется от озера Балхаша до северо-западных отрогов Джунгарского Ала-тау и реки Или. Одновременно сообщил мне А. Х. Маргулан, что упоминаемую у Рашид-ад-дина местность Кулан-язы (равнина кулан) он отождествляет с районом холмистых гор северного и северо-восточного Прибалхашья, именуемого теперь у казахов Куланойнак (место забавы куланов), где, очевидно, куланы играли в период гона.

Муловодство было широко развито в Средней Азии. Исторические источники сообщают, что в первой четверти VIII в. согдийский ихшид Гурек и бухархудат Тухшада в числе подношений китайскому двору выделали по паре мулов, очевидно, не совсем обыкновенных не только по качествам, но и по происхождению. Известно, что в X в. какую-то особенно ценную породу мулов выводили в Бадахшане. К сожалению, источники не указывают, к каким породам принадлежали породившие этих мулов животные. И совершенно особняком наличествует сведение, что в 1325 г. султан Мамуд газневидский при встрече в Мавераннахре с кашгарским Кадыр-хяном в числе ценных даров подарил последнему несколько куланьих ослиц без расшифровки для какой надобности.

В 1925 г. по линии Средазкомстариса в связи с необходимостью выяснения состояния так называемого «мавзолея Манаса», в 1943 г.

при изучении Геолкомом истории горного дела по Таласу и в 1945 г. при детальном обследовании упомянутого мавзолея Управлением по делам архитектуры при СНК КиргССР мне пришлось столкнуться с единственным в своем роде для Средней Азии объектом, расположенным в верхней части долины Таласа, несколько севернее одноименного населенного пункта (б. сел. Дмитриевское)⁶, включающего как степное пространство, так и часть предгория по южному склону Киргизского хребта. Местному коренному населению вся эта территория известна под двумя названиями: «Кулан-курук» (قولان قوروق) и «Кулан-камалган» (قولان قمالغان). Слово «курук» означает заповедник, под этим термином в монгольскую эпоху подразумевался участок земли особой частной собственности, местопребывание правителя или его дворец с гаремом, куда был закрыт доступ посторонним. Словом камалган подчеркивалась многочисленность куланов. Вся огромная площадь кулан-курука была обведена сплошной ваякнутой стеной, от которой в низменной части сохранился оплывший земляной вал. От подножья гор и выше вдоль северной границы заповедника стена была сложена из каменных плит. Внутри отгороженного пространства у подножья отрогов Киргизского хребта есть небольшой «турткуль», представляющий собой руину четырехугольной в плане, видимо, несколько укрепленной усадьбы для жилья. При моем посещении на ее развалинах было расположено современное киргизское кладбище.

После монгольского завоевания Средней Азии вся долина Таласа была отведена под «яйлак» (يایلاق), т. е. территорию летней кочевки, и потому здесь легко было выделить соответствующую площадь под заповедник. По дошедшей до нашего времени легенде, это произошло при Махмуд-хане, по распоряжению которого на огороженной территории содержали большое количество куланов. На них временами устраивалась увеселительная охота и, кроме того, там же осуществлялись опыты по спариванию их с домашними лошадьми для получения мулов. Заповеднику придавалось большое значение, а ответственность за его состояние возлагалась на самого везира. Непосредственное наблюдение осуществлялось специально выделенными для этого пятнадцатью джигитами [16, с. 22—23].

Создание Махмуд-ханом заповедника Кулан-курук связано, вероятно, с ощущавшимся уже в XIII в. некоторым сокращением поголовья куланов не в одной долине Таласа. На протяжении столетий в Средней Азии данный процесс протекал не столько под влиянием вытеснения этих животных из некоторых районов их обитания тем или иным хозяйственным освоением последних человеческим обществом, сколько из-за интенсивного истребления куланов охотой. Крупный зверь был привлекательной дичью не только своими размерами и весом, по килограммам соответствовавшим нескольким баранам. У некоторых представителей коренных среднеазиатских народностей блюда, приготовленные из куланьего, всегда дорого стоившего по базарным ценам, мяса, до недавних сравнительно пор были обязательными при особо торжественных общественных тоях, просто на праздниках или при любых узко семейных событиях. Считалось, кроме того, что мясо, а особенно жир куланов, обладают рядом целебных качеств, полезных при лечении ревматизма и многих других болезней. В связи с этим мясо и жир заготавливались на зиму зажиточными людьми в не малом количестве. При изготовлении зимней одежды особенно ценился мех с брюха самок как самый теплый. Кожа шла на конские наборы, из нее изготавливали добротный сафьян для одевавшихся на ноги мягких чиягов [17, с. 52].

⁶ Последнее занимает территорию средневекового Текабкета, прекратившего существование после нашествия монголов.

Куланов уничтожали не только из хозяйственных целей, но и в связи с увлекательной охотой на этих животных, проявлявших храбрость при вынужденной защите от нападений. Массовые охоты на стада куланов, кроме того, служили правителям как бы практической учебой для организации и осуществления некоторых военных маневров. Особенно крупной была охота, предпринятая монголами летом 1223 г. к северу от Киргизского хребта на равнине Кулан-баши. Там тогда находился Чингиз-хан со своей свитой и с частью войск. Его старший сын Джучи пригнал по распоряжению отца из Кипчака дополнительно большое количество куланов и 20000 белых коней. По мнению В. В. Бартольда, эта грандиозная охота монгол преследовала только одну цель — заготовку мяса для армии Чингиз-хана [9, с. 522].

Между прочим, Джучи, родоначальник династии Джучидов, неожиданно скончался почти одновременно со своим отцом. Случилось это в 1227 г. Во время охоты на куланов Джучи погиб, окруженный большим табуном рассвирепевших куланов. Народная молва тогда же создала легенду, будто хан пал жертвой джигетаев, мстивших за безмерное множество истребленных по его повелению сородичей.

Таким образом, среднеазиатские куланы постоянно подвергались истреблению. После присоединения Туркестана к России администрация отдельных областей временами отдавала распоряжения о запрещении истреблять этих животных, что по существу почти не выполнялось. Среди первых законов молодого Советского государства об охоте уничтожение куланов было поставлено под абсолютный запрет, который однако в глухих районах, особенно в обширных степях и пустынях, соблюдался не очень строго. В начале 30-х годов последние куланы совершенно исчезли из Бетпакадалы и Семиречья. В результате еще недавно широко распространенное животное сохранилось в основном на крайнем юге Туркмении, где оно обитает и сейчас в северной советской части Бадхыза. Здесь куланы держатся в пустынных холмах в районе соленых озер к западу от Ислим-чесме, изредка попадают между Мургабом и рекой Кашаном, иногда встречаются и вне этого их постоянного местожительства.

Бадхызская группа куланов привлекала и продолжает привлекать к себе заслуженное внимание. В 1931 г. я выступал с предложением о стойловом содержании бадхызских куланов и разведении от них мулов для использования в военном деле [19].

В 1933 г. в Бадхызском нагорье местную фауну млекопитающих изучала экспедиция И. М. Громова, собравшая интересные материалы и о тамошних куланах [20, с. 394].

К середине 30-х годов интерес к сохранившемуся в СССР поголовью куланов постепенно возрастал и упорно ставился вопрос о скрещивании их с домашними ослицами и лошадьми. К сожалению, в научных трудах зоологов, писавших о биологии куланов, история гибридизации этих животных в Средней Азии долгое время не находила не только полного, но хотя бы краткого непротиворечивого у разных авторов отражения многих фактов с точки зрения последовательности и датировок. В частности, по существу полузабыта положительная роль, которую играл в этом деле генерал-полковник О. И. Гордовиков.

В 1936 г. профессор Среднеазиатского государственного университета Д. Н. Кашкаров писал, что кулан мог бы стать коммерчески выгодным товаром при продаже зарубежным зоологическим садам, а также его можно скрещивать с домашними ослами для получения новой лучшей породы столь нужного животного в пустынях и в горах Средней Азии [21, с. 235]. Но уже до того подавляющее большинство активистов-зоологов, не касаясь указаний выгодной коммерческой стороны от продажи куланов, все чаще и чаще выступало за необходимость возможного сохранения и детального научного изучения уцелевших в Турмении, резко убывающих, единственных в нашей стране,

представителей этого интересного подвида непарнокопытных млекопитающих.

Первый подопытный маленький куланчик был пойман по специальному заданию в Бадхызе у колодцев Адамэлек в 1936 г. Его поместили в Серахской конюшне, где он стал совсем ручным [22, с. 22—23]. Позднее в Ташкент из района Кушки были доставлены пять тамошних куланчиков, четыре из них вскоре погибли от тяжелого заболевания. Оставшийся в живых был переведен в долину Ангрена на 68 конный завод в Тойтюбе, где он подрос, но при попытках спаривания его с лошадьми оказался импотентным. На этот же завод препровождались потом все вновь поступавшие в Узбекистан бадхызские куланчики для проведения опытов по гибридизации их с домашними ишачками и лошадьми. Первый гибрид от скрещивания подросшего кулана с ослицей получен в конце 1939 г., причем куланосенок имел ряд физических дефектов. В дальнейшем удалось обеспечить оплодотворяемость 7 из 10 ослиц и 3 из 9 кобылиц [23, с. 71], а в 1940 г. появились 13 кулановидов из 6 кобыл и 7 ослиц [21, с. 55]. Опыты производил старший зоотехник Л. В. Шкургин под руководством научного сотрудника Н. И. Оголя.

В 1939 г. в Ашхабадском зоопарке проживало четыре бадхызских кулана. Над ними производились опыты по приручению и гибридизации. Два кулана отсюда были переведены в Московский зоопарк [24, с. 41].

Правильность идеи о необходимости поддержания численности куланов путем создания для них специальной зоны в Тахтабазарском и Серахском районах в 1940 г. была документально признана в одном из решений Совнаркома СССР. Окончательное практическое оформление такого мероприятия было осуществлено после издания в 1941 г. специального декрета правительства Туркменской ССР об устройстве куланьего заповедника на значительной части Советского Бадхыза. Как отметил В. Г. Гентнер, это оказалось шагом весьма своевременным и предусмотрительным и значение данного заповедника выходит далеко за пределы интересов Туркмении и даже Советского Союза [17, с. 93]. В Персии, Афганистане, Монголии и Китае это животное находится под постоянной угрозой полного истребления.

Не менее важна намечавшаяся уже в 1940 г. организация заповедника куланов на расположенном в северной части Аральского моря острове Барсакельмес. Несколько экземпляров бадхызских куланов было переброшено туда в 1953 г. [25, с. 201]. Обеспеченность водой и обширными безопасными пастбищами оказалась настолько благоприятной, что за короткое время численность их увеличилась во много раз, что позволило поставить вопрос о расширении опыта по реакклиматизации этого персидского подвида куланов в других северных районах, например Устюрте.

В последующие десятилетия, начиная с многолетних исследований А. О. Соломатина, разнообразные научные биологические наблюдения и накопленный хозяйственный опыт использования куланов были запечатлены в публикациях, заслуживающих специального общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов Е. А. Происхождение домашних животных. Изд. 2-е, перераб. и доп. Боголюбским С. Н. М., 1937.
2. Лпатов М. К. Определитель млекопитающих Средней Азии. Ташкент, 1924.
3. Валиханов Ч. Ч. Очерки Джунгарии. Соч., т. 1, Алма-Ата, 1961.
4. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии (1762 г.). Оренбург, 1887.
5. Шангин И. П. Извлечения из описания экспедиции по Кыргызской степи в 1818 году.— Сибирский Вестник, 1820, № 9.
6. Каллаур В. (А). Археологическая поездка по Аулиеатинскому уезду.— Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Ч. 2. Ташкент, 1897 (Приложение к протоколу ТКЛА 29 августа 1897 г.).

7. Атанязов С. Туркменистанын топонимияк соалуги. Ашхабад, 1970.
8. Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Соч.: В 9-ти т., т. 2 (1), М., 1963.
9. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1, М., 1963.
10. Koday ibn Djafar. Kitab al khorddg. BSA, VI, Lugduni Bataworum, 1888.
11. Бартольд В. В. Улугбек и его время. Соч., т. 2 (2), М., 1964.
12. Записки Академии наук, 8 серия по историко-филологическому отделению, т. 1, СПб., 1897, № 4.
13. Каллаур В. А. Древние местности Аулиеатинского уезда на старом пути из Тараза (Таласа) в Восточный Туркестан.— Приложение к протоколу Туркестанского кружка любителей археологии от 5. V 1897 г. (год 2-й). Ташкент, 1897.
14. Массон М. Е. Ахангеран. Археолого-топографическое изучение. Ташкент, 1953.
15. Фауссен В. А. Джебегай.— Энциклопедический словарь. СПб., 1893, т. 10.
16. Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Гумбаз Манаса. М., 1950.
17. Гентнер В. Г. Кулан и перспектива его существования в СССР.— Охрана природы, сб. 2, М., 1948.
18. Массон М. Е. Из истории куланов. Бюллет археолога-натуралиста.— Правда Востока, 1934, 5 дек.
19. Громов И. М. К фауне и зоологии млекопитающих северо-восточного Бадкхиза. Проблемы паразитологии и фауны Туркмении.— Труды СОПС, сер. Туркестанская, вып. 9, М.—Л., 1937.
20. Кашкаров Д. Н., Коровин Е. П. Жизнь в пустыне. Введение в экологию и освоение пустынь. М.—Л., 1936.
21. Розанова М. Куланы.— На суше и на море, 1937, № 3.
22. Опыт гибридизации кулана.— Социалистическая наука и техника. Ташкент, 1939, № 9.
23. Ишунин Г. Кулан.— Наша страна, 1940, № 7.
24. Флинт В. Е. (автор главы «Непарнокопытные»).— Млекопитающие СССР. Справочник. М., 1970.
25. Соломатин А. О. Кулан. М., 1973.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Н. Юсупов. Из истории археологического изучения низовьев Амударьи (Гяур-кала: Султангулдагская, Джампык-кала, Куба-гау, Чильпык)	3
Е. Б. Бижанов. Памятники каменного века впадины Шахлахты	8
М. Мамбетуллаев. Хумбузтепе — керамический центр южного Хорезма	21
Г. Хожаниязов. Оборонительные сооружения городища Кургашич-кала	39
Ю. П. Манылов. Городище Аяз-кала II — уникальный памятник ранне-средневекового Хорезма	46
В. Н. Ягодни. Кердерское поселение Куюк-кала	54
Ю. П. Манылов, М. Ш. Кдырниязов. Городище Джампык-кала	67
М. Мамбетуллаев. Средневековый могильник Қалмыккрылган	80
М. Ш. Кдырниязов. Культурные связи средневековых городов Хорезма	92
Б. С. Сайпанов. Из истории Хорезма конца XII века	102
М. Е. Массон. Из истории диких куланов в Средней Азии	112

Цена 1 р 75 к.

